

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В. Я. Портяков

СТАНОВЛЕНИЕ
КИТАЯ
КАК ОТВЕТСТВЕННОЙ
ГЛОБАЛЬНОЙ
ДЕРЖАВЫ

Москва
ИДВ РАН
2013

УДК [323/327+338](510)
ББК 65.9(5Кит)+66.2(5Кит)
П60

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

*Рецензенты:
к.и.н. А.С. Давыдов, к.ф.н. А.Г. Ларин, к.э.н. И.В. Ушаков*

*Ответственный редактор:
к.и.н. А.С. Давыдов*

Портяков В.Я.
П60 Становление Китая как ответственной глобальной державы : моно-
графия / В.Я. Портяков. — М. : ИДВ РАН, 2013. — 240 с.

ISBN 978-5-8381-0230-0

В монографии анализируется процесс становления Китая как ответственной глобальной державы: рассмотрены хронология и концептуальное оформление этого процесса; исследовано воздействие обретения Китаем статуса ответственной глобальной державы на его внешнеполитический инструментарий и позиционирование в мировой экономике; показаны основные внутристрановые направления реализации Китаем его возросшей глобальной ответственности.

Книга адресована профессиональным ученым — китаеведам и политологам, магистрантам, аспирантам, а также всем читателям, интересующимся Китаем.

УДК [323/327+338](510)
ББК 65.9(5Кит)+66.2(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0230-0

© Портяков В.Я., 2013
© ИДВ РАН, 2013

Введение

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой комплексный анализ внешнеполитических, мирохозяйственных и внутристрановых измерений процесса становления Китайской Народной Республики как ответственной глобальной державы.

В работе прослежены основные этапы этого процесса, «точкой отсчета» которого явились завершение холодной войны и распад СССР. Китай из страны, доселе бросавшей вызов существующей международной системе или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, начал превращаться в активного участника и строителя этой системы, демонстрирующего на международной арене образ ответственной державы.

Вслед за позитивной оценкой международным сообществом мер Китая по противодействию азиатскому финансовому кризису 1997—1998 гг. в официальном политическом лексиконе Пекина начинает использоваться самоидентификация КНР как ответственной глобальной державы.

Вместе с тем, поскольку сама идея ответственности Китая за мировые дела была воспринята рядом китайских экспертов как имеющая сугубо западное происхождение и потому чреватая нанесением ущерба интересам страны, ее продвижение на уровень доктрины или принципа, официально признаваемого руководством КНР, растянулось на десятилетие. На наш взгляд, выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны и ее полноформатного включения в мировое хозяйство. Китай, с одной стороны, получил весомый выигрыш от процессов глобализации и регионализации мировой экономики, а с другой — оказался вынужден оплатить свой «входной билет» в мировой рынок возникновением отсутствовавшей ранее глубокой взаимозависимо-

сти между ним и множеством субъектов международного сообщества. Первоочередной «производной» этой взаимозависимости и явилось осознание Китаем необходимости взять на себя определенную глобальную ответственность, то есть адаптироваться к сложившимся в мире правилам игры, действовать на мировой арене исходя не только из собственных национальных интересов, но и учитывая интересы, озабоченности и даже прямые требования других субъектов международной жизни, неизбежно нарастающие вслед за ростом комплексной мощи самого Китая.

В целом Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях укрепления региональных и глобальных позиций страны и улучшения ее образа в мире. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами. Китай жестко противостоит попыткам навязать ему американское или европейское видение задач и масштабов его глобальной ответственности.

Концептуальное видение Китаем его растущей глобальной ответственности в большей или меньшей степени реализуется в его практической деятельности на международной арене.

Значительно обновился внешнеполитический инструментарий страны. Пекин, заинтересованный в обеспечении благоприятных внешних условий для динамичного экономического роста, с начала 1990-х годов сделал упор на последовательное проведение политики партнерства и добрососедства. В самой КНР формулу «партнерства» рассматривают как новаторскую и оценивают установление партнерских отношений со многими государствами как заметный вклад в современные международные отношения. На конкретных примерах показаны значительная гибкость и разнообразие вариантов китайской политики партнерства.

В отличие от партнерства политика добрососедства адресована более конкретному ареалу — географическим соседям КНР. Цель политики добрососедства состоит в обеспечении безопасности Китая и развитии стабильных гармоничных отношений с соседними странами, в улучшении восприятия Пекина в мире. Эффективность политики добрососедства во многом обусловлена ее комплексностью. Впрочем, как показано в заключительной главе работы, посвящен-

ной внешней политике Китая в период 2009—2011 гг., этой политике предстоит пройти серьезную проверку на прочность, особенно при разрешении спора КНР с рядом государств Юго-Восточной Азии по вопросу о суверенитете над островами Южно-Китайского моря.

Рассмотрены основные направления реализации Китаем статуса ответственной державы в процессе работы в Организации Объединенных Наций. Мирохозяйственные аспекты становления Китая в качестве ответственной глобальной державы проанализированы на примере адаптации КНР к нормам и правилам Всемирной торговой организации, действий Пекина в период мирового экономического кризиса и проводимой им политики валютного курса. Поставлен вопрос о необходимости перехода КНР от докризисной модели своей глобальной ответственности в мировой экономике к посткризисной модели, что предполагает перенос центра тяжести на интенсивные факторы развития и введение разумных самоограничений по темпам прироста ВВП и масштабам товарной экспансии на мировых рынках.

На концептуальном уровне Китай постулирует единство его ответственности за действия на международной арене и во внутренней политике. При этом, однако, у КНР и международного сообщества существуют заметные различия в видении структуры и иерархии сфер внутривосточной ответственности страны. На наш взгляд, предметами первостепенного внимания Китая как ответственной глобальной державы должны быть его демографическая политика и реализуемая страной модель экономического роста. Не уклоняется Китай и от задач совершенствования политических институтов и защиты прав человека, однако прогресс здесь не носит поступательно-линейного характера.

В Приложении помещены англоязычные версии некоторых основных глав монографии, что призвано сделать работу более доступной для зарубежных читателей.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ: ХРОНОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Заметно возросшая в первом десятилетии XXI века внешнеполитическая активность Китая сопровождалась выдвиганием в Пекине целого ряда концепций, призванных наглядно показать мировому сообществу главные ориентиры, формы и методы деятельности страны на международной арене на современном этапе и в обозримой перспективе. Так, широкий международный резонанс вызвали концепция «мирного возвышения» Китая и пришедшая ей на смену формула «мирного развития» страны, а также озвученный председателем КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. призыв к созданию «гармоничного мира». Широкое обсуждение этих весьма масштабных идей, явно претендовавших на привлечение устойчивого долгосрочного внимания международного сообщества, на какое-то время оставило в тени тот факт, что параллельно и в самом Китае, и за рубежом все настойчивее зазвучали призывы к КНР, вышедшей на позиции одного из лидеров глобальной экономики, взять на себя больший, чем ранее, груз ответственности за состояние дел в мире. И хотя в политической лексиконе китайской дипломатии характеристика КНР как «ответственной державы» впервые появилась еще в 1999 г.¹, однако лишь относительно недавно, взвесив все «за» и «против», официальный Пекин, похоже, согласился с определением Китая как ответственной глобальной державы, предпочитая, впрочем, использовать

уточняющую дефиницию КНР как «ответственной крупной развивающейся страны». Именно такую формулировку употребил, например, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи при ознакомлении представителей СМИ с результатами участия председателя КНР Ху Цзиньтао в ряде саммитов ООН и 3-м финансовом саммите «Группы 20» в США в сентябре 2009 г.² Кроме того, в статье о 60-летию дипломатии нового Китая в ведущей газете страны «Жэньминь жибао» Ян Цзечи включил «неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности» в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности КНР³.

Процесс осознания Китаем своего статуса как глобальной державы был длительным и непростым.

В первые два десятилетия существования Китайской Народной Республики ее международно-политическая деятельность носила весьма ограниченный характер. Восстановление в 1971 г. законного места КНР в Организации Объединенных Наций создало предпосылки для более активного участия страны в международной жизни, однако они не были в полной мере реализованы из-за внутривнутриполитической нестабильности и собственного изоляционистского экономического курса.

Ситуация начала меняться с поворотом Китая в конце 1978 г. к проведению политики модернизации, реформ и открытости. В 1980 г. КНР стала членом ведущих международных финансовых институтов — Всемирного банка и Международного валютного фонда. Нарастание масштабов внешней торговли, первый опыт привлечения иностранных инвестиций с участием иностранного капитала выявили необходимость адаптации внутреннего экономического законодательства и правил регулирования внешнеэкономической деятельности в Китае к общепринятым международным нормам. Это побудило КНР подать в 1986 г. официальную заявку на присоединение к ГАТТ — Генеральному соглашению о тарифах и торговле.

С начала 1980-х годов КНР стала выражать принципиальную поддержку миротворческим операциям, осуществляемым под эгидой ООН. Ее официальная заявка на членство в Специальном комитете ООН по миротворческим операциям была одобрена 43-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. С ноября 1989 г. КНР начала практически участвовать в операциях миротворческих сил ООН⁴.

Как полагает ряд китайских экспертов, настоящий «точкой отсчета» нарастания глубины и разнообразия форм участия Китая в жизни международного сообщества явилось завершение «холодной войны»⁵. Более того, из страны, доселе бросавшей вызов существующей международной системе или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, Китай начал превращаться в «активного участника и строителя» этой системы, демонстрирующего на международной арене образ ответственной державы⁶.

К интенсификации разнообразных международных контактов Пекин подталкивало как принципиальное расширение масштабов внешнеэкономической открытости страны, старт которому дала знаменитая поездка Дэн Сяопина в Шанхай и Шэньчжэнь в начале 1992 г., так и всемерное стремление уйти с гипотетической позиции главного соперника США и Запада в целом, на которую Китай объективно выдвигался после распада Советского Союза. Симптоматично, что именно в 1992 г. КНР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, который в маоцзедуновские времена жестко критиковался. Начиная со встречи глав государств и правительств — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сиэтле в 1993 г., КНР стала регулярно участвовать в ежегодных саммитах АТЭС. В целом в середине 1990-х годов Китай принимал участие в деятельности уже 80 % международных организаций⁷.

В этот период переломную роль в деле осознания Пекином всей важности ответственного поведения сыграли, по-видимому, два события. Первое — это крупномасштабные военные учения в Тайваньском проливе, которые КНР провела на рубеже 1995—1996 гг., демонстрируя недовольство политическим курсом возглавившего администрацию Тайваня Ли Дэньхуэя. Практически единодушная негативная реакция мирового сообщества на эти действия явно отрезвила Пекин и заставила его задуматься о пределах использования военной силы или угрозы ее применения для достижения своих целей. Вряд ли случайно летом 1996 г. КНР присоединилась к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ввела мораторий на собственные ядерные испытания. С другой стороны, международное сообщество высоко оценило конструктивную позицию Китая в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., ко-

гда сохранение стабильного курса юаня и финансовая помощь КНР ряду государств Юго-Восточной Азии предотвратили развитие событий по наихудшему сценарию и позволили региону преодолеть спад производства в сжатые сроки.

Ряд китайских экспертов полагает, что вопрос об идентификации Китая как «ответственной крупной страны международного сообщества» встал именно на фоне азиатского финансового кризиса. С этого времени КНР начала постепенно интегрироваться в международную систему в качестве ответственной державы, руководствуясь данной идентичностью в своей практической внешней политике⁸.

Заметными вехами на этом пути стали: присоединение Китая ко Всемирной торговой организации (декабрь 2001 г.); подписание Киотского протокола (сентябрь 2002 г.); подключение, начиная со встречи в Эвиане в 2003 г., к диалогу государств «восьмерки» с крупнейшими развивающимися странами. В условиях мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. КНР выступила как один из наиболее инициативных и влиятельных членов мировой финансовой «двадцатки», то есть группы ведущих экономик мира (G-20). Как констатировала газета «Жэньминь жибао», «как высоко ответственная крупная страна, КНР принимает активное участие в международном сотрудничестве, прилагая максимум возможных усилий для противодействия текущему финансовому кризису»⁹.

Определенная часть китайского экспертного сообщества до недавнего времени занимала *скептическую* и даже отрицательную *позицию* по вопросу о самоидентификации КНР как ответственной державы, полагая, что данная идея имеет *западное происхождение* и солидаризация с ней не отвечает интересам страны. При этом скептики чаще всего указывали на обнародованное в 2005 г. и получившее широкий международный резонанс пожелание заместителя государственного секретаря США Р. Зеллика видеть Китай «ответственным пайщиком» (responsible stakeholder) международной системы¹⁰. Однако на Западе это было далеко не первое высказывание подобного рода. Так, еще в 1995 г. министр обороны США У. Перри заявил о желании способствовать тому, чтобы политика КНР «еще больше была бы похожей на политику ответственной мировой державы», а в 1997 г. на приеме в честь председателя КНР Цзян Цзэминя президент США Б. Клинтон одобрительно отозвался о «важном вкладе

Китая в развитие международного сообщества в качестве державы, несущей глобальную ответственность»¹¹.

Как бы то ни было, влияние Запада на выработку Китаем концепции своей международной ответственности вполне очевидно. Однако в этом нет какого-либо «первородного греха». Во-первых, как отмечают ученые в самом Китае, многое из того, что идет с Запада, «играет активную роль в общей истории человечества»¹² — а к идее особой ответственности крупных государств за свои действия на международной арене это, на наш взгляд, относится в полной мере. Во-вторых, Китай, независимо от первоначального генезиса идеи его растущей международной ответственности, сумел обратить ее себе на пользу, сделав эффективным инструментом противодействия теориям «китайской угрозы», неизменно сопровождающим с начала 1990-х годов динамичный экономический рост страны и усиление ее веса в мировой политике¹³.

Немаловажно и то обстоятельство, что попытки США и Европейского союза навязать Китаю их видение приоритетов и «требуемой» степени ответственности его внешней, а подчас и внутренней политики¹⁴ де-факто помогают Пекину формировать собственную позицию, точнее и четче соизмерять имеющиеся возможности и принимаемые на себя обязательства, вырабатывать отвечающую национальной специфике «дорожную» карту постепенного расширения сфер и диверсификации форм реализации собственной глобальной ответственности.

На наш взгляд, вопрос о первоисточнике термина «международная ответственность» применительно к Китаю имеет второстепенное значение. Ведь **выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны** и ее полноформатного включения в мирохозяйственные связи. Китай, с одной стороны, получил весомый выигрыш от процессов глобализации и регионализации мировой экономики, развернувшихся в последнее двадцатилетие, а с другой — по сути дела, оказался вынужден оплатить свой «входной билет» в мировой рынок возникновением отсутствовавшей ранее глубокой взаимозависимости между ним и множеством субъектов международного сообщества, первоочередной «производной» которой и явилось осознание Китаем необходимости принять на себя определенную глобальную ответственность. Други-

ми словами, адаптироваться к сложившимся в мире правилам игры, действовать на мировой арене исходя не только из собственных национальных интересов, но и учитывая интересы, озабоченности и даже прямые требования других субъектов международной жизни, неизбежно нарастающие вслед за ростом комплексной мощи самого Китая.

Сегодня КНР занимает 1-е место в мире по производству широчайшей гаммы промышленной и сельскохозяйственной продукции — от телевизоров и мобильных телефонов до стали, цемента, зерна и мяса. По абсолютному размеру ВВП страна вышла на 2-е место в мире, причем ее доля в мировом валовом продукте выросла с 3,9 % в 2003 г. до 10,4 % в 2011 г.¹⁵ КНР занимает 2-е место в мире по объему внешней торговли, а по объему экспорта товаров — 1-е. Доля страны в мировом экспорте товаров с 5,9 % в 2003 г. выросла до 10,4 % в 2011 г., а в импорте — с 5,3 % до 9,5 %¹⁶. Бывший с конца 1970-х годов крупным реципиентом иностранных инвестиций, Китай на глазах превращается во влиятельного экспортера капитала. Так, в 2008 г. его прямые зарубежные инвестиции достигли 55,9 млрд долл., в 174 странах и регионах мира уже создано свыше 12 тыс. предприятий с участием китайского капитала¹⁷, причем инвестиционная активность Пекина все заметнее ощущается даже в географически отдаленных от него Африке и Латинской Америке. Китай во всеуслышание объявил о планах создания крупного океанского глубоководного военного флота для обеспечения безопасности маршрутов транспортировки своих внешнеторговых грузов, особенно нефти,

В целом можно констатировать, что роль и влияние Китая в мире сегодня ощутимо вышли за те ограничительные рамки его участия в международной жизни, которые на рубеже 1980-х — 1990-х годов были очерчены известным заветом Дэн Сяопина: «Хладнокровно наблюдать, исподволь укреплять свои позиции, действовать, соблюдая выдержку, держаться в тени, предпринимать некоторые действия». Как следует из комментариев китайских экспертов, одна из основных целей Дэн Сяопина состояла в том, чтобы уберечь страну от взваливания на нее непосильной ответственности¹⁸. С той поры ситуация радикально изменилась, и в последние годы уже не только потребность в обеспечении суверенитета и интересов разви-

тия страны, но и императив ее международной ответственности начинает играть заметную роль во внешней стратегии КНР, включая сферы внешней политики, экономического развития и обеспечения безопасности¹⁹.

Китайские политологи-международники с конца 1990-х годов уделяют заметное внимание разработке **концепции ответственности Китая как глобальной державы**²⁰. К этому их подталкивает как недостаточная разработанность категории ответственности крупных стран в общей теории международных отношений, так и стремление обозначить в этом вопросе свою позицию. Судя по всему, первоначальный комплекс подходов к проблеме растущей ответственности Китая уже определился. Наибольшего внимания заслуживают следующие моменты.

Исходным пунктом поворота Китая к идее ответственности явилось четкое осознание того обстоятельства, что в реальной жизни повышение места и значения страны в международных отношениях далеко не полностью зависит от ее собственного желания и растущей мощи, но и во многом выступает результатом взаимодействия государственных интересов КНР и ожиданий от нее мирового сообщества.

Соответственно, именно вокруг связки «национальные интересы — интересы мирового сообщества» выстроено общее определение понятия «ответственности». По мнению ведущего китайского политолога-международника Ван Ичжоу, принятие Китаем соответствующей его возможностям международной ответственности означает поступательное увеличение вклада и степени участия страны в региональной и глобальной деятельности, с тем чтобы укрепление Китая и рост самосознания китайского народа постепенно превратились в источник нового прогресса и развития всего мирового сообщества²¹. Как подчеркивает профессор Янь Шэнъи из Фуданьского университета (Шанхай), Китай «не может просто пользоваться плодами международной безопасности и процветания, он должен... нести соответствующую его силам ответственность за обеспечение международной безопасности и порядка, не только защищать интересы своей страны, но и учитывать и защищать интересы других стран», «сочетать коренные интересы страны и общие интересы человечества»²². Безусловно, констатации такого рода чрезвычайно важны. Однако и в данном случае безоговорочный приоритет все же

отдается «защите государственного суверенитета, безопасности и интересов развития» самого Китая²³.

Весьма распространенной среди китайских экспертов является достаточно скромная на текущий момент оценка роли Китая в мировых делах. Так, по образному выражению Янь Шэнъи, Китай «зачастую пока все еще зритель, а не актер и тем более не режиссер», его предложения по совершенствованию миропорядка сводятся, как правило, к формулированию тех или иных принципов, тогда как предложений конкретного характера мало²⁴. Сходного мнения придерживается и Ван Ичжоу, полагающий, что Китай пока дал миру немного «международных продуктов», т. е. проектов договоров, конвенций и т. п., которые были бы приняты на вооружение международным сообществом²⁵.

Отсюда вполне логично следует всемерное подчеркивание ограниченного масштаба ответственности, принимаемой сегодня на себя Китаем. Это аргументируется прежде всего необходимостью для страны действовать «соразмерно имеющимся силам»: ведь по ВВП на душу населения Китай находится за пределами первой мировой сотни. Не меньшую роль играет озабоченность Пекина, что те или иные форматы ответственности, навязанные стране извне, могут помешать ее развитию. Поэтому китайские эксперты предлагают «создать механизм справедливого распределения международной ответственности между различными державами в увязке с факторами уровня их развития, комплексной мощи, исторической ответственности»²⁶.

С одной стороны, стремление играть большую роль в мире, а с другой — очевидная нерешительность при принятии на себя адекватных растущей мощи конкретных международных обязательств предопределяют известную двойственность, противоречивость позиционирования себя Китаем в нынешней системе международных отношений. Пекин громогласно заявляет, что поддерживает сложившийся мировой порядок и не собирается угрожать ему, тем более, выступать в качестве его сокрушителя; что, вступая в многочисленные международные организации, он принимает на себя существующие в международных механизмах ограничения²⁷. Но практически одновременно с этим провозглашает намерение «продвигать международный порядок в более справедливом и рациональном направле-

нии»²⁸, «способствовать его реформированию в справедливый, многосторонний демократический порядок нового типа»²⁹. Вместе с тем пути создания нового мирового порядка Пекин видит не в войнах и революциях, а в содействии безопасности и развитию всех государств мира, в преодолении бедности, в универсальном следовании принципам добрососедства и сотрудничества.

Некоторая противоречивость наблюдается и в вопросе о приоритетной зоне ответственности Китая, то есть о том, рассматривает ли себя КНР пока лишь в качестве азиатской державы или уже глобальной. В 2003 г. Ван Ичжоу констатировал, что «глобальная ответственность... является для Китая сравнительно долгосрочной перспективой» и что главной для него на текущем этапе выступает ответственность как «важной региональной державы Азиатско-Тихоокеанского региона». Успешное содействие в этом качестве общей стабильности ситуации и укреплению доверия и сотрудничества в регионе, проявление творческого подхода в целях нейтрализации имеющихся в АТР очагов потенциальных конфликтов послужили бы, считал Ван Ичжоу, «пробным камнем» для включения Китая в мировую элиту с соответствующим изменением масштабов и расширением сфер его ответственности³⁰. Спустя пять-шесть лет, за которые объем ВВП КНР вырос более чем в полтора раза, а внешнеторговый товарооборот — втрое, страна по-прежнему ставит в качестве первоочередной задачу «быть одной из главных движущих сил региональной системы»³¹. Однако теперь она, похоже, готова замахнуться на большее: стать «ответственной активной державой», о чем, по мнению китайских экспертов, свидетельствует выдвижение руководством КНР стратегии «мирного возвышения» страны³².

В целом, на наш взгляд, Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях укрепления региональных и глобальных позиций страны и улучшения ее образа в мире. Одновременно Пекин четко дает понять, что намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами, и не поддастся на попытки заставить его, образно говоря, «таскать каштаны из огня для чужого дяди».

Пекин также утверждает, что признание им своей растущей ответственности за состояние миропорядка и решение ряда глобаль-

ных проблем не тождественно претензиям на ведущую роль и, тем более, гегемонию в мировых делах. Поскольку и за ответственность, и за руководящие позиции в мире надо платить немалую цену, то Китаю, как констатировала сингапурская газета «Ляньхэ цзаобао», «еще рано бороться за международное лидерство»³³.

Концептуальное видение Китаем его растущей глобальной ответственности в той или иной степени реализуется в его практической деятельности на международной арене. Как полагает американский китаевед Сьюзан Ширк, в китайский «рецепт обретения репутации ответственного игрока на международной арене» входят три компонента: выстраивание взаимодовлетворительных отношений с соседними государствами; выступление в роли командного игрока в международных организациях и использование экономических связей для установления дружественных отношений с различными странами³⁴.

К настоящему времени статус Китая как ответственной глобальной державы наиболее выпукло проявился в таких сферах, как деятельность в ведущих международных организациях и обеспечение международной безопасности, функционирование мирового хозяйства, противодействие глобальным изменениям климата. По каждому из этих направлений, заслуживающих отдельного анализа, Китаем наработано внушительное «досье» практических дел и конкретных обязательств. Упомянем для наглядности лишь отдельные важные моменты:

- 6 августа 2002 г. КНР обнародовала новую концепцию безопасности, акцентирующую внимание на обеспечении комплексной безопасности всех стран мира. Ее сердцевиной стали призыв к отказу от так называемых игр с нулевой суммой, предполагающих обеспечение собственной безопасности за счет безопасности других стран, и предложение искать путь к безопасности через диалог и сотрудничество, через достижение обоюдного или многостороннего выигрыша;

- КНР последовательно выступает за всеобщее ядерное разоружение, неизменно декларирует принцип неприменения первой ядерного оружия и его абсолютного неприменения против неядерных государств и безъядерных зон. Пекин играет незаменимую роль в усилиях мирового сообщества по обеспечению денуклеаризации Корейского полуострова;

- широкое признание снискало участие китайского контингента в миротворческих операциях в Восточном Тиморе и Судане, в других странах и регионах мира;

- КНР проделала огромную работу по адаптации национального законодательства к правилам ВТО и последовательно выполняет свои обязательства перед нею по снижению уровня таможенных тарифов и обеспечению свободного доступа иностранного бизнеса на свой рынок товаров и услуг;

- КНР вносит существенный вклад в развитие регионального экономического сотрудничества в таких форматах, как «АСЕАН плюс один» (Китай) и «АСЕАН плюс три» (Китай, Республика Корея, Япония), Шанхайская организация сотрудничества, Восточноазиатский центр мировой экономики (Китай, Япония, Республика Корея), а также в работу формирующихся структур «Россия—Индия—Китай» и «Бразилия—Россия—Индия—Китай—ЮАР» (БРИКС);

- Китай последовательно выполняет свои обязательства по оказанию помощи развивающимся странам, включая списание большей части задолженности перед ним беднейших развивающихся стран;

- как и в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., Китай сыграл конструктивную роль в противодействии мировому экономическому кризису 2008—2009 гг. КНР одной из первых обнародовала масштабную программу антикризисных мер, стимулировавшую рост внутреннего инвестиционного и потребительского спроса и тем самым оказала поддержку производителям не только в самом Китае, но и во многих других государствах мира;

- Китай, являющийся наряду с США одним из двух крупнейших эмитентов парниковых газов в атмосферу, отстаивает в борьбе с глобальным потеплением принцип «общей, но дифференцированной ответственности». Обнародовав в 2008 г. специальную Белую книгу правительства по противодействию изменению климата, КНР ныне детально изучает возможности развития в стране низкоуглеродной экономики и самого широкого использования нетрадиционных источников энергии, ведет интенсивный международный диалог по всему взаимосвязанному кругу проблем развития энергетики, охраны окружающей среды и минимизации антропогенного воздействия на климат.

В целом, на наш взгляд, КНР завершила первоначальную адаптацию к своему статусу ответственной глобальной державы.

Дальнейшее продвижение Китая по пути расширения сфер и наращивания своей глобальной ответственности будет определяться в первую очередь такими внутренними факторами, как социально-экономическое благополучие страны, вызревание институтов гражданского общества и стимулируемое им перемещение проблематики защиты прав человека из нынешнего периферийного положения в центр системы национальных ценностей, осознание элитой, бизнес-сообществом и населением жесткой необходимости выхода на предельно экологичное функционирование национальной экономики и общества, причем не просто на длительную перспективу, а навсегда.

Многое будет определять также реакция международного сообщества на внутри- и внешнеполитический курс КНР, его внешнеэкономическую политику и прежде всего на усиление позиций Китая в мире. Она в целом весьма противоречива. Издающийся в Лондоне ведущий мировой еженедельник «Economist» неоднократно высказывал утверждение, что КНР пока берет на себя меньшую долю ответственности за глобальные дела, чем может и должна взять в соответствии с ее весом в мировой экономике и торговле. В марте 2009 г. журнал заявлял, что Китай все еще «продолжает действовать как малая страна с незначительным влиянием на глобальную систему и поэтому несущая незначительную ответственность за нее»³⁵. Практически тот же смысл был отражен и в заголовке одной из статей журнала, посвященных 60-летию КНР: «Мир согласился с тем, что Китай является растущей великой державой; к сожалению, он не всегда действует сообразно этому статусу»³⁶.

Существует, однако, и иная крайность. Обеспокоенные возросшей военной и экономической мощью Пекина и его уверенностью в ведении международных дел, некоторые западные эксперты настаивают на неготовности Китая к глобальной роли, поскольку, дескать, «экономическая значимость не трансформируется автоматически в геополитический вес. А в случае с Китаем другие важные компоненты подлинно глобальной мощи — моральный авторитет, военная состоятельность, культурное влияние... — либо находятся в стадии формирования, либо вовсе отсутствуют». Утверждается также, что

глобальные амбиции Китая не могут быть реализованы «без решения таких сковывающих страну проблем, как широкое распространение бедности, авторитарное правление, придавленная десятилетиями изоляции культура и плохо понимаемые намерения»³⁷.

Давление на Пекин извне по вопросам глобальной ответственности отражает не только его собственные недоработки, но и скептическое отношение Запада к заверениям Китая о его сугубо мирном возвышении, опасения, что «каждый успех Китая наносит удар по главенству в мире западной модели»³⁸.

В этой ситуации Китай стремится уйти с потенциальной позиции крупного узла современных международных противоречий, пытается уменьшить сопротивление внешнего мира подъему страны. Особые надежды в данном плане возлагаются на концепцию «гармоничного мира», которая, как декларируют в Пекине, едина по своему духу с Уставом ООН, развивает и обогащает его и вполне может претендовать на роль общего ориентира международных отношений в XXI веке³⁹. Одновременно Китай настраивается на прагматичную работу с такой новой для себя реальностью, каковой стал его статус ответственной глобальной державы. Как констатировал вице-президент Китайского института международных проблем при Министерстве иностранных дел КНР Сюй Цзянь, Китаю следует трезво и рационально относиться к теме своей ответственности, воздерживаясь от чрезмерного оптимизма по поводу ее позитивных аспектов и от чрезмерной обеспокоенности по поводу аспектов негативных. Исходя из своих реальных возможностей, из собственных фундаментальных интересов и общих интересов международного сообщества, Китай должен нести свою ответственность и отстаивать свои права в мире достаточно энергично и вместе с тем осторожно⁴⁰.

В настоящее время нет смысла пытаться предугадать те или иные нюансы и конкретные детали дальнейшего движения Китая по нелегкому пути укрепления своего статуса ответственной глобальной державы. Но оптимальный вектор этого движения проглядывает уже сегодня: он, на наш взгляд, состоит в том, чтобы от нынешней, пока еще ограниченной ответственности шаг за шагом идти к ответственному самоограничению во все новых и новых сферах. А это возможно только в том случае, если в схожем алгоритме будут действовать и все другие ведущие державы мира.

Примечания

¹ В изданном в 1999 г. сборнике «Дипломатия Китая» констатировалось, что «образ Китая как миролюбивой, нацеленной на сотрудничество, ответственной державы с каждым днем становится все более зримым». — Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю : [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 175—176.

² Глава МИД КНР о результатах участия Ху Цзиньтао в саммитах ООН и 3-м финансовом саммите «Группы 20». URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/27/content_351342.htm

³ Ян Цзечи. Хуньян синь Чжунго вайцзяо юсю чуаньтун цзохао синь синши ся дэ вайцзяо гунцзо : [Следуя лучшим традициям дипломатии Нового Китая, надлежащим образом вести дипломатическую работу в новой ситуации]. Жэньминь жибао. 05.09.2009.

⁴ Tang Yongsheng. China's Participation in UN Peace Keeping Regime // Construction Within Contradiction — Multiple Perspective on the Relationship Between China and International Organizations. Edited by Wang Yizhou. Beijing: China Development Publishing House, 2003. P. 74.

⁵ Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) : [Соверенные международные отношения Китая]. 2-е изд. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ. 2009. С. 340—341.

⁶ Там же. С. 339

⁷ Ху Шусян. Указ. соч. С. 182.

⁸ Там же. С. 247.

⁹ China to bolster image as a responsible big nation / People's Daily online, 2009, March 31.

¹⁰ Robert Zoellick. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S.—China Relations, September 21, 2005. Цит. по: Niu Haibin. China's International Responsibility Examined / Contemporary International Relations. Beijing, July/August 2007. P. 82.

¹¹ Ху Шусян. Указ. соч. С. 183, 181.

¹² Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди : [Новые высоты дипломатии Китая]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2008. С. 133.

¹³ Детальный перечень различных вариаций теории «китайской угрозы» за период 1990—2002 гг. приведен в написанной Юн Дэном (Yong Deng) главе «Ре-

путация и дилемма безопасности — реакция Китая на теорию китайской угрозы» в монографии «Новые направления в изучении внешней политики Китая» — Alastair Iain Johnston, Robert S. Ross (editors). *New Directions in the Study of China's Foreign Policy*. Stanford University Press, Stanford, 2006. Pp. 191—195.

¹⁴ Как отмечает сотрудник Шанхайского Института международных исследований Нью Хайбинь, с точки зрения США, ответственность Китая должна включать такие сферы, как ускорение политической реформы, более сильная защита прав интеллектуальной собственности, меньший контроль над обменным курсом юаня, более высокая прозрачность военного бюджета, более крупный взнос в ООН. Европейский союз в обнародованном в 2006 г. документе «ЕС—Китай: более тесное партнерство, растущая ответственность» в качестве приоритетных выделил проблемы изменения климата, прав человека, торговой политики, помощи беднейшим странам — Neu Haibin, Op. cit. P. 82.

¹⁵ Данные Международного валютного фонда и расчет по ним (World Economic Outlook Database. July 2012 Edition). Доля Китая в мировом валовом продукте при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют составила в 2011 г. 14,3 %.

¹⁶ Данные Всемирной торговой организации. См. WTO 2012 Press Release. URL: http://www.wto.org/english/news_e/press12_e/pr658_e.htm

¹⁷ Китай форсирует участие в международном инвестиционном сотрудничестве. Синьхуа. 08.10.2009.

¹⁸ Ху Шусян. Указ. соч. С. 62—63.

¹⁹ Ван Ичжоу. Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо : [Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. С. 317.

²⁰ По-видимому, впервые сам этот термин прозвучал в конце 1999 г. в статье заместителя директора Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу «Китайская дипломатия перед лицом XXI века: три императива и баланс между ними», опубликованной в журнале «Стратегия и управление» — Ван Ичжоу. Мянсян 21 шицзи дэ Чжунго вайцзяо: саньчжун сюйцю дэ чжаоцю цзи ци пинхэн / Чжаньлюэ юй гуаньли. Пекин. 1999. № 6. С. 18—27.

²¹ Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо... С. 28.

²² Янь Шэнъи. Дандай чжунго... С. 344, 386.

²³ По словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, «защита государственного суверенитета, безопасности и интересов развития представляет собой исходный и конечный пункт» внешнеполитической деятельности Китая. —

Жэньминь жибао. 05.09.2009. Практически слово в слово эта же идея прозвучала несколько ранее и в монографии Янь Шэнъи: «предпосылкой принятия на себя международной ответственности является нанесение ущерба собственному суверенитету, безопасности и развитию». — Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 386.

²⁴ Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.

²⁵ Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо... С. 61.

²⁶ Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 386.

²⁷ Там же. С. 343.

²⁸ Ху Шусян. Указ. соч. С. 247.

²⁹ Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.

³⁰ Ван Ичжоу. Цюаньцю чжэнчжи... С. 320—321.

³¹ Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 344.

³² Ху Шусян. Указ. соч. С. 299.

³³ Ляньхэ цзаобао. Сингапур. 07.04.2009. URL: <http://world.people.com.cn/GB/9088294.html>

³⁴ Shirk, Susan. China: Fragile Superpower. Oxford University Press, 2007. P. 109.

³⁵ The Economist. London. 2009. March 21—27. P. 30.

³⁶ The World has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still does not always act as one. URL: http://www.economist.com/PrinterFriendly.cfm?story_id=14548871

³⁷ Michael Wines, Edward Wong. An Unsure China Steps On to the Global Stage / The New York Times. April 2. 2009.

³⁸ Янь Шэнъи. Указ. соч. С. 385.

³⁹ Ху Шусян. Указ. соч. С. 333—335.

⁴⁰ Xu Jian. Theoretical Reflections on Building a Harmonious World / China International Studies. Beijing. Spring 2007. P. 46.

Глава 2

ВНУТРИСТРАНОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КИТАЯ

Как только КНР начала примеряться к статусу ответственной глобальной державы, сразу же стало очевидным, что принимаемая на себя страной ответственность должна распространяться не только на ее действия на международной арене, но и на основные направления внутренней политики в широком смысле слова, включая демографическую и социальную политику, модель экономического роста, функционирование базовых политических институтов и соблюдение прав человека.

Подобный императив обусловлен двумя основными причинами.

Во-первых, внушительными масштабами государства. По образному выражению журналиста газеты *Financial Times* Мартина Вольфа, если небольшие государства могут наслаждаться «свободой незначительности»¹, то КНР такой свободы была лишена изначально. В течение нескольких десятилетий китайские лидеры и СМИ заявляли, что страна, располагая 7 % сухопутной территории земного шара, обеспечивает пропитание 22 % населения планеты. К концу первого десятилетия XXI века сюда добавились внушительные размеры экономики: по доле в мировом валовом продукте и в мировом экспорте КНР вышла на показатели в 8—9 %, став в обоих случаях одним из глобальных лидеров. В условиях резкой интенсификации международных межличностных контактов глобальное измерение приобрела и эпидемиологическая обстановка в стране. Как считает один из ведущих китайских политологов Юй Кэпин, понимание «международного аспекта ответственности правительства», то есть необходимости нести ответственность не только перед собственным

населением, но и перед международным сообществом, появилось у лидеров КНР после вспышки в стране весной 2003 г. эпидемии атипичной пневмонии². Нелишне вспомнить, что эпидемия «птичьего гриппа», затронувшая множество стран, также возникла в Китае.

Во-вторых, КНР, будучи крупнейшей развивающейся страной, осуществляющей всестороннюю модернизацию и избравшей путь перехода от плановой экономики к рыночной, объективно может служить ряду других государств образцом для подражания независимо от того, рассматривают или нет сами китайцы свой опыт в качестве примера, заслуживающего изучения и тиражирования. Квинтэссенцией данного явления стало выдвижение понятия так называемого Пекинского консенсуса, на протяжении 2004—2008 гг. довольно широко обсуждавшегося в мировом экспертном сообществе³. Для нас наиболее важны, во-первых, констатация возможности широкой международной применимости китайского опыта модернизации, реформ и политики открытости и, во-вторых, то обстоятельство, что идея была озвучена не китайцами, а иностранцем — Джошуа Рамо. Тем самым подтверждается, что наиболее важные внутрикитайские процессы вызывают достаточно широкий международный резонанс и нередко оказывают воздействие на другие страны. Что и требовалось доказать.

Рассматривая внутристрановые измерения ответственности Китая как глобальной державы по существу, отметим, что круг посвященных данной проблеме специальных публикаций пока невелик, поэтому объектом изучения должна в первую очередь служить сама китайская действительность, а не те или иные разработки политологов.

Тем не менее, первоначальные концептуальные представления по вопросу о внутривнутриполитических аспектах глобальной ответственности Китая уже сформировались.

Прежде всего, «ответственность Китая» понимается как органическое единство международной и внутренней ответственности. При этом, по мнению сотрудника Шанхайской академии общественных наук Ху Цзяня⁴, если требования международной ответственности в таких сферах, как борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия, курс юаня, торговый баланс в основном адресуются Китаю Западом, то инициатива несения ответственности

внутри страны исходит от самого Китая. Главными направлениями реализации этой ответственности должны быть «реформа, развитие и стабильность». Дуалистичность базовых структур Китая (разрывы в уровнях развития и доходов между городом и деревней и различными регионами страны) предопределяет то обстоятельство, что самой большой его ответственностью является обеспечение огромному населению страны прав на существование и развитие. Трансформация КНР по мере углубления рыночных реформ из гомогенного общества дореформенного периода в гетерогенное, характеризующееся растущим многообразием интересов, ценностных ориентиров, взглядов и социальных функций, увеличивает социальные риски и возможность спонтанных «выбросов» социальных трений. Решать задачу укрепления социальной стабильности руководство страны может только на путях реформ, добиваясь гармонизации общественных отношений с учетом растущей неоднородности нынешнего китайского общества.

Внутренняя ответственность Китая служит основой для несения им определенной международной ответственности, и в этом смысле первая важнее второй и является «ключом» к надлежащему управлению комплексной ответственности Китая. Как считает Ху Цзянь, адресуемые Китаю Западом обвинения в неблагоприятной ситуации с защитой прав человека, политической демократией, охраной окружающей среды и ресурсосбережением не в последнюю очередь призваны заставить Пекин переключиться на выполнение определяемых и навязываемых западными державами тех или иных международных обязательств и одновременно — вынудить его отставить в сторону реализацию наиболее важных для самой КНР задач внутренней ответственности. Хотя эта точка зрения дискуссионна, она, тем не менее, ясно показывает, что у Китая и международного сообщества существуют заметные различия в понимании степени приоритетности и важности конкретных проблем внутривнутриполитической жизни КНР и, соответственно, в видении структуры и иерархии тех сфер внутривнутриполитической ответственности, которую Китай должен брать на себя в качестве ответственной глобальной державы (ОГД).

При рассмотрении конкретных внутристрановых измерений становления Китая как ОГД на одно из первых мест следует поставить *демографическую политику*.

Курс на преимущественно однодетные семьи, взятый руководством страны в 1970-е гг., принес весьма существенные результаты. Рождаемость в КНР снизилась с 22,28 промилле в 1982 г. до 12,14 промилле в 2008 г., а естественный прирост населения — с 15,68 до 5,08 промилле. При известных негативных последствиях (сокращение доли детей до 14 лет в структуре населения с 33,6 % до 19 % и увеличении доли лиц старше 65 лет с 4,9 % до 8,3 %⁵) политика однодетной семьи сыграла заметную положительную роль и для самого Китая, и для всего мира. По оценке журнала *Economist*, в настоящее время население КНР на 300—400 млн человек меньше, чем оно было бы без такой политики, и на рынок рабочей силы ежегодно приходит 20 млн новых работников, а не 40 млн. Соответственно, несколько уменьшилась по сравнению с тем, что могло бы быть, и антропогенная нагрузка Китая на остальной мир⁶.

Вместе с тем нельзя забывать, что Китай с населением свыше 1,3 млрд человек по-прежнему является самой многонаселенной страной планеты. Это обстоятельство накладывает на Пекин дополнительную ответственность по сохранению собственной среды обитания, минимизации эмиграционного потока, противоэпидемическому контролю.

Точно так же все более весомое международное измерение приобретает *социальная политика* Китая. Дело в том, что с превращением КНР во влиятельного участника международных экономических отношений многие аспекты социального бытия страны де-факто перестали быть ее сугубо внутренним делом, поскольку начали опосредованно влиять на важные мирохозяйственные процессы. Эта ситуация весьма рельефно описана, например, в монографии Э. Финглтона «В челюстях дракона: судьба Америки в грядущую эру китайской гегемонии»⁷.

Механика здесь примерно такова. Незрелость в Китае системы социального обеспечения (особенно пенсионного и медицинского) предопределяет аномально высокую склонность домашних хозяйств к сбережению, которая де-факто является принудительной. Соответственно сдерживается внутренний спрос, что ведет к ограничению импорта широкой гаммы потребительских товаров. С другой стороны, государство задешево получает в свое распоряжение гигантский объем «временно свободных» средств населения.

Это дает Китаю возможность активно кредитовать производство и экспорт под проценты, которые заметно ниже ставок мирового рынка, тем самым получая дополнительные, но явно несправедливые, конкурентные преимущества в мировой экономике и торговле в целом.

Можно констатировать, что наметившийся в Китае поворот к более интенсивному развитию системы социального обеспечения отвечает не только общим требованиям рыночных преобразований и задачам обеспечения социальной стабильности в стране, но и интересам международного сообщества, которое ждет от КНР существенного наращивания внутреннего потребительского спроса.

Заметим, однако, что нынешний вектор таких ожиданий не следует абсолютизировать. Он может поменяться на противоположный в случае, если Китай по уровню доходов заметной части населения приблизится к «золотому миллиарду». Здесь явно вырисовывается конфликт интересов между компаниями — производителями предметов роскоши и широкой гаммы предметов потребления и планетой в целом, которую еще один «золотой миллиард» способен погубить окончательно. В данном контексте выход Китая по итогам 2009 г. на 1-е место в мире по объему продаж на внутреннем рынке легковых автомобилей — это в полном смысле слова «радость со слезами на глазах». Сейчас мировые автомобилестроители радуются, что активность китайского рынка отчасти компенсировала слабый спрос в развитых странах, но негативные последствия этого события для мировой экологии и климатических процессов заставят себя ждать совсем недолго.

Растущая важность социального компонента статуса Китая как ОГД логично подводит к общей проблеме международной ответственности Пекина за реализуемую им на практике *модель экономического роста*. Китайские политологи отмечают обеспокоенность западных держав его нынешней моделью, опирающейся на постоянное дополнительное вовлечение в хозяйственный оборот рабочей силы, капиталов, земли и ресурсов. Как считают на Западе, в условиях обостряющегося глобального дефицита ресурсов и энергоносителей, серьезных проблем с окружающей средой экстенсивная модель развития Китая является безответственной и даже представляет определенную угрозу⁸.

Как известно, в самом Китае впервые всерьез заговорили о необходимости перехода от опоры на экстенсивные факторы экономического роста к опоре на интенсивные еще в середине 1990-х годов, когда мало что предвещало нынешние циклопические масштабы китайского спроса на мировые ресурсы. Задача трансформации модели роста фигурирует в документах нескольких последних пятилетних планов социально-экономического развития страны. При Ху Цзиньтао отчасти активизировалась и практическая работа. По крайней мере, в 2006—2008 гг. сокращение удельной энергоемкости экономики и выбросов вредных веществ на единицу ВВП оказалось близким к ориентирам, заложенным в 11-й пятилетний план на 2006—2010 гг.

О несомненной личной приверженности Ху Цзиньтао задаче трансформации модели экономического роста страны свидетельствует его выступление 3 февраля 2010 г. на учебе высокопоставленных кадровых работников в Центральной партшколе, в котором он не только подчеркнул настоятельную необходимость скорейшего осуществления такой трансформации, выявленную мировым экономическим кризисом, но и конкретизировал ключевые направления и ориентиры данной работы⁹. Предложения Ху Цзиньтао по углублению ресурсо- и энергосбережения, развитию низкоуглеродной экономики, оздоровлению окружающей среды заслуживают одобрения и поддержки. Вполне понятно и озвученное вновь стремление в сжатые исторические сроки поменять нынешний образ Китая как «мировой фабрики» на более престижный статус инновационного государства.

В то же время, декларированные Ху Цзиньтао намерения развивать практику «выхода вовне», «осваивать внешнее пространство для развития страны» (*точжань вого фачжань дэ вайбу куицзянь*), то есть наращивать инвестирование и создание ресурсных баз за рубежом, вряд ли может быть однозначно поддержано.

Все острее стоит вопрос и о том, какие темпы экономического развития может позволить себе Китай в статусе ОГД. Учетверение абсолютных размеров ВВП страны и ВВП на душу населения в первые два десятилетия XXI века, необходимое Китаю для выхода на заявленный уровень общества «сяокан» — «скромного достатка», технически достижимо при среднегодовом приросте около 7,2 %. Поэтому,

по нашему убеждению, среднегодовой экономический рост Китая в диапазоне 6—8 %, который в самой КНР обычно называют минимально необходимым для решения задач трудоустройства населения, является на деле максимально допустимым. Китаю как ОГД предстоит встать на путь жесткого самоограничения темпов своего экономического роста. Только в этом случае провозглашаемый Пекином лозунг «мирного развития» не превратится в пустой звук. Поставленный несколько лет назад мировым экспертным сообществом вопрос — «достаточно ли велика наша планета для Китая?» носит не праздный характер. Показателен в этой связи чудовищный — не иначе — прогноз нобелевского лауреата по экономике из Чикаго Роберта Фогеля о росте объема ВВП Китая к 2040 г. до 123 трлн долл. и увеличении его доли в мировой экономике до 40 %¹⁰. Отвечающая интересам человечества задача сохранения нормального функционирования мирового хозяйства отнюдь не налагает запрет на подвижки в мировой экономической иерархии, но может быть обеспечена лишь при плавном протекании процессов относительного укрепления одних и ослабления других государств. Нельзя исключать и возможности согласованного установления в перспективе предельно допустимых значений доли отдельно взятых стран в мировом валовом продукте, потреблении и производстве тех или иных конкретных товаров и услуг. Такой вариант сегодня, вероятно, выглядит несколько утопичным. Конечно, он может быть реализован только в условиях реального введения глобального управления. Однако, во-первых, такие идеи уже активно обсуждаются, во-вторых, глобальное управление по многим позициям выглядит предпочтительнее для человечества и судеб планеты, чем парад суверенитетов, и, в-третьих, прообраз чего-то похожего уже существует в рамках Европейского союза, где для каждой из стран жестко регламентируются объемы производства некоторых видов аграрной продукции.

Эффективность реализации задач внутристрановой ответственности Китая, вытекающих из его статуса как ОГД, во многом зависит от *качества и успешности функционирования его политических институтов*. Наиболее актуальными задачами для КНР в этой сфере в настоящее время являются преодоление давно сложившихся и весьма устойчивых тенденций к «экономизации» (китайские политологи даже используют термин «пан-экономизм») и одновременно — к

чрезмерной политизации работы всех ступеней государственно-административного аппарата. Первый недостаток обусловлен ориентацией не только центрального, но и местных правительств на приоритетное решение сугубо экономических задач, на практике, прежде всего, на привлечение иностранных инвестиций и достижение высоких темпов роста. Второй недостаток состоит в подходе к реализации всех функций административного аппарата с «политического угла», в рассмотрении любых задач как политических, включая задачи экономического роста, обеспечения социальной стабильности и даже планирования рождаемости. В результате зачастую, особенно на местах, ответственность правительств по развитию экономики подавляет или отодвигает на второй план выполнение ими функций социального управления и общественного обслуживания, при этом последнее де-факто нередко переводится на рыночные рельсы. А чрезмерная политизация проблемы ответственности правительств всех ступеней ведет к односторонней опоре на политические механизмы решения стоящих задач и свойственные им методы принуждения. В то же время плохо используются правовые и моральные механизмы.

В свете вышеизложенного становится понятным, почему именно задача реформы системы административного управления рассматривается руководством КНР в перечне намечаемых в стране дальнейших преобразований как первоочередная. Следует констатировать, что в Китае идет постоянно работа по совершенствованию основных механизмов реализации ответственности правительства. Она охватывает механизмы разного рода выборов, административного, общественного и юридического контроля. В известной мере возросла роль СМИ и общественного мнения¹¹.

Однако в целом, как полагают Юй Кэпин и его соавторы, Китай все еще находится в стадии перехода от «реагирующего» (*хуэйинсин*, *responsive*) правительства — такого, которое реагирует на требования масс, — к формированию по-настоящему ответственного правительства (*цзэжэнь*, *accountable*), несущего ответственность перед гражданами страны. Оба типа правительства несут определенную ответственность, но существенная разница между ними есть. В первом случае акцент делается на мотивацию действий правительства, а во втором — на качество этих действий.

Вместе с тем вопрос о принципиальной возможности появления правительства, ответственного прежде всего перед населением своей страны, в условиях правления одной несменяемой во власти партии остается открытым. Видимо, это соображение служит одним из оснований для стабильно невысокой оценки за рубежом, прежде всего в Европе и США, общего качества политической системы КНР и ее отдельных компонентов. Одним из примеров такой формализованной оценки является «Индекс процветания Легатум» на 2009 г., рассчитанный группой экспертов в Великобритании для 104 стран и регионов мира. В нем по качеству демократических институтов КНР поставлена на 100-е место, по уровню безопасности — на 65-е, по уровню личной свободы — на 91-е, по общему качеству управления — на 93-е место¹².

Еще одним постоянным раздражителем для Запада является вопрос о степени защищенности *прав человека в Китае*. Корень проблемы — в кардинальном различии ценностных ориентиров на Западе и в КНР. В Европе и США права человека являются краеугольным камнем гражданского общества и политической системы в целом, в паре «человек—государство» безусловный приоритет, по крайней мере декларативно, принадлежит человеку. В КНР, напротив, в официальной идеологии и действующей системе права безоговорочный приоритет отдается государству и его интересам. Предельно четко на этот счет высказался Дэн Сяопин, заявивший в беседе с Д. Ньерере в ноябре 1989 г., что, «по правде говоря, права государства гораздо важнее прав человека»¹³.

Вполне естественно, что западное понимание ответственности Китая как глобальной державы подразумевает и улучшение ситуации с правами человека в стране, более четкую ориентацию в этом вопросе не на те или иные собственные представления или традиции, а на международно признанные стандарты и нормы. Озабоченность и пожелания Запада постоянно доводятся до китайского руководства через диалог с Пекином по правам человека, доклады неправительственных организаций «Наблюдение за правами человека» и «Международная амнистия». Весомый вклад в ознакомление международной общественности с нарушениями прав человека в КНР вносят средства массовой информации, издаваемые в Гонконге и на Тайване¹⁴.

Вполне очевидно, что постоянно доводимые до руководства Китая озабоченности мирового сообщества внесли весомый вклад в позитивную эволюцию подходов к проблеме прав человека в стране в 2000-е годы. С 2002 г. выходит специализированный журнал «Права человека в Китае». Регулярная публикация Белых книг Госсовета КНР о ситуации и прогрессе в области прав человека в стране была дополнена разработкой и принятием в апреле 2009 г. Национального плана действий в области прав человека в Китае на 2009—2010 годы¹⁵. Можно сказать, что ожидания относительно улучшения ситуации с правами человека в КНР, которые появились в первый период пребывания у власти Ху Цзиньтао, частично оправдались. Напомним, что вскоре после избрания Ху Цзиньтао Генеральным секретарем ЦК КПК в КНР в декабре 2002 г. было широко отмечено 20-летие принятия действующей Конституции страны. В число десяти важнейших событий 2003 г. было включено вынесение сурового судебного приговора полицейским из Гуандуна, забившим насмерть рабочего-мигранта. Определенные надежды связывались и с лозунгом «брать человека за основу», декларированным Ху Цзиньтао в качестве основополагающего для внутривнутриполитического курса страны¹⁶.

Вместе с тем прогресс в области соблюдения прав человека в Китае явно не носит поступательно-линейного характера. В 2008—2009 гг. в этой сфере наблюдался определенный откат. Отчасти это можно объяснить желанием обеспечить общественную безопасность в период проведения летних олимпийских игр в Пекине (август 2008 г.) и празднования 60-летия КНР (октябрь 2009 г.). Свою лепту внесло обострение внутривнутриполитической ситуации в важнейших районах национальной автономии: Тибете (март 2008 г.) и Синьцзян-Уйгурском (июль—сентябрь 2009 г.). Вместе с тем суровый приговор по делу диссидента Лю Сяобо, автора призывавшей к демократизации страны «Хартии 2008» (11 лет тюрьмы за размещение в Интернете серии из 6 статей), выявил тот предел уступок, на которые Пекин может идти в вопросе о правах человека, а именно: эти права, особенно политические, не должны ставить под сомнение монополию компартии на власть.

В то же время, заинтересованность китайского руководства в улучшении образа КНР в мире явно усиливается. Один из главных

инструментов этого — расширение сфер и усиление степени ответственности, принимаемой на себя Китаем в качестве ОГД. Весьма примечательным в данном контексте является размещение на сайте ведущего СМИ страны — газеты «Жэньминь жибао» — раздела «Ответственный Китай», где рассказывается о выборах по результатам общественного опроса десяти «ответственных граждан страны», «десяти граждан, чьи действия вызвали наибольший общественный отклик» и т. п. (такие выборы проводились по итогам 2008—2012 гг.). Это, на наш взгляд, вселяет определенный оптимизм относительно дальнейшего продвижения КНР к статусу ответственной глобальной державы как в сфере соблюдения прав человека, так и на других основных направлениях широко понимаемой внутренней политики.

Примечания

¹ Economist. 19.12.2009. P. 106.

² См.: Юй Кэпин чжубянь. Чжунго чжили бяньцянь 30 нянь (1978—2008) : [Юй Кэпин (отв. ред.) 30 лет политических реформ в Китае, ориентированных на «хорошее управление»]. Бэйцзин. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. С. 177.

³ В частности, в России сюжеты, связанные с «Пекинским консенсусом», рассматривались в публикациях и выступлениях китаеведов А.В. Ломанова, О.Н. Борох, А.Н. Карнеева, А.И. Салицкого.

⁴ Ху Цзянь. «Чжунго цзэжэнь» юй хэпин фачжань даолу : [«Ответственность Китая» и путь мирного развития]. Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин. 2007. № 7. С. 43—47.

⁵ Чжунго тунци чжайяо 2009 : [Краткая статистика Китая]. Пекин. 2009. С. 38.

⁶ Economist. 31.10.2009. P. 31—32.

⁷ Eamonn Fingleton. In the Jaws of the Dragon: American's Fate in Coming Era of Chinese Hegemony. New York, 2008.

⁸ Ху Цзянь. Указ. соч. С. 44.

⁹ См.: Синьхуа. 03.02.2010 (на кит. яз.).

¹⁰ Кувшинова О., Оверченко М., Котов А. Снова китайская угроза. Ведомости. 15.01.2010.

¹¹ Юй Кэпин (отв. ред.). Указ. соч. С. 185—199.

¹² URL: <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>

¹³ Дэн Сяопин. Избранное. Том III (1982—1992). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 1994. С. 434.

¹⁴ Например, «Доклад о наблюдении за правами человека в Китае—2008», подготовленный под эгидой Тайваньского фонда демократии — «2008 Чжунго жэньцюань гуаньча баогао». Тайбэй, 2008.

¹⁵ См.: National Human Rights Action Plan of China (2009—2010). — Beijing Review. 2009. May 7.

¹⁶ Подробнее см.: *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао. Китайская Народная Республика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2006.

Глава 3

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОБРЕТЕНИЯ КИТАЕМ СТАТУСА ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

Становление Китая как «ответственной глобальной державы» затрагивает широкий спектр проблем взаимодействия страны с мировым хозяйством, в том числе ее адаптацию к нормам и правилам функционирования мировой торговли, участие в борьбе с региональными и глобальными экономическими кризисами, политику валютного курса. Кроме того, в связи с высокой динамикой экономического роста Китая и его быстрым продвижением вверх в мировой экономической «табели о рангах» закономерно встает и более общий вопрос об ответственности КНР за приемлемость для всего мирового хозяйства ее темпов роста, общих масштабов экономики и стратегии экономического развития.

Провозглашение и реализация политики внешнеэкономической открытости страны в качестве одного из важнейших инструментов осуществления модернизации Китая повлекли за собой существенное наращивание масштабов и диверсификацию форм его взаимодействия с мировым хозяйством. В свою очередь это потребовало от КНР последовательной адаптации к нормам и правилам, регулирующим функционирование мировой экономики. Разработка и совершенствование законодательства по вопросам ведения внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций, осуществления валютных операций и т. п. сопровождалась шедшим параллельно переводом реального сектора Китая на международные технические стандарты. На международно принятые стандарты постепенно пере-

шла и банковская сфера страны. Превращение КНР в «мировую фабрику», производящую широкий ассортимент изделий по технологиям и в рамках производственных цепочек большинства мировых ТНК, вынудило Пекин все в большей мере учитывать зарубежные требования и нормативные акты о защите прав интеллектуальной собственности.

С вступлением КНР 12 декабря 2001 г. во Всемирную торговую организацию одним из главных направлений реализации на практике принципа ответственности страны в сфере мирового хозяйства стало выполнение ею взятых на себя обязательств по снижению уровня тарифов, открытию внутреннего рынка товаров и услуг для иностранного бизнеса и т. д. В целом эта работа продвигается достаточно успешно. Средневзвешенный уровень таможенных пошлин в Китае снизился с 15,3 % в 2001 г. до 9,8 % в 2007 г., в т.ч. на промышленную продукцию — с 14,7 % до 8,9 %, на продукцию сельского хозяйства — с 23,2 % до 15,2 %. С 1 января 2005 г. аннулированы пошлины на продукцию информационных технологий. Существенно расширен доступ на китайский рынок иностранных банков, страховых компаний, компаний розничной торговли¹. Внутреннее законодательство КНР в значительной мере приведено в соответствие с правилами ВТО.

В то же время, количество антидемпинговых и антидотационных расследований, инициируемых в отношении производителей из КНР импортерами китайской продукции, остается весьма значительным, причем с тенденцией к росту в условиях нарастания кризисных явлений в мировой экономике.

Кроме того, в соответствии с Протоколом о вступлении КНР в ВТО партнеры Китая по внешней торговле имеют право в период до 11 декабря 2013 г. применять в отношении Пекина специальные защитные меры в случае, если китайский экспорт той или иной продукции растет слишком быстрыми темпами и создает угрозу для соответствующей отрасли в какой-либо стране. Инициировать применение специальных защитных мер технически значительно легче, чем проводить антидемпинговые расследования.

Международные разбирательства, связанные с китайским экспортом, в той или иной мере затрагивают вопрос о степени ответственности КНР как торговой державы. Европейский союз в своих

официальных документах прямо призывает Китай взять на себя «большую ответственность» за решение широкого круга проблем, включая преодоление значительного дисбаланса в пользу КНР в ее торговле с ЕС. Тем самым делается незавуалированный намек на то, что пока уровень ответственности Пекина в сфере торговой политики оценивается как недостаточный.

Китай, со своей стороны, связывает протекционистские меры его торговых партнеров не только с ухудшением мировой конъюнктуры, но и с их недостаточной готовностью к его возвышению и быстрому экономическому росту. Декларируется необходимость активнее использовать возможности ВТО для отвоевания Китаем более справедливых, равноправных позиций в мировой торговле и, в первую очередь, для признания Соединенными Штатами и Европейским союзом статуса КНР как рыночной экономики. Одновременно Пекин исходит из того, что страны, применяющие против КНР протекционистские меры, должны «платить за это определенную цену», поскольку если оставлять подобные шаги без ответа, то «нести убытки будет один Китай»².

На наш взгляд, подход Пекина к проблеме его глобальной ответственности в сфере мировой торговли выглядит прагматично-эгоистичным, но в целом в рамках правил. Пекин готов брать на себя только абсолютно необходимый минимум обязательств, достаточный для ведения торговли, главным образом, в правовом поле, а то, что «сверх этого», у него приходится отвоевывать силой. Однако определенным извинением для Пекина служит то обстоятельство, что примерно так же ведут себя и все остальные участники мировой торговли. Так, по сути дела, откровенно прагматично-эгоистичный подход демонстрируют развитые страны, прежде всего США, на Дохинском раунде переговоров в рамках ВТО относительно либерализации торговли сельхозпродукцией и сокращения субсидирования аграрного сектора.

Широко известно, что КНР, можно сказать, образцово проявила себя в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. Поддержание стабильного курса юаня к доллару в условиях почти повсеместной девальвации валют государств Восточной и Юго-Восточной Азии, серия соглашений о валютных свопах, прямая поддержка гонконгского доллара позволили стабилизировать финансово-экономи-

ческую ситуацию в регионе. А активная финансовая политика с выпуском крупных облигационных займов на инвестиционные цели помогла в 1999—2000 гг. сохранить на приемлемом уровне масштабы трудоустройства населения и темпы роста экономики в самом Китае.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Китай расширил арсенал антикризисных мер за счет мягкой кредитной политики (т. е. резкого наращивания масштабов кредитования реального сектора), стимулирования внутреннего потребительского спроса, особенно в сельской местности, и максимального противодействия сокращению внешней торговли. Была также продемонстрирована готовность Пекина к самому активному участию в реформе мировых финансовых институтов, сделана заявка на постепенное включение юаня в число резервных мировых валют.

Позиция и реальные действия Китая в период кризиса явно способствовали закреплению самоидентификации КНР как ответственной глобальной державы и формированию соответствующего имиджа страны в мире.

На наш взгляд, статус Китая как ОГД в период кризиса наиболее выпукло проявился в следующих моментах:

- достижение достаточно высоких темпов экономического роста в КНР (прирост ВВП страны составил в 2009 г. 8,7 %) позволило минимизировать спад мирового валового продукта;
- сохранение устойчивого спроса со стороны КНР на широкий спектр топливно-сырьевых товаров, в т. ч. в связи с ускоренным созданием их стратегических резервов в стране, оказало существенную поддержку мировым товарным и фондовым рынкам, обеспечило восстановление во второй половине 2009 г. приемлемого уровня мировых цен на нефть, черные и цветные металлы. Позитивную роль сыграли и крупные дополнительные закупки Китаем в начале 2009 г. машин и оборудования, прежде всего в ряде стран Европейского союза;
- отказавшись от резкого сброса американских ценных бумаг и пойдя на дальнейшее увеличение своих золотовалютных резервов (на начало 2010 г. — около 2,4 трлн долл., на начало 2011 г. — 2,85 трлн долл.), Китай помог не допустить дальнейшего ухудшения финансовой ситуации в «колыбели кризиса» — США. Это также

можно рассматривать как вклад в общую стабилизацию мировой экономики.

Действия Китая в период кризиса и в собственном народном хозяйстве, и на мировой экономической арене были оценены международным сообществом в целом положительно. Соответственно, в китайских СМИ, в заявлениях официальных лиц активно озвучивается тезис об «ответственном поведении» КНР в период кризиса.

В то же время Китай справедливо упрекают в создании в период кризиса избыточных производственных мощностей вследствие излишней инвестиционной накачки экономики. Это далеко не внутренняя проблема КНР, коль скоро через небольшой промежуток времени новые производственные мощности Китая будут «ретранслированы» на внешний мир в виде еще более агрессивной экспортной экспансии.

В этом плане кризис вновь с особой силой выявил необходимость серьезной корректировки избранной Китаем преимущественно экстенсивной модели экономического роста, скорейшего перехода к опоре на интенсивные факторы развития. Вполне вероятно, что такой поворот потребует от него определенных жертв, включая снижение темпов роста. Похоже, однако, что главный акцент ответственности Китая во взаимодействии с мировым хозяйством смещается именно в эту сферу.

Весьма показательным в этом плане выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на специальной учебе руководящих кадров уровня провинций и министерств, которая была проведена 3 февраля 2010 г. в центральной партшколе и посвящена вопросам реализации научной концепции развития и ускорения трансформации методов экономического роста. Как подчеркнул Ху Цзиньтао, «удар международного финансового кризиса по экономике Китая внешне выглядел как удар по темпам роста, фактически же это был удар по способу экономического развития». По его словам, выполнение задачи трансформации модели экономического роста не терпит ни малейшего отлагательства³.

С началом кризиса Китай приостановил запущенный 21 июля 2005 г. процесс мягкой ревальвации национальной валюты — юаня — и вернулся к практике жесткой привязки обменного курса юаня к американскому доллару. В первой половине нынешнего де-

сятилетия обменный курс поддерживался на уровне 8,28 юаня за один доллар, в период кризиса 2008—2009 гг. — на уровне 6,82 юаня за доллар. Отказ КНР в этот период от дальнейшего повышения курсовой стоимости юаня к доллару, призванный поддержать отечественных экспортеров, вызвал активную критику на Западе⁴. Помимо самого общего соображения о том, что политика валютного курса у страны с огромными валютными резервами «не может быть ее сугубо внутренним делом», высказываются и более конкретные возражения. Во-первых, привязав юань к падавшему доллару, Китай сохранил плавающий курс к другим валютам. В результате с февраля по ноябрь 2009 г. юань обесценился по отношению к евро на 14 %, а его реальный средневзвешенный курс в торговых операциях вернулся к уровню 2002 г. Данное обстоятельство позволило Китаю вновь обеспечить крупное положительное сальдо в торговле с Европейским союзом (в 2009 г. экспорт КНР в ЕС составил 236,3 млрд долл., а импорт из ЕС — 127,8 млрд долл.). Во-вторых, утверждается, будто китайская политика валютного курса препятствует осуществлению так называемой глобальной перебалансировки, то есть увеличению экспорта из США (благодаря подешевевшему доллару) в страны с высокой нормой сбережений и значительным положительным сальдо торгового баланса, т. е. прежде всего в Китай. Отказываясь удорожать юань к доллару, Китай тем самым перекладывает решение задачи «перебалансировки» на других субъектов мировой экономики.

Аргументы западных партнеров отчасти были услышаны в Пекине. В выступлении 28 января 2010 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян охарактеризовал стабилизацию курса китайского юаня как меру, содействующую расширению внутреннего спроса в Китае, напомнив одновременно, что «внутренний спрос Китая играет важную роль в стабилизации и восстановлении мировой экономики»⁵.

Возобновив мягкую ревальвацию юаня в 2010 — первой половине 2011 гг. (до 6,3 юаня за доллар) Пекин затем вновь приостановил этот процесс в связи с ухудшением мирохозяйственной конъюнктуры.

Как бы то ни было, в сфере взаимоотношений с мировым хозяйством Китаю в ближайшие годы предстоит перейти от докризисной и кризисной моделей ответственности к посткризисной. Ее форми-

рование будет, скорее всего, проходить в ожесточенной, на грани конфронтации, борьбе КНР с большей частью мирового сообщества. Первая будет стремиться отстаивать свои национальные интересы, включая право на высокие темпы роста (что мотивируется отставанием от развитых стран и необходимостью обеспечивать занятость населения), второе будет пытаться заставить Китай больше считаться с интересами и озабоченностями всех субъектов мирохозяйственных связей. Можно ожидать, что помимо валютного курса, охраны прав интеллектуальной собственности, скрытого дотирования Китаем экспортеров товаров и услуг в круг дискуссий и даже прямого противоборства все шире будет вовлекаться и такая общая проблема, как предельно допустимая доля Китая в мировой экономике и торговле. Оптимальным выходом и для самой КНР, и для всего международного сообщества было бы включение Пекином эффективных механизмов самоограничения, особенно в том, что касается экспансии на мировые рынки товаров, услуг, рабочей силы и подключения зарубежных ресурсов к обслуживанию экономического роста страны.

Примечания

¹ 30-летие китайских реформ в глазах китайских и зарубежных ученых. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2008. С. 216—218.

² Чжан Хуэй, Сунь Минся. Мао и чжань бяньюань : [Грани торговой войны]. Ляован. Пекин. 2009. № 42. С. 8—9.

³ Синьхуа. 04.02.2010.

⁴ См., например: Tensions are Likely to Rise Further over China's Exchange Rate // Economist. London. 19.12.2009. P. 106.

⁵ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6883787.html>

Глава 4 ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПАРТНЕРСТВО, ДОБРОСОСЕДСТВО, ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Сохранив неизменной приверженность фундаментальному принципу независимости и самостоятельности своей внешней политики, Китайская Народная Республика, тем не менее, с начала 1990-х годов приступила к существенному обновлению ее инструментария. Это было вызвано в первую очередь объективной необходимостью идти в ногу со временем и адаптироваться к таким крупным подвижкам в мировой архитектонике, как дезинтеграция СССР и исчезновение просуществовавшего около полувека биполярного мира.

На определенную активизацию международной деятельности страны нацелил ее новое руководство во главе с Цзян Цзэмином и архитектор политики модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости Дэн Сяопин в выступлениях в ходе поездки в южные районы Китая в январе-феврале 1992 г. В том же направлении действовали длительные переговоры о присоединении КНР к Всемирной торговой организации, увенчавшиеся успехом лишь в 2000 г. (членом ВТО Китай стал год спустя, 11 декабря 2001 г.).

Обновление инструментария внешней политики страны косвенно стимулировалось и появлением с середины 1990-х годов — вслед за первыми признаками выдвижения КНР в лидирующую когорту

мировых держав — многочисленных теорий «китайской угрозы» и «грядущего коллапса Китая». На них надо было отвечать не только контрпропагандой, но и какими-то весомыми аргументами. А реальное усиление экономической мощи КНР предопределило существенную активизацию в последнее десятилетие ее экономической дипломатии.

Немаловажную роль играет и самоидентификация Китая как ответственной глобальной державы. С нею непосредственно связано стремление Пекина улучшить восприятие КНР за рубежом и придать достаточно респектабельный облик внешнеполитическим концепциям и инструментарию ее международной деятельности в целом.

Ниже предпринята попытка более детально рассмотреть такие ключевые для сегодняшней КНР инструменты ее внешней политики, как партнерство, добрососедство, позиционирование в ООН.

Партнерство

С начала 1990-х годов одним из важнейших направлений обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями стран. В первую очередь партнерские отношения устанавливались с соседями, в том числе с Россией, Индией, Пакистаном, Непалом, АСЕАН, Республикой Корея, Монголией, Индонезией, Филиппинами, Казахстаном, Японией. Однако затем процесс вышел далеко за рамки близлежащего географического ареала, и в настоящее время Китай имеет партнерские отношения с несколькими десятками стран буквально по всему миру.

По оценке китайских политологов, формула «партнерства» является крупной новацией Китая и его заметным вкладом в международные отношения в период после завершения холодной войны. Принципиальными особенностями политики партнерства, предложенной Пекином членам международного сообщества, стали:

- отказ от прямого вызова существующему международному порядку;

- невступление в какие-либо союзы в целях противодействия третьему государству;
  - активное продвижение механизмов консультаций и сотрудничества;
  - поиск точек совпадения или близости взаимных интересов.
- Формат партнерства удачно вписался в общую внешнеполитическую стратегию КНР, ориентированную на создание международной обстановки, благоприятствующей долговременному мирному развитию страны. Поскольку отношения партнерства означали разрыв с традициями вступления в союзы и противостояния, то, по утверждению китайских политологов, формирование сети партнерских отношений «существенно расширило внешнеполитическое пространство Китая»¹.

На практике формула партнерства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, она позволяла снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях с такими сложными для КНР партнерами, как, например, США и Япония. В этом смысле инструмент партнерства если не прямо, то косвенно служил цели повышения уровня безопасности Китая.

Во-вторых, ставка не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или, как минимум, точек соприкосновения улучшала общую атмосферу двусторонних отношений КНР со страной-партнером и облегчала решение тех или иных сложных проблем.

В-третьих, формула партнерства в определенной мере способствовала нейтрализации теорий «китайской угрозы», разнообразные модификации которых существуют до сих пор.

Вслед за общим усилением Китая и его активизацией на мировой арене формула партнерства обрела дополнительные функции — не столько абсолютно новые, сколько логично развившие изначально закладывавшиеся в нее ориентиры. Так, с выдвиганием на рубеже столетий и активным продвижением Китаем концепции «новой безопасности» партнерские отношения КНР с другими странами стали рассматриваться как костяк общей системы безопасности страны².

В целом же, по оценке ряда западных аналитиков, формула партнерства возникла как тщательно просчитанная стратегия, позволяющая стране обойти различные международные опасности и угрозы в переходный период конца XX — начала XXI века. Сердцевиной этой стратегии явилось «правило избежания», призванное дать Китаю возможность избежать исторической судьбы таких возвышавшихся государств, как Франция, Германия и Япония, которые преждевременно бросали вызов существовавшему гегемону. Поскольку период возвышения Китая выходит за краткосрочные рамки и займет, по-видимому, следующие 30—50 лет, то де-факто партнерство обретает еще одну функцию, становясь на деле китайским методом «формирования политики великой державы»³.

Конкретные формы партнерства во внешней политике КНР в последнее десятилетие эволюционировали во времени и отличаются заметным разнообразием от страны к стране.

Классическим примером здесь могут служить отношения КНР с постсоветской Россией. В 1994 г. в Совместной российско-китайской декларации было отмечено, что между РФ и КНР «сложились новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования»⁴. В аналогичном документе от 25 апреля 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵.

Наконец, начиная с 2001 г., т. е. с момента подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и взаимном сотрудничестве, «стратегическое взаимодействие» между Китаем и Россией характеризуется как уже реально существующее⁶.

Модификация конкретного определения партнерских отношений Китая касается не только России. Так, в 1996 г. отношения с Индией были охарактеризованы как «отношения конструктивного сотрудничества и партнерства, ориентированные на XXI век». В 2005 г. было заявлено об установлении Китаем и Индией «отношений стратегического сотрудничества и партнерства, ориентированных на мир и процветание». С Пакистаном Китай в 1996 г. догово-

рился об установлении отношений «всестороннего сотрудничества и партнерства».

Чаще других встречается определение «отношения стратегического партнерства». Подчас используются и явно «индивидуализированные» дефиниции. Например, с Японией в 1998 г. были установлены «отношения дружественного сотрудничества и партнерства на благо мира и развития», а в 2006 г. было задействовано новое определение: стремиться совместными усилиями создать «отношения взаимного благоприятствования, основанные на общих стратегических интересах»⁷.

В целом изменение конкретного определения партнерства отражает либо улучшение двусторонних отношений, либо углубление и расширение сфер практического взаимодействия КНР с той или иной страной. Подчас, однако, конкретные двусторонние отношения трудно втиснуть в «прокрустово ложе» той или иной формулировки. Прежде всего это касается отношений КНР с США, которые на разных этапах пытались подвести под такие определения партнерства, как «конструктивное стратегическое партнерство», «стратегическое партнерство перед лицом общих вызовов», «взаимодействие ответственных пайщиков». Однако, как полагают некоторые китайские эксперты, особая сложность и многоплановость современного китайско-американского взаимодействия делает предпочтительным в данном случае использование самого простого и широкого понятия, а именно — «партнерство». Оно нейтрально и охватывает как сотрудничество, так и конкуренцию, оно подразумевает наличие высоких шансов не только на широкую кооперацию, но и на разнообразные трения. Это партнерство должно базироваться на стратегических долговременных интересах каждой из двух стран. При этом следует иметь в виду, что различия между Китаем и США в идеологии, общественном устройстве и системе ценностей делают задачу выстраивания «стратегического доверия» между ними весьма непростым делом. Вместе с тем, наличие целого спектра региональных и глобальных проблем, вызывающих общую озабоченность Пекина и Вашингтона, интенсивные двусторонние связи в самых разных областях создают множество возможностей не только для взаимных конфликтов и трений, но и для сотрудничества с целью получения обоюдного выигрыша⁸.

Уже само по себе значительное разнообразие конкретных вариантов партнерства КНР с зарубежными государствами делает вполне естественной их определенную иерархизацию.

Попытку такой иерархизации предпринял специалист по международным отношениям Китая из Фуданьского университета Янь Шэнъи⁹. В качестве высшей формы партнерства шанхайский ученый выделил китайско-российские отношения стратегического партнерства, которые, по его мнению, не подвержены воздействию времени и тех или иных событий, влиянию идеологии или системы ценностей. Поскольку они зиждутся на обширной общности интересов двух стран, на единстве или близости взглядов по многим важным вопросам, то при решении крупных международных, региональных и двусторонних проблем Китай и Россия могут вести равноправные консультации и действовать в духе взаимных уступок. Это и есть отношения стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества в полном смысле этого слова.

Отношения Китая с Республикой Корея, Украиной, Казахстаном, Канадой, Мексикой, ЮАР, Организацией африканского единства, Бразилией, с которыми у Пекина нет конфликта коренных интересов, Янь Шэнъи квалифицирует как «партнерские отношения дружеского сотрудничества».

С АСЕАН и ЕС у Китая есть немало общих интересов, позволяющих развивать сотрудничество на базе равноправия и взаимной выгоды. Вместе с тем у сторон есть расхождения по ряду вопросов, уровень взаимного доверия нуждается в дальнейшем повышении. Партнерство с ними может быть охарактеризовано как «согласованное» или «координируемое» (*сетяосин дэ*).

Что касается США и Японии, то они, полагает Янь Шэнъи, рассматривают Китай как потенциального противника. По ряду важных проблем у сторон существуют очевидные разногласия, плюс к тому у них разные стратегические цели. Вместе с тем у Китая есть общие интересы с США и Японией в защите мира, региональной и глобальной стабильности, в развитии экономических, торговых, научно-технических обменов. Поэтому существует возможность за счет обоюдных усилий выйти на отношения подлинного партнерства, которое можно было бы охарактеризовать как «конструктивное партнерство прагматичного типа».

На наш взгляд, при всей полезности той или иной типологии современных партнерских отношений КНР с различными государствами следует принимать во внимание, что на практике они, во-первых, находятся в динамике, т. е. развиваются, модифицируются, наполняются новым содержанием, и, во-вторых, остаются в высокой степени индивидуализированными.

Показательно в этом плане сопоставление китайско-германского совместного коммюнике по итогам визита в Китай канцлера Германии Ангелы Меркель (15—18 июля 2010 г.) и Совместного заявления РФ и КНР по итогам визита в Китай президента России Д.А. Медведева (26—28 сентября 2010 г.). Оба документа носят сходные, однако несовпадающие названия — «О всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства» в случае с Германией и «О всестороннем углублении отношений партнерства и стратегического взаимодействия» в случае с Россией¹⁰. Еще больше различий в конкретном наполнении документов. Значительная часть китайско-российского заявления отведена оценке международной ситуации и взаимодействию сторон в мировой политике и экономике. Двустороннее сотрудничество отражено в заявлении достаточно полно, но без подробной детализации. В китайско-германском коммюнике международная проблематика представлена слабо и крайне выборочно. Напротив, экономическое сотрудничество, которому посвящены две трети документа, охарактеризовано весьма детально. Здесь, несомненно, играет роль то обстоятельство, что товарооборот Китая с Германией даже в кризисном 2009 г. превысил 105 млрд долл., тогда как с Россией он составил лишь 38,8 млрд долл.¹¹ Китайско-германское гуманитарное и культурное сотрудничество по ряду позиций не уступает российско-китайскому уровню. Так, страны с успехом провели «Китайско-германский год науки и образования», учредили двустороннюю молодежную ассоциацию, играющую активную роль в налаживании молодежных обменов и долгосрочном развитии двусторонних отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что установление разнообразных по форме и конкретному содержанию отношений партнерства со многими государствами и региональными межгосударственными объединениями в последние полтора-два десятилетия стало важным инструментом внешней политики Китая.

Институт партнерства продемонстрировал свою эффективность, обеспечивая до настоящего времени определенное снижение уровня международного противодействия динамичному возвышению Китая. Вместе с тем партнерство остается своего рода «открытой книгой»: его функции, формы, конкретное содержание будут, скорее всего, претерпевать дальнейшую эволюцию, продолжая, однако, оставаться в арсенале внешней политики КНР еще долгое время.

Добрососедство

Добрососедство как инструмент внешней политики КНР имеет общие корни и сохраняет немало точек соприкосновения с политической партнерства¹². Однако по мере активизации международной деятельности Пекина в «постбиполярный период» постепенно произошло разграничение партнерства и добрососедства, и с начала нынешнего века добрососедство обрело собственную нишу в арсенале форм и методов реализации внешнеполитического курса КНР.

В отличие от партнерства, объектом которого потенциально являются практически все члены мирового сообщества, политика добрососедства адресована более конкретному ареалу: географическим соседям КНР. В китайской политологии существуют две интерпретации «соседского пояса», окружающего Китай. При узкой трактовке в этот пояс включаются только страны, непосредственно граничащие с ним. Сухопутную границу с КНР имеют 14 государств: КНДР, Россия, Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан (через контролируемую им часть Кашмира, которая на российских картах обозначается как принадлежащая Индии), Индия, Непал, Бутан, Мьянма, Лаос, Вьетнам. С перечнем государств, имеющих с КНР морскую границу, дело обстоит сложнее: наряду с констатацией наличия у страны семи соседей по морю (КНДР, Республика Корея, Япония, Филиппины, Бруней, Индонезия, Малайзия) можно подчас встретить упоминание и о десяти таких соседях¹³.

Встречается, однако, и расширенная трактовка соседского пояса Китая, в состав которого, помимо непосредственных соседей,

включаются также некоторые другие страны и регионы. Так, Янь Шэньи, оперирующий понятием «большого соседского окружения Китая», распространяет его на Средний Восток, Австралию, Новую Зеландию и США¹⁴. Сотрудник Института мировой политики Китайской академии современных международных отношений Чэнь Сяньян выделяет шесть зон «большого соседского окружения Китая». Это Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Западная Азия, Южная зона Тихого океана¹⁵.

На наш взгляд, расширительное трактование состава и структуры соседского окружения Китая прямо связано с выходом страны на глобальные роли в мировой политике и экономике и в этом плане вполне объяснимо. Однако очевидно и другое: такой подход чреват размыванием политики добрососедства, еще далеко не во всем устоявшейся и пока не проработанной до мелочей. Это отчасти признает и Чэнь Сяньян, отмечающий взаимное «наложение» политики добрососедства при расширительном толковании ее объекта и политики Китая в отношении великих держав и развивающегося мира. Безусловно, в контексте высокой динамики развития всего комплекса внешних связей КНР нельзя исключать вероятности последующей трансформации политики добрососедства в разнovidность более широкого «мультилатерализма», то есть многосторонней дипломатии. Вместе с тем в любом случае мы имеем полное основание говорить о том, что в период 1991—2010 гг. китайская политика добрососедства формировалась и действовала как самостоятельный феномен.

Переход КНР к политике добрососедства был продиктован необходимостью существенно улучшить ее отношения с соседними государствами, которые во многих случаях к началу 1990-х годов оставляли желать лучшего.

Первыми шагами по выправлению ситуации стали: нормализация отношений с Советским Союзом (1989 г.) и достижение с ним соглашения по вопросу о линии прохождения китайско-советской границы на ее восточном участке (май 1991 г.), восстановление дипломатических отношений с Индонезией (1990 г.) и их установление с Сингапуром (1990 г.), Брунеем (1991 г.), Республикой Корея (1992 г.), нормализация отношений с Вьетнамом (1991 г.), призна-

ние постсоветских государств Центральной Азии и установление с ними дипотношений.

В 1990-е годы продвижение в решении Китаем пограничных проблем с Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном было дополнено соглашениями о мерах доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, на базе которых сформировались организации регионального взаимодействия — сначала «Шанхайская пятерка», а затем и Шанхайская организация сотрудничества. Разноплановая поддержка Китаем стран АСЕАН в период Азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. создала предпосылки для существенной активизации политики Пекина в Юго-Восточной Азии. В 1998 г. в результате визита Цзян Цзэминя была подготовлена почва для определенного улучшения отношений с Японией. Наконец, в Отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду компартии Китая (ноябрь 2002 г.) курс добрососедства и дружбы, ориентированный на укрепление регионального сотрудничества и на повышение уровня обменов и взаимодействия КНР с соседними государствами, был провозглашен официально¹⁶. Дальнейшее концептуальное развитие он получил в выступлении премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на торгово-инвестиционном форуме государств АСЕАН 7 октября 2003 г. Это выступление, озаглавленное «Развитие Китая и возрождение Азии» и совпавшее по времени с началом пропаганды идеи «мирного возвышения Китая», было призвано убедить соседей КНР, и не только в Юго-Восточной Азии, в обоснованности каких-либо опасений в связи с обозначившимся ускорением темпов роста и наращивания экономической мощи страны.

Вэнь Цзябао заявил о приверженности Пекина курсу на «дружественное соседство», «безопасное соседство» и «процветающее соседство», подразумевая, соответственно, обеспечение гармоничных межгосударственных отношений, совместную защиту регионально-го мира и стабильности, преодоление любых разногласий путем переговоров, укрепление взаимовыгодного экономического сотрудничества и углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровнях. Одобрив линию на «дружественное», «безопасное» и «процветающее» соседство, Председатель КНР Ху Цзиньтао в выступлении на встрече с китайскими дипломатически-

ми работниками в августе 2004 г. призвал соединять укрепление дружеского характера двусторонних отношений КНР с соседними государствами с усилением регионального сотрудничества¹⁷.

Изначально основные цели политики добрососедства состояли, во-первых, в выстраивании стабильных гармоничных отношений с соседними государствами, базирующихся на неуклонном углублении взаимного политического доверия, во-вторых, в укреплении сотрудничества Китая с соседями в сфере безопасности и формировании вокруг него «мирного, спокойного окружения», в-третьих, в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, в том числе в интересах стимулирования интеграционных процессов. В дальнейшем еще одной целью политики добрососедства стало обеспечение более позитивного восприятия Китая в окружающих его странах, предопределившее усиление в ней ранее почти отсутствовавшего культурно-гуманитарного направления.

Практические шаги, «работавшие» на углубление добрососедства, нередко обслуживали сразу несколько целей. Вполне очевидно, что урегулирование Китаем пограничных проблем с той или иной страной одновременно способствовало улучшению двусторонних отношений с нею, повышению уровня безопасности самого Китая и углублению взаимного политического доверия, что, в свою очередь, благоприятствовало развитию двусторонних торгово-экономических связей. Поэтому, при всей важности каких-то конкретных аспектов проводимой Китаем политики добрососедства, секрет ее эффективности кроется прежде всего в комплексном характере.

Комплексность пекинского варианта добрососедства хорошо прослеживается в традиционных для современной китайской дипломатии предложениях по улучшению отношений КНР с тем или иным государством — а в последние годы без таких предложений не обходится практически ни один значимый визит на уровне глав государств и правительств.

Весьма показательны в этом плане предложения по улучшению двусторонних отношений, адресуемые Китаем Индии. Вслед за подписанием принципиально важного «Соглашения о руководящих политических принципах решения вопроса о китайско-индийской границе» премьер Вэнь Цзябао в ходе своего визита в Индию в апре-

ле 2005 г. предложил: поднять уровень двусторонних отношений, подходя к ним «с высоты стратегии и общей ситуации»; усилить сотрудничество на международной арене для защиты прав развивающихся стран и продвижения демократизации международных отношений; углубить торгово-экономическое сотрудничество на принципах обоюдной выгоды; расширить культурные и гуманитарные обмены, провести в 2006 г. «Год китайско-индийской дружбы», наладить молодежные обмены; выстраивать доверие в сфере безопасности, усиливая соответствующий диалог и обмены по военной линии и углубляя сотрудничество в борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью; продвигать переговоры по вопросу о линии прохождения границы, обеспечивая спокойствие в районе границы и нацеливаясь на превращение приграничных районов двух стран в пояс мира, дружбы и сотрудничества.

В ноябре 2006 г. в ходе визита в Дели Ху Цзиньтао вновь огласил примерно такой же по сути набор предложений, а в сентябре 2008 г. министр иностранных дел КНР Ян Цзечи озвучил обобщенную формулу развития китайско-индийских отношений: «мир, дружба, взаимовыгодное сотрудничество, совместное развитие»¹⁸.

В целом, по мнению одного из ведущих китайских специалистов по международным отношениям — Ван Ичжоу, политика добрососедства оказалась достаточно эффективной. Улучшились отношения Китая практически со всеми соседними государствами. Динамичное развитие получили двусторонние торгово-экономические связи (так, объем торговли КНР с АСЕАН вырос с 8,4 млрд долл. в 1991 г. до 160 млрд долл. в 2006 г.). Можно говорить и об определенном смягчении и стабилизации ситуации с безопасностью. Выстраивание политики добрососедства на основе государственных интересов и на базе принципов равенства и взаимного благоприятствования оправдало себя, делая возможным ее продолжение и совершенствование в перспективе¹⁹.

На наш взгляд, следует назвать как минимум еще одно достоинство политики добрососедства: она способствовала улучшению образа Китая и оздоровлению общей атмосферы его отношений с соседними государствами. В ряде случаев это помогло нахождению взаимоприемлемых решений застарелых проблем (например, в рос-

сийско-китайских отношениях — вопроса о линии прохождения границы на некоторых участках пограничных рек).

Вместе с тем у китайской политики добрососедства выявились определенные ограничения и даже недостатки. Так, она не привела пока к окончательному достижению договоренности о прохождении границы между Китаем и Индией: и дело здесь, возможно, не только в «завалах прошлого», но и в уже проявляющихся признаках соперничества двух держав. Беспрецедентно быстрый экономический подъем Китая сопровождался повышенным спросом на природные ресурсы соседних государств и на их рынки для сбыта там изделий китайского производства. Китайская «ресурсная жажда» и возросшая конкуренция со стороны китайских товаров для местных производителей беспокоят его соседей²⁰. При этом если рост объемов двусторонней торговли той или иной страны с КНР радует ее правящие круги и крупный бизнес, то реакция общественности и рядовых граждан порой бывает негативной. Увеличение прямых китайских инвестиций в соседних государствах подчас обуславливается направлением на совместные предприятия китайских рабочих, что порождает трения во Вьетнаме и Индии, где заинтересованы в первоочередном трудоустройстве местного населения. Поэтому «убеждающий, успокаивающий» язык, которым прописывается и артикулируется китайская политика добрососедства, не всегда достигает желаемого эффекта.

Настоящей проверкой этой политики на прочность становится решение проблемы принадлежности островов Южно-Китайского моря, на которые, кроме Китая, претендует целый ряд стран Юго-Восточной Азии²¹.

Представляется, что при всех сложностях Китай заинтересован в сохранении политики добрососедства на долгие годы вперед: ведь именно «соседское окружение» является, по мнению китайских экспертов, главной зоной реализации его государственных интересов за пределами страны и главной сферой проецирования его комплексной мощи²². Безусловно, перспективы продолжения и совершенствования китайской политики добрососедства будут в немалой степени зависеть и от того, насколько адекватным и устраивающим Пекин будет отклик на нее со стороны тех стран, которым она адресована.

КНР и ООН

Став в последнее двадцатилетие членом подавляющего большинства наиболее влиятельных международных организаций и переговорных механизмов, КНР продолжает рассматривать в качестве важнейшей на этом направлении свою деятельность в Организации Объединенных Наций. Отчасти это связано с тем, что, по оценке китайских экспертов, «ни в какой другой международной организации Китай не занимает более высокого места, чем в ООН, и никакая другая международная организация не оказала на Китай большего влияния, чем ООН»²³. Сказалось и то обстоятельство, что основополагающие принципы Устава ООН и идея ее центральной роли в урегулировании международных конфликтов, определении и достижении долгосрочных целей глобального развития весьма созвучны основным постулатам внешнеполитического курса современного Китая, в том числе, концепции создания гармоничного мира, отстаиванию права всех стран на самостоятельный выбор пути развития, отрицанию гегемонии в международных отношениях в каких бы то ни было формах и «национальных цветах».

Хорошо известно, что отношения Пекина с ООН складывались непросто. В период 1949—1971 гг. место КНР в ООН и Совете Безопасности в качестве его постоянного члена было занято представителями администрации Тайваня, действовавшими под флагом «Китайской Республики». Естественно, что в такой ситуации превалирующее отношение КНР к ООН выражалось в «недовольстве, критике и осуждении»²⁴. После восстановления законных прав КНР в ООН по результатам голосования на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи в октябре 1971 г. отношения Пекина с этой организацией вступили в фазу нормализации, «участия и сотрудничества», но вплоть до начала 1990-х годов высокой активностью здесь Китай не отличался.

Ситуация стала весьма резко меняться после знаменитой поездки Дэн Сяопина на юг страны в январе-феврале 1992 г., которая обозначила возвращение Китая к активному проведению политики реформ и открытости и завершение «посттяньаньмэньского» (т. е. после силового подавления студенческих демонстраций 4 июня 1989 г.) периода усиления консервативно-изоляционистских веяний

в руководстве КНР. Необходимость существенно более активной деятельности на международной арене диктовалась также задачей отстаивания ориентиров развития и интересов Китая после распада СССР.

Показательно, что именно с 1992 г. ускорился процесс подключения Китая к основным договорно-правовым режимам и конвенциям ООН, в т.ч. по вопросам защиты интеллектуальной собственности, биоразнообразия, прав человека, по морскому праву и ядерной безопасности. Китай стал одним из первых государств, подписавших Конвенцию ООН о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. В 2003 г. КНР подписала, а в 2005 г. ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией²⁵. В 1997 г. Китай подписал Международную конвенцию об экономических, социальных и культурных правах человека, а в 1998 г. — Конвенцию о гражданских и политических правах (конвенции были приняты ООН 16 декабря 1966 г. в целях распространения основных идей и принципов Декларации ООН о правах человека от 10 декабря 1948 г.)²⁶.

КНР интенсивно сотрудничает со специализированными учреждениями ООН, нередко оказывая безвозмездную помощь их представителям в Пекине и участвуя в оказании по их линии помощи беднейшим странам. В свою очередь, Китай и сам получает определенное финансовое содействие от ряда организаций системы ООН, прежде всего от Программы развития ООН²⁷. В целом Китаю постепенно удалось сформировать механизм и практику «нормативного» сотрудничества с ООН, т. е. соответствующего стандартам и способного служить своего рода примером для других²⁸.

Из «безмолвного труженика», которым Китай был в ООН на протяжении 1970-х — 1980-х годов, страна трансформировалась в одного из самых последовательных защитников провозглашенных ООН целей глобального социального и экономического развития, в активного участника большинства переговорных механизмов по вопросам разоружения и нераспространения ядерного оружия. КНР стала чаще использовать трибуну ООН для оглашения тех или иных собственных принципов. Так, Председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая 15 сентября 2005 г. на встрече глав государств-членов ООН по случаю 60-летия организации, огласил ряд предложений, направ-

ленных на создание «гармоничного мира». В их числе: поддержка мультилатерализма в целях обеспечения общей безопасности, развитие взаимовыгодного сотрудничества в интересах достижения совместного процветания, совместное строительство гармоничного мира на основе культурно-цивилизационного многообразия²⁹.

Все это дает китайским экспертам основание прямо связывать деятельность КНР в ООН на современном этапе с реализацией страновой функции «ответственной державы»: «Китай должен не только надлежащим образом вести свои дела, но и заботиться о счастье всего мира и человечества в целом». При этом подчеркивается, что «Китай все в большей мере проявляет внимание к делам внешнего мира, участвует в деятельности Совета Безопасности ООН по урегулированию конфликтов»³⁰.

Целый ряд конкретных действий Китая в ООН квалифицируется именно в контексте выявления им статуса ответственной державы.

Во-первых, это касается объявленных Председателем КНР Ху Цзиньтао в ходе работы 60-й юбилейной сессии ГА ООН в 2005 г. обязательств Китая по оказанию помощи беднейшим странам. Они включали: отмену таможенных тарифов для экспортной продукции 39 наименее развитых государств; списание просроченной задолженности перед КНР беднейших и наиболее отягощенных долгами стран по беспроцентным и низкопроцентным займам; подготовку кадров; создание и совершенствование инфраструктуры здравоохранения; предоставление льготных кредитов продавцам³¹.

Во-вторых, особо подчеркивается проявление Китаем статуса ответственной державы в случаях «тщательно взвешенного, осмысленного применения им права вето». В частности, речь идет о вето Китая при голосовании в СБ ООН проекта резолюции о направлении группы военных наблюдателей в Гватемалу (1 октября 1997 г.) и при голосовании по вопросу о продлении пребывания в Македонии военной миссии ООН с превентивными целями (25 февраля 1999 г.). В обоих случаях Китай, как декларируется, руководствовался «основополагающим принципом защиты суверенитета», т. е. Гватемала, игнорируя предостережения КНР, пригласила на церемонию подписания мирных соглашений представителя администрации Тайваня, а Македония 8 февраля 1999 г. установила с

Тайванем «дипломатические отношения». В январе 2007 г. КНР вместе с Россией и ЮАР голосовала против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», что мотивировалось отсутствием угрозы со стороны Мьянмы миру и безопасности в регионе³². 11 июля 2008 г. КНР вместе с Россией по тем же мотивам голосовала против предложенной США и Великобританией резолюции с осуждением внутренней политики президента Зимбабве Р. Мугабе.

В-третьих, об ответственности КНР как глобальной державы свидетельствует, по оценке китайских политологов, последовательная поддержка Пекином основополагающих целей и принципов деятельности ООН и ее центральной ключевой роли в обеспечении международного мира. Как отметил в своей речи на 60-й сессии ГА ООН Ху Цзиньтао, «ООН, будучи ядром механизма коллективной безопасности, играет незаменимую роль в международном сотрудничестве по обеспечению глобальной безопасности. Ее роль можно лишь укреплять, но не ослаблять. Нормы и принципы, определенные Уставом ООН... уже стали общепризнанными базовыми критериями международных отношений, их необходимо неукоснительно соблюдать»³³.

В-четвертых, в определенной мере растущая ответственность КНР как члена международного сообщества проявилась в увеличении ее доли во взносах в бюджет ООН. Эта доля в 1980 г. была снижена до 1,62 % по сравнению с 5,5 % в период 1974—1979 гг.; в 1983 г. вновь снижена до 0,88 %. В период 1987—1997 гг. она колебалась в диапазоне 0,7—0,8 %. Постепенный рост доли Китая во взносах в бюджет ООН начался с 1998 г. (0,901 %). С 2003 г. она превысила 2 % и в 2007 г. достигла 2,667 %. Для сравнения: доля России составила в 2007 г. 1,2 %, тогда как доля СССР в 1990—1991 гг. была 9,99 %³⁴. Дальнейшее увеличение доли Китая во взносах в бюджет ООН довело ее до 3,1 %³⁵.

И все же, пожалуй, в наибольшей мере статус Китая как ответственной глобальной державы реализуется в такой сфере деятельности ООН, как *миротворческие операции* под ее эгидой. КНР присоединилась к деятельности Специального комитета ООН по миротворческим операциям в 1988 г. В апреле 1989 г. она впервые предоставила в распоряжение Группы ООН по помощи в осуществлении переход-

ного периода (ЮНТАГ) 20 гражданских лиц для наблюдения за выборами в Намибии. В 1992 г. китайские гражданские инженеры в количестве 400 человек были направлены в распоряжение переходной администрации ООН в Камбодже. В общей сложности с 1990 по 2009 г. Китай принял участие в 18 миротворческих миссиях ООН, направив за рубеж свыше 11 тыс. миротворцев, из них 1100 — военных наблюдателей. По состоянию на 30 июня 2009 г., в миротворческих миссиях ООН находились 2148 миротворцев из КНР. Это 13-е место среди всех стран, предоставивших миротворческие контингенты. Крупные контингенты китайских миротворцев, представленные инженерами, врачами, транспортными подразделениями, действовали в Букаву (Республика Конго), в Либерии, Судане, Ливане. По некоторым оценкам, Китай предоставил больше миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН. В связи с этим в июне 2009 г. в Пекине был создан миротворческий центр Министерства обороны КНР, предназначенный для подготовки персонала и обмена опытом деятельности в данной сфере.

В целом, по оценке китайских экспертов, активное участие КНР в миротворческих операциях отражает усилия страны по выполнению своих обязательств в деле обеспечения международного мира и безопасности³⁶. Одновременно оно помогает Пекину лучше интегрироваться в международный режим обеспечения безопасности и тем самым содействовать собственной безопасности. Наконец, поскольку участие в миротворческой деятельности позволяет Китаю проецировать вовне имеющуюся и потенциальную мощь, оно может служить важным стратегическим ресурсом страны³⁷.

Основные особенности позиционирования КНР в ООН нашли отражение в *эволюции ее подхода к реформе этой организации*.

Вопрос о реформе ООН впервые был поставлен в повестку дня по инициативе развивающихся стран в 1979 г. Они апеллировали в первую очередь к тому обстоятельству, что структура и методы работы организации, унаследованные от начального периода ее деятельности, когда в ООН входило несколько десятков стран, должны быть приведены в большее соответствие с такими новыми реалиями, как появление представительной группы независимых развивающихся государств, утроение числа стран — членов Организации и т. п. Распад СССР и таких тесно связанных с ним блоковых орга-

низаций, как СЭВ и ОВД, ознаменовавший завершение эпохи биполярного мироустройства, сделал задачу реформирования ООН еще более настоятельной. В 1993 г. была создана специальная рабочая группа, ставшая наиболее важным форумом для обсуждения предложений по реформе ООН и ее Совета Безопасности. 20 марта 1997 г. рабочая группа представила предложения о реформе, подготовленные в виде проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Данные предложения, получившие известность как «Доклад Разали о реформе ООН», предусматривали увеличение Совета Безопасности с 15 до 24 членов с добавлением пяти постоянных членов СБ и четырех непостоянных. Усиливался географический принцип представительства в СБ. Предлагалось ввести ограничения на использование права вето с ориентацией на его последующую отмену. Новые постоянные члены СБ не должны были бы иметь права вето³⁸.

После нескольких лет обсуждений в марте 2005 г. с докладом о реформе ООН и СБ выступил генеральный секретарь организации Кофи Аннан. Его предложения по духу были весьма близки предложениям «Доклада Разали». В частности, Кофи Аннан также предложил увеличить Совет Безопасности с 15 до 24 членов, правда, с доведением числа постоянных членов до 11 и с сохранением права вето только у пяти прежних постоянных членов СБ. Аннан рассчитывал, что реформа будет проведена в самые краткие сроки, а ее детали могут быть окончательно согласованы в сентябре 2005 г. на юбилейной 60-й сессии ГА ООН. Доклад Аннана стимулировал высокую активность Германии, Японии, Бразилии и Индии, которые выступили за свое одномоментное включение в число постоянных членов СБ единой группой. Однако на сессии Генассамблеи консенсуса по вопросу реформы добиться не удалось, и проблема продолжает обсуждаться до настоящего времени.

В подходе КНР к реформе ООН можно выделить три этапа.

В 1990-е годы Пекин весьма активно поддерживал реформу организации, поскольку она была созвучна китайскому тезису о необходимости создания нового международного политического и экономического порядка. Китай выступал за усиление в деятельности ООН акцента на экономические и социальные проблемы, за повышение представительства и лучший учет интересов развивающихся стран. Китайское видение роли ООН и задач ее реформирования

оказалось близко российскому и нашло развернутое отражение в совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав КНР и РФ.

В декларации от 3 сентября 1994 г. констатировалась готовность России и Китая как постоянных членов СБ ООН «продолжать оказывать поддержку ООН, совместно с другими странами способствовать усилению ее роли в сфере поддержания международного мира и безопасности, содействия развитию, предупреждения и урегулирования конфликтов»³⁹.

В декларации от 25 апреля 1996 г. ООН была охарактеризована как «уникальный механизм для сотрудничества во имя мира, развития и безопасности». Вместе с тем отмечалась необходимость «в целях адаптации к изменившейся международной обстановке... провести соответствующую реформу ООН и ее органов; деятельность ООН и процесс принятия ее решений должны еще лучше отражать общие чаяния и коллективную волю всех стран-членов ООН»⁴⁰.

В документе от 23 ноября 1998 г. «Российско-китайские отношения на пороге XXI века» отмечалось, что возможное расширение Совета Безопасности «должно основываться на строгом соблюдении принципа справедливого географического представительства и опираться на широкое согласие, а в идеале — консенсус стран-членов ООН»⁴¹.

Между тем в конце 1998 — начале 1999 г. все сильнее стало проявляться стремление США и их союзников по НАТО оказать давление на Югославию по Косовской проблеме, действуя в обход ООН. 24 марта 1999 г. ВВС НАТО без непосредственной санкции Совета Безопасности начали бомбардировки стратегических объектов в Сербии, включая Белград⁴². В этой ситуации на первый план для Китая, как и для России, вышла задача не той или иной реформы ООН, а защиты ее легитимности и центральной роли в обеспечении мира и безопасности. Еще в Совместном заявлении глав государств от 23 ноября 1998 г. РФ и КНР констатировали, что главная уставная ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности «ни при каких обстоятельствах не должна ставиться под сомнение» и что «любые попытки обхода Совета чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира». Год спустя в Совместном заявлении по актуальным проблемам современной международной обстановки от 9 декабря 1999 г.

Китай и Россия высказались «за сохранение в неизменном виде уставных полномочий нынешних постоянных членов Совета Безопасности», охарактеризовав данное положение как «необходимое условие обеспечения эффективности и стабильности ООН»⁴³. То есть, попросту говоря, речь шла о сохранении за Китаем и Россией права вето при любых вариантах реформы ООН.

Тем самым было положено начало второму этапу эволюции подхода КНР к реформе ООН, который продлился примерно до 2003—2004 гг.

Для этого периода была характерна высокая динамика международно-политической жизни, не вполне благоприятная для реформы организации, да и просто отодвигавшая в тень задачу проведения каких-либо преобразований. Назовем террористические акты в США 11 сентября 2001 г., поддержанную ООН операцию против режима талибов в Афганистане, давление США и Англии на режим Саддама Хусейна в Ираке и начало военных действий против него.

КНР, вступившая в конце 2001 г. во Всемирную торговую организацию, стала в большей мере, чем раньше, ощущать себя составным элементом существующего миропорядка. Такую же роль играл и статус постоянного члена Совета Безопасности. Глубже, чем раньше, осознав свою принадлежность вместе с другими постоянными членами СБ ООН к державам, ориентированным на сохранение статус-кво, КНР стала выступать не за реформу ООН вообще, а за «рациональную и ограниченную реформу», которая «выдержала бы проверку временем и была бы приемлема для подавляющего большинства членов Организации». Соответственно, Пекин выступил против введения каких-либо конкретных сроков завершения преобразований⁴⁴.

Показательно, что на несколько лет само упоминание о реформе ООН исчезает из совместных российско-китайских коммюнике, уступив место призывам к «укреплению ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах» (16 июля 2001 г.), к «дальнейшему повышению эффективности ООН и, в частности, ее Совета Безопасности» (2 декабря 2002 г.)⁴⁵.

Вместе с тем, эта своеобразная пауза позволила Китаю глубже осмыслить плюсы и минусы для него различных вариантов реформы ООН и, прежде всего, Совета Безопасности и на этой основе более

четко определить свой стратегический подход. Видимо, дело не обошлось без некоторых колебаний, «что будет лучше для Китая: реформированный Совет Безопасности или неизменный?» «Как развивающаяся страна КНР выступает за демократический, транспарентный Совет с более равным представительством, но как постоянный член СБ она не согласна с отменой права вето»⁴⁶. В конечном счете возобладала точка зрения, что попытки заблокировать реформу СБ были бы наихудшим вариантом, поскольку грозили бы маргинализацией ООН. И хотя расширение СБ не способно решить всех имеющихся проблем, реформа, нацеленная на привлечение в Совет Безопасности новых членов, необходима. Был сделан вывод, что хотя исход реформы может не быть всецело благоприятным для Китая, но для взятых вместе членов СБ, включая Китай, расширение СБ явится лучшим выходом. По оценке китайских экспертов, у КНР, как у ответственной мировой державы, возобладали стремление «найти надлежащий баланс между собственными национальными интересами и международной ответственностью» и настрой на сотрудничество с другими великими державами⁴⁷.

Вновь возросшее внимание к ООН нашло отражение в Совместной декларации глав России и Китая от 27 мая 2003 г. по итогам первого визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в РФ. Вопросы деятельности Организации оказались затронуты в четырех из десяти разделов документа. Особо была подчеркнута координирующая роль ООН «с ее авторитетом, универсальным характером и уникальным опытом» в деле обеспечения международного мира и безопасности, включая «противодействие новым угрозам и вызовам на прочной основе международного права»⁴⁸.

А в октябре 2004 г. в очередной совместной декларации КНР и РФ по итогам встречи на высшем уровне стороны заявили о признании необходимости реформы Совета Безопасности ООН «с тем, чтобы укрепить его способность реагировать на вызовы и угрозы, придать ему больше представительности и повысить эффективность его работы»⁴⁹.

Пауза закончилась, и эволюция отношения КНР к реформе ООН вступила в третий этап, продолжающийся по настоящее время. Он характеризуется тем, что Пекин, поддерживая саму идею реформы, воздерживается от активных действий и не форсирует события,

апеллируя к необходимости достижения максимально широкого консенсуса по вопросу о новых постоянных членах СБ. В отдельные моменты Китай высказывал возражения против предоставления места постоянного члена СБ Японии, но, думается, заблокировать предоставление ей такого статуса он не будет. В то же время, в речи на юбилейной сессии ГА ООН в сентябре 2005 г. Ху Цзиньтао высказался за расширение представительства африканских стран в Совете Безопасности.

В целом же в настоящее время Китай чувствует себя в ООН намного увереннее, чем десять и, тем более, двадцать лет назад. Это позволяет ему, действуя на этом направлении в унисон с Россией, неизменно высказываться в последние годы в поддержку реформы ООН и ее СБ, одновременно воздерживаясь от каких-либо активных самостоятельных действий по ее продвижению. Так, в совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г. зафиксирована поддержка «необходимой и рациональной реформы ООН... в целях усиления ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы», но одновременно отмечается, что «проведение реформы должно основываться на принципах консенсуса, последовательности и постепенности»⁵⁰.

В российско-китайской декларации от 27 сентября 2010 г. по итогам визита Д.А. Медведева в Китай аналогичная поддержка выражена проведению реформы Совета Безопасности ООН, при этом стороны «выступают за то, чтобы государства-члены ООН путем самых широких консультаций на демократической основе стремились к консенсусу по вопросу реформы».

* * *

Мы осветили лишь часть направлений обновления внешнеполитического инструментария КНР. Детального анализа заслуживают также деятельность Пекина в других, помимо ООН, международных организациях, подход к проблемам международной безопасности, включая противодействие нетрадиционным угрозам и вызовам, усилия по улучшению образа страны за рубежом, культурная дипломатия, ставшая важным элементом укрепления как «мягкой» (soft), так и «умелой» (smart) силы Китайской Народной Республики. На на-

ших глазах зарождается ранее отсутствовавшая в арсенале Пекина инновационная дипломатия. Одним словом, проблема обновления внешнеполитического инструментария КНР требует дальнейшего осмысления и исследования.

Примечания

¹ Ван Ичжоу (Чжу бьянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008) : [30 лет трансформации внешних связей Китая]. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. С. 32.

² Там же. С. 223.

³ Scott, David. «The Chinese Century?»: The Challenge to Global Order. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 25—26. Дэвид Скотт читает лекции по международным отношениям в Университете Брунел, Великобритания. При анализе китайской формулы партнерства он опирался на работы Дж. Гарвера, М. Свайна, Юн Дэна.

⁴ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 271.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Сборник российско-китайских договоров. 1999—2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 144.

⁷ Ван Ичжоу (Чжу бьянь). С. 35.

⁸ Xiao Feng. China's strength does not mean diplomatic power in short-term. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90780/91342/7141067.html>

⁹ Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо : [Дипломатия современного Китая]. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 45—46.

¹⁰ По-китайски соответственно «цюаньмянь туйцзинь чжаньлюэ хобань гуаньси» в случае с Германией и «цюаньмянь шэньхуа чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси» в случае с Россией. См.: Жэньминь жибао. 17.07.2010; 28.09.2010. Официальный текст Совместного заявления от 27.09.2010 на русском языке размещен на сайтах Президента РФ и Посольства РФ в КНР.

¹¹ Хайгуань тунци : [Таможенная статистика]. Пекин. 2009. № 12. С. 4—5.

¹² Наличие точек соприкосновения между партнерством и добрососедством оказалось удачно отражено в названии монографии под редакцией Чжан Юньли на Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors : [Создавая новое

партнерство: возвышающийся Китай и его соседи]. (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008). Монография подготовлена на основе докладов китайских и зарубежных ученых на конференции с аналогичным названием в Пекине в июле 2007 г., организованной Институтом АТР Академии общественных наук Китая.

¹³ См., например: Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо : [Дипломатия современного Китая]. Шанхай, 2009. С. 16. (Различие, надо полагать, связано с той или иной интерпретацией линии прохождения морской границы КНР в Южно-Китайском море. При максимальном ее варианте в число морских соседей КНР могут попасть также Сингапур, Таиланд и Камбоджа. Не исключено, однако, что данные о «десяти морских соседях Китая» отражают устаревшую политическую географию — скажем, в начале 1970-х годов сюда входили Сабах и Саравак. Тайвань во всех случаях не учитывается).

¹⁴ Янь Шэньи. Указ. соч. С. 16.

¹⁵ Чэнь Сяньян. Индуй «да чжоубьянь» любань куай : [Политика в отношении шести зон «большого соседского окружения»]. Ляован. Пекин. 2010. № 34. С. 59.

¹⁶ Ху Шусян (Чжу бьянь). Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзяо : [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 280.

¹⁷ Там же. С. 281.

¹⁸ Ху Шусян. Указ. соч. С. 283—285.

¹⁹ Ван Ичжоу. Указ. соч. С. 35.

²⁰ Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008. P. 16—17.

²¹ Вопрос о претензиях ряда стран на острова Южно-Китайского моря детально изложен в работах российских ученых. См.: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007; Степанов Е.Д. Спорные вопросы в омывающих Китай морях // Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 184—220; Агафонова Г.Д. Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. М.: ИДВ РАН, 2004..

²² Чэнь Сяньян. Указ. соч. Ляован. 2010. № 34. С. 59.

²³ Чжао Лэй. Гоуцзянь хэпин: Чжунго дуй Ляньхэго вайцзяо синвэй дэ яньцзинь : [Строительство мира: эволюция дипломатической деятельности Китая в отношении ООН]. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2007. С. 135.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Чжао Лэй. Указ. соч. С. 134—135.

²⁶ Mo Jihong. A New Perspective on Relations between Human Rights Covenants and China // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing: China Development Publishing House, 2003. P. 196.

²⁷ Среди направлений содействия Программы развития ООН Китаю следует упомянуть начатую в 1997 г. совместную подготовку докладов о человеческом развитии, которые сыграли важную роль в повышении «статусности» социальных программ в КНР, отработке мероприятий по борьбе с бедностью, осознании глубины разрыва в уровнях развития регионов страны. См., например: China Human Development Report 1999. Transition and the State. UNDP. Beijing, 2000.

²⁸ Чжао Лэй. Указ. соч. С. 159.

²⁹ Ху Цзиньтао. Нули цзяньшэ чичзю хэпин, гунтун фаньжун дэ хэсе шицзе : [Приложить усилия в деле строительства гармоничного мира, характеризующегося долговременной мирной обстановкой и всеобщим процветанием]. Жэньминь жибао. 16.09.2005.

³⁰ Чжао Лэй. Указ. соч. С. 145, 133.

³¹ Цит. по: Ван Ичжоу. Указ. соч. С. 128.

³² Чжао Лэй. Указ. соч. С. 171—181.

³³ Жэньминь жибао. 16.09.2005.

³⁴ Чжао Лэй. Указ. соч. С. 236.

³⁵ China and the UN: a Long Standing Partnership // Beijing Review. September 30, 2010. P. 12. По правилам ООН, страны с доходами менее 7000 долл. на человека в год пользуются 80-процентной скидкой в исчислении их взносов в бюджет организации. В перспективе, когда КНР потеряет право на скидку, она займет 3-е место по величине взноса вслед за США и Японией.

³⁶ Hu Yimin. China's Expanding Participation in the UN Peacekeeping Operations // Contemporary International Relations. Beijing. 2009. November-December. P. 46—56; Beijing Review. September 30, 2010. P. 11.

³⁷ Tang Yongsheng. China's Participation in UN Peacekeeping Regime // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 84—87.

³⁸ Li Dongyan. A Chinese Perspective of UN Security Council Reform // Wang Yizhou (ed.). Construction within Contradiction. Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 107—113.

³⁹ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 273.

⁴⁰ Там же. С. 336.

⁴¹ Там же. С. 454.

⁴² Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений (1945—2008 гг.). М.: МГИМО-Университет. 2009. С. 459—460.

⁴³ Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 28

⁴⁴ Li Dongyan. Op. cit. P. 117.

⁴⁵ Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. С. 156, 226.

⁴⁶ Li Dongyan. Op. cit. P. 123.

⁴⁷ Ibid. P. 124—127.

⁴⁸ Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. С. 243—253.

⁴⁹ Там же. С. 291.

⁵⁰ Проблемы Дальнего Востока. М., 2008. № 4. С. 11.

Глава 5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР

По мере роста мощи и степени вовлеченности национальной экономики в глобальные и региональные мирохозяйственные связи одну из ведущих позиций во внешнеполитическом инструментарии Китая заняла экономическая дипломатия. Ее важной отличительной особенностью на современном этапе является широта диапазона. Например, в монографии «Экономическая дипломатия Китая 2007», подготовленной сотрудниками Института международных проблем и Центра исследований экономической дипломатии Университета Цинхуа, упоминаются такие конкретные направления применения данного инструмента, как двусторонние торгово-экономические связи КНР с отдельными странами, а также с Тайванем, Гонконгом и Макао; взаимодействие страны с многосторонними международными организациями и форматами («Большая восьмерка», ООН, Всемирный банк, Всемирный экономический форум в Давосе); подрядное строительство и предоставление трудовых услуг за рубежом; международное сотрудничество в финансовой и банковской сферах; использование механизмов ВТО для разрешения трудовых споров; привлечение иностранных инвестиций в страну и инвестирование собственных капиталов за рубежом; меры по обеспечению нефтяной безопасности государства¹.

Время для детальной классификации сфер, методов, рычагов экономической дипломатии Китая, по-видимому, еще не пришло — здесь далеко не все устоялось, многое находится в движении, а кое-что функционирует в режиме эксперимента. Предварительно можно выделить такие макронаправления экономической дипломатии КНР, как ресурсное, спросовое, инвестиционное, статусное и дипломатию валютного курса.

Ресурсная дипломатия призвана удовлетворить растущие потребности страны во многих видах ресурсов. Хорошо известны гигантские потребности КНР в импортной железной руде и нефти (табл. 1), высокие — в лесе и меди.

Таблица 1. Импорт Китаем нефти и железной руды (млн т)

	Годы										
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Нефть	69,4	91,1	122,7	126,8	145,2	163,1	178,9	203,8	239,3	253,8	271,0
Железная руда	111,5	148,3	208,1	275,3	326,3	446,4	443,5	627,8	618,6	686,1	743,5

Источник: составлено автором по данным таможенной статистики КНР.

Разновидностью ресурсной дипломатии Китая как потребителя выступает его растущий спрос на аренду за рубежом земель сельскохозяйственного назначения. С другой стороны, Китай обладает крупнейшими в мире запасами редкоземельных элементов, широко востребуемых современной электронной промышленностью. Это дает ему возможность использовать ограничения на экспорт своих редкоземельных металлов для давления на те или иные страны, что и было применено в отношении Японии осенью 2010 г. после очередного обострения спора о принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку). В сферу действия ресурсной дипломатии отчасти можно включить и экспорт Китаем трудовых ресурсов, помогающий смягчить проблему занятости в стране.

К числу наиболее важных для Китая и наиболее детально проработанных разновидностей ресурсной дипломатии относится нефтяная дипломатия. Она включает такие компоненты, как обеспечение страны надежными диверсифицированными источниками импорта нефти, постоянное совершенствование логистики поставок нефти в КНР и повышение безопасности конкретных маршрутов ее транспортировки, углубление кооперации Китая с другими крупными потребителями нефти в интересах координации подхода к ее производителям. Перевод в практическую плоскость идеи транспортировки части импортируемой нефти по специальному трубопроводу в провинцию Юньнань через Мьянму (что позволяет обойтись без ее перевозки по Малаккскому проливу), сооружение нефтепроводов

Сковородино—Дацин, получение нефти и газа сухопутным маршрутом из республик Центральной Азии, предложение Ху Цзиньтао на Ташкентском (2010 г.) саммите ШОС о разработке в формате организации специальных мер по защите нефте- и газопроводов наглядно иллюстрируют прагматический, деловой характер современной нефтяной дипломатии КНР.

«Спросовое» направление экономической дипломатии Китая также носит двоякий характер. Как производитель товаров, капиталов, услуг Китай стремится улучшить условия для расширения их сбыта за рубежом. В качестве потребителя Пекин активно оперирует идеей «разделения с Китаем дивидендов от его быстрого развития» для получения необходимых ему иностранных капиталов, передовых технологий и оборудования, сырья. На практике эта идея широко используется в переговорах и в уже достигнутых соглашениях по созданию Китаем зон свободной торговли со многими странами мира и объединениями государств (прежде всего, с АСЕАН). Происходит своеобразный обмен части внутреннего китайского рынка, куда облегчается доступ для экспортных товаров государств-контрагентов, на право более свободного доступа на их рынки товаров китайского производства. До начала 2000-х годов надежды иностранных экспортеров на «обширный китайский рынок» далеко не всегда оправдывались на практике. Однако после вступления КНР во Всемирную торговую организацию ситуация существенно улучшилась. Снижение среднего уровня импортных тарифов в Китае с 15,3 % в 2001 г. до 9,8 % в 2007 г.² сделало китайскую экономику более открытой для внешнего мира. Согласно докладу Всемирного банка «Китай и ВТО» (2005 г.), ежегодный выигрыш самого Китая от вступления в ВТО составил 40,6 млрд долл., а остального мира — 75 млрд долл.³

Дополнительную роль играет и более активное стимулирование внутреннего спроса. Если в конце 2008 — первой половине 2010 г. оно выполняло, прежде всего, функцию антикризисного инструмента, то в 12-й пятилетке (2011—2015 гг.) Пекин рассчитывает существенно увеличить долю фактора потребления населения в экономическом росте в целом, что создает дополнительные возможности для экспорта многими государствами своей продукции в Китай. Это обстоятельство используется Пекином не только для решения практических хозяйственных задач, но и в интересах формирования

позитивного образа Китая в мире. Весьма показательна в этом отношении констатация, что «спрос на внутреннем рынке Китая способствовал экономическому восстановлению стран и регионов мира»⁴.

Привлечение в страну крупных объемов прямых иностранных инвестиций неизменно остается одной из важных целей экономической дипломатии Китая. Политическая стабильность, предсказуемость инвестиционного климата, накопленный опыт взаимодействия с зарубежным бизнесом позволили Пекину сохранить на высоком уровне объем привлекаемых зарубежных инвестиций как после введения в 2007 г. единой ставки подоходного налога с китайских и иностранных предприятий, так и в период мирового экономического кризиса (табл. 2).

Таблица 2. Привлечение прямых иностранных инвестиций в КНР (фактически использованные инвестиции, млрд долл.)

Наименование	Год						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	60,3	63,0	74,8	92,4	90,0	105,7	116,0
Гонконг	17,9	20,2	27,7	41,0	46,1	60,6	70,5
Япония	6,5	4,6	3,6	3,7	4,1	4,1	6,3
Сингапур	2,2	2,3	3,2	4,4	3,6	5,4	6,1
Республика Корея	5,2	3,9	3,7	3,1	2,7	2,7	2,6
Китайский Тайвань	2,2	2,1	1,8	1,9	1,9	2,5	2,2
Великобритания	1,0	0,7	0,8	0,9	0,7	0,7	0,6
Германия	1,5	2,0	0,7	0,9	1,2	0,9	1,1
Франция	0,6	0,4	0,5	0,6	0,7	1,2	0,8
Каймановы о-ва	1,9	2,1	2,6	3,1	2,6	2,5	2,2
Виргинские о-ва	9,0	11,2	16,6	16,0	11,3	10,4	9,7
Канада	0,5	0,4	0,4	0,5	0,9	0,6	0,5
США	3,1	2,9	2,6	2,9	2,6	3,0	2,4
Австралия	0,4	0,6	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3

Источник: Чжунго тунци чжайяо 2012 : [Краткая статистика Китая 2012]. Пекин, 2012. С. 69.

Значительная часть привлекаемых Китаем извне инвестиций поступает от бизнесменов китайского происхождения, проживающих в других странах и регионах (Гонконг, Сингапур, Тайвань). Небольшая часть — в отдельные годы порядка 20 % и более — фактически является инвестициями внутреннего бизнеса, проведенными через оффшоры и обретшими статус иностранных (Каймановы и Виргинские острова). Однако и оставшиеся инвестиции развитых стран составляют внушительный объем. А в ряде случаев (Германия, Франция, Япония) здесь в последние годы наблюдалась устойчивая тенденция роста. Одним из немногих исключений стала Республика Корея: корейский бизнес в КНР, в значительной части представленный мелкими частными инвесторами, в период мирового кризиса пострадал довольно серьезно. В целом же, при всех возможных статистических преувеличениях, Пекину удалось сформировать привлекательный инвестиционный образ Китая, что вкупе со спросовыми возможностями помогло привлечь в страну крупнейшие мировые транснациональные корпорации. Китай получил, по-видимому, наиболее крупный выигрыш от активного участия в процессе мировой экономической глобализации и стал, как минимум, на десятилетия самой настоящей «мировой фабрикой». При всех издержках данный статус существенно улучшил ролевые функции и общую позицию КНР в мировом разделении труда, позволил накопить средства, создать кадровую базу и освоить новые технологии, необходимые для перехода на более высокую ступень модернизации страны.

Китай выступает не только реципиентом, но и донором иностранных инвестиций. Впервые КНР вышла на заметные объемы инвестирования за рубежом в 1985 г. (628 млн долл.) и на протяжении 1990-х — начала 2000-х годов в среднем инвестировала за границей порядка 2 млрд долл. ежегодно. На конец 2003 г. накопленные прямые зарубежные инвестиции Китая составили 37 млрд долл.⁵ Провозглашение стратегии выхода отечественного бизнеса «вовне», т. е. за национальные границы, активизация внешней деятельности частных предпринимателей из КНР и разработка с китайским участием месторождений полезных ископаемых, прежде всего нефти, привели к кратному увеличению прямых зарубежных инвестиций в последние 6—7 лет (табл. 3).

Таблица 3. Прямые инвестиции КНР за рубежом (млрд долл.)

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сумма	12,26	21,16	24,84	40,7	56,5	60,2

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо 2012. Пекин, 2012. С. 62; Чжунго тунцзи чжайяо 2011. Пекин, 2011. С. 64; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин, 2008. С. 164.

По данным Министерства коммерции КНР от 30 августа 2012 г., в 2011 г. объем прямых инвестиций страны за рубежом составил 74,65 млрд долл., в т.ч. в нефинансовую сферу 68,58 млрд и в финансовые активы — 6,07 млрд долл. К концу 2011 г. китайские инвесторы создали 18 тыс. предприятий в 177 странах и регионах мира.

Рост китайских инвестиций и в целом экономического присутствия КНР за рубежом если не прямо, то косвенно способствует укреплению позиций китайских организаций на мировом рынке подрядно-строительных и трудовых услуг. Объем фактически выполненных Китаем подрядно-строительных работ вырос с 8,4 млрд долл. в 2000 г. до 92,2 млрд в 2010 г., а стоимость оказанных трудовых услуг — с 2,8 до 8,9 млрд долл.⁶

После введения с 1 января 1994 г. единого обменного курса юаня к доллару США основной целью «юаневой дипломатии» Пекина на довольно длительное время стало стимулирование национального экспорта. Это достигалось путем жесткой привязки обменного курса юаня к курсу доллара: с 1997 г., то есть с начала азиатского финансового кризиса, и вплоть до середины 2005 г. он незначительно колебался вокруг отметки 8,28 юаня за доллар. Быстрый рост валютных резервов страны, потребовавший для их стерилизации заметного наращивания юаневой денежной массы, вкупе с давлением со стороны США, вынудили Китай согласиться на введение с 21 июля 2005 г. более гибкого плавающего курса юаня к доллару. Ко второй половине 2008 г. обменный курс юаня к доллару повысился до 6,83:1 и был на этой отметке вновь заморожен с началом мирового финансового кризиса. Летом 2010 г. под беспрецедентным нажимом США, Европейского Союза и ряда других внешнеторговых партнеров Пекин вновь отошел от фиксированного курса юаня к доллару, однако отказывается от значительной ревальвации национальной валюты.

На Западе в унисон говорят о недооцененности юаня на 20—40 %. Китай ревальвировал юань к середине октября 2010 г. на 2,1 % — до 6,69 юаня за доллар. Подчас в КНР высказывается мнение, что страна «справится» с ежегодным удорожанием юаня на 3—5 %, но никак не более. Таким образом, валютная дипломатия Китая оказалась вынужденной решать новую задачу защиты «рационального» обменного курса национальной валюты.

Еще одна цель валютной дипломатии Пекина, вызревшая в контексте мирового экономического кризиса, состоит в постепенной интернационализации юаня. Речь идет как о более активном использовании юаня для расчетов во внешней торговле, особенно в приграничной торговле с соседними государствами, так и о придании ему в перспективе статуса еще одной мировой резервной валюты⁷.

В докладе «Китай 2030. Построение современного, гармоничного и креативного общества высоких доходов», подготовленном совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР, прогнозируется, что к 2035 г. на китайский юань будет приходиться 12 % международных валютных резервов⁸.

«Статусное» направление экономической дипломатии КНР представлено ее взаимоотношениями с различными международными организациями экономического и финансового профиля, участием страны в крупных саммитах и форумах.

Определение «статусное» отличается известной долей условности. Членство страны во многих международных организациях было призвано служить, в первую очередь, решению ее сугубо практических проблем. Так, восстановление в 1980 г. членства КНР во Всемирном банке и Международном валютном фонде помогло Пекину привлечь крупные внешние кредиты на льготных условиях, что было особенно важно на начальном этапе запуска политики модернизации, реформ и открытости. Вступление в ВТО обеспечило стране более благоприятный торговый режим и одновременно задало алгоритм многим внутренним преобразованиям в законодательстве и институциональном строительстве.

В то же время, уже само по себе членство Китая в ведущих мировых организациях автоматически повышало его статус. А по мере роста экономической мощи инициативные усилия по повышению

своего статуса стал предпринимать и сам Пекин. Показательно, например, решение МВФ о передаче части голосов от европейских стран Китаю, принятое осенью 2010 г., в результате чего по доле голосов в этой организации он переместился с 6-го места на 3-е.

Разумеется, в ряде случаев статусно-имиджевые цели превалировали над задачами достижения непосредственного экономического эффекта, как это имеет место, на наш взгляд, с форумом Боао (город на о. Хайнань), который проводится ежегодно с 2003 г., но пока явно не достиг намеченной цели — стать китайским аналогом Всемирного экономического форума в Давосе.

Текущие приоритеты экономической дипломатии Китая меняются в зависимости от практических потребностей страны. В течение ряда лет задача номер один здесь заключалась в том, чтобы добиться снижения числа антидемпинговых расследований и специальных защитных мер, предпринимаемых в отношении КНР в рамках ВТО. С середины 2012 г., когда стало очевидным резкое замедление темпов прироста внешнеторгового товарооборота, на первый план выдвинулась задача стимулирования и диверсификации экспорта.

В целом же, на наш взгляд, экономическая дипломатия КНР нуждается как в более «тонкой настройке», так и в более последовательной реализации на этом направлении статуса страны как ответственной глобальной державы.

Примечания

¹ Чжунго цзинцзи вайцзяо 2007 : [Экономическая дипломатия Китая 2007]. Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ, 2008.

² *Chang Lu, Xue Kai*. China Going Global. Beijing: Foreign Languages Press, 2008. P. 13.

³ Цит. по: *Chang Lu, Xue Kai*. China Going Global. P. 10.

⁴ Рост импорта в Китай способствует восстановлению мировой экономики. URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/7181708.html>

⁵ *Cai K.G.* The Political Economy of East Asia: Regional and National Dimensions. Palgrave Macmillan. 2008. P. 170—171.

⁶ Чжунго тунци чжайяо 2012 : [Краткая статистика Китая 2012]. Пекин, 2012. С. 71.

⁷ *Francois Godement*. The Power Shift: Winners and Losers — Geopolitics on Chinese Terms // *China Analysis*. Asia Centre. Sciences Po. September 2010. P. 4. См. также: *Кондрашова Л.И.* Стоит ли укрепляться юаню? Азия и Африка сегодня. 2010. № 8. С. 36—42.

⁸ *China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society*. Conference Edition. Washington. 2012. P. 434.

Глава 6

КИТАЙ И РОССИЯ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Первое десятилетие XXI века ознаменовалось не только динамичным укреплением экономической мощи Китайской Народной Республики, но и существенным расширением сфер, обновлением инструментария международно-политической деятельности Пекина. Заметное место в этом процессе занимают налаживание добрососедства и активизация работы в региональных международных организациях, призванные, среди прочего, способствовать формированию на международной арене образа КНР как ответственной глобальной державы. Оба эти направления находят заметное отражение в деятельности Китая в формате Шанхайской организации сотрудничества.

I

Учрежденная 15 июня 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) с первых дней своего существования привлекает заметное внимание мировых центров силы и международного экспертного сообщества. Это обусловлено целым комплексом причин, среди которых основными являются следующие:

- декларировав одной из своих ведущих целей «совместное обеспечение и поддержание мира, стабильности и безопасности в регионе», ШОС позиционировала себя как мощный геополитический фактор, способный сыграть долговременную стабилизирующую роль в Центральной Азии и на более широком пространстве

Восточной Евразии. Стабилизирующая функция ШОС в регионе была юридически закреплена в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов организации;

- выросшая из комплекса российско-китайских мероприятий по укреплению мер доверия и сокращению вооружений и вооруженных сил в районе границы, ШОС стала важной «площадкой» углубления и диверсификации форм стратегического партнерства между Россией и Китаем. Одновременно возникла потенциальная возможность усиления соперничества России и Китая в Центральной Азии;

- курс ШОС на содействие эффективному сотрудничеству стран-членов в экономике и гуманитарной сфере при его надлежащей реализации способен улучшить социально-экономическое положение в центральноазиатских государствах — членах этой организации и тем самым существенно снизить дестабилизирующее влияние как радикального ислама, так и чреватой «оранжевыми революциями» западной идеологии;

- провозгласив себя организацией открытого типа, ШОС выступила своеобразным центром притяжения или, как минимум, объектом существенного интереса для целого ряда азиатских стран. Получение Монголией, Индией, Пакистаном и Ираном статуса наблюдателей в ШОС, а Шри-Ланкой и Белоруссией — статуса партнеров по диалогу — не только выявило потенциальный ареал расширения ШОС, но и продемонстрировало ее реальную способность прямо влиять на институциональную структуру межгосударственных формирований и международные отношения в Азии. Симптоматично, что в 2012 г. статус партнера по диалогу получила Турция. Растущий международный вес ШОС был подчеркнут подписанием в апреле 2010 г. Совместной декларации о сотрудничестве между Секретариатами ШОС и ООН и принятием на 10-м саммите государств — членов ШОС в Ташкенте 11 июня 2010 г. Положения о порядке приема новых членов в ШОС. На фоне нарастания факторов турбулентности и неопределенности в глобальной международной ситуации весьма актуально и очень весомо прозвучала Декларация государств — членов ШОС о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания, принятая 7 июня 2012 г. в Пекине;

- хотя на момент учреждения ШОС выглядела как интересный, но достаточно ограниченный, локальный проект, однако террори-

стические акты в США 11 сентября 2001 г. и последовавшая вскоре антиталибская операция в Афганистане под эгидой НАТО радикально изменили ситуацию, продемонстрировав на практике возможность и необходимость конструктивного сотрудничества ШОС и НАТО в противодействии терроризму, наркоугрозе и в афганском урегулировании;

- крупные запасы углеводородов в Казахстане, Узбекистане и географически примыкающих к ШОС Туркмении и других государствах Прикаспия делают добычу и вероятные маршруты транспортировки нефти и газа из региона на внешние рынки объектом довольно жесткой международной конкуренции, в которую прямо или косвенно вовлечены Китай, Россия, США, Европейский союз, Индия.

II

Вполне естественно, что деятельность ШОС является предметом постоянного внимания в российском экспертном сообществе. Специальные центры по изучению ШОС созданы в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук и Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел РФ. Проблемы ШОС анализируются также отдельными исследователями в Институте востоковедения (прежде всего под центральноазиатским «углом») и в Институте мировой экономики и международных отношений РАН, в Российском институте стратегических исследований, ГУ—ВШЭ (Государственный университет — Высшая школа экономики), в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах Новосибирска, имеющих традиционные связи с республиками Центральной Азии. По инициативе российских экспертов был учрежден Форум ШОС, призванный играть роль «второй дорожки», т. е. научно-экспертного сообщества при ШОС. Мнения российских экспертов по проблемам ШОС весьма востребованы во властных структурах России.

Материалы круглых столов по проблемам ШОС, проводимых ежегодно в Институте Дальнего Востока РАН, служат неплохой интеллектуальной подпиткой для национальных координаторов ШОС от России и сотрудников Секретариата ШОС. Итоги дискуссий уче-

ных и экспертов обобщены в публикациях Института Дальнего Востока: «Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии» (М.: ИДВ РАН, 2005); «Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества» (М.: ИДВ РАН, 2006); «Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития» (М.: ИДВ РАН, 2006); «Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества» (М.: ИДВ РАН, 2008). Кроме того, в Институте опубликованы основные документы ШОС¹ и сборник переводов статей ведущих китайских экспертов по проблемам ШОС и Центральной Азии². Заслуживают упоминания работы сотрудников ИДВ РАН С.Г. Лузянина «Россия и Китай в Евразии» (М.: ИД «Форум», 2009), А.Ф. Клименко «Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности» (М.: ИДВ РАН, 2009), Л.Е. Васильева «Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (М.: ИДВ РАН, 2009).

Основная масса российских экспертных оценок состояния, проблем и перспектив развития ШОС достаточно близка к официальным оценкам деятельности этой организации, фигурирующим в заявлениях руководителей и чиновников различного ранга и документах двусторонних и многосторонних саммитов. При этом, однако, по сравнению с консенсусными формулировками, исходящими непосредственно от ШОС, для экспертных оценок характерны определенный разброс и более полемическая тональность высказываемых суждений.

В самой ШОС и в России доминируют позитивные оценки характера организации и ее роли в международной жизни. В частности, ШОС характеризуется как «состоявшаяся многосторонняя структура, пользующаяся общепризнанным авторитетом в мире»³. В Декларации пятилетия (2006 г.) отмечалось, что ШОС «уже показывает себя важным механизмом углубления добрососедских, дружественных и партнерских отношений между государствами-членами, примером развития межцивилизационного диалога, активным фактором в глобальных усилиях по демократизации международных отношений»⁴. Констатировалось, что организационное и правовое становление ШОС практически завершено. Особо подчеркивалась

сформировавшаяся в рамках организации атмосфера равенства, «общего дома» (иногда называемая «шанхайским духом»), позволяющая обсуждать и намечать пути решения любых проблем.

В российском экспертном сообществе ШОС подчас квалифицируется как организация нового типа, коль скоро она носит открытый характер. ШОС создана «не против кого-то», а наоборот — ориентирована на самое широкое сотрудничество. Этот принцип нашел отражение в установлении договорных связей с АСЕАН, ЕвразЭС и СНГ, ООН, ОБСЕ. Шанхайская организация сотрудничества прямо заявила о своих претензиях на роль примера и катализатора в деле межцивилизационного общения и решения проблем, препятствующих гармонизации отношений в мире.

Прделана значительная организационная и договорно-правовая работа по налаживанию сотрудничества стран — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. Находящаяся в Ташкенте (Узбекистан) Региональная антитеррористическая структура (РАТС) стала, по словам директора ее Исполнительного комитета Дженисбека Джуманбекова, «настоящим штабом координации деятельности специальных служб и правоохранительных органов в борьбе с «тремья силами зла»⁵.

На саммите ШОС в Шанхае в июне 2006 г. были приняты Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств — членов ШОС и Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия проникновения на территории государств — членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности.

Практическая отработка антитеррористического взаимодействия осуществляется в ходе специальных маневров в формате ШОС. В августе 2003 г. в приграничных районах Казахстана и Китая в две фазы были проведены военные маневры «Единение» (*Ляньхэ*), а в 2005, 2007, 2009 гг. проводились крупномасштабные военные маневры «Мирная миссия». Как отмечают китайские эксперты, по своему размаху они вышли далеко за рамки антитеррористических учений и были призваны продемонстрировать решимость государств — членов ШОС отстаивать стратегическую стабильность в регионе, в том числе перед лицом угрозы так называемых цветных революций, то

есть насильственной смены власти в республиках Центральной Азии⁶. В сентябре 2010 г. на территории Казахстана состоялись очередные многосторонние маневры «Мирная миссия» с участием 5 тыс. военнослужащих.

Следует подчеркнуть, что ряд российских экспертов считает необходимым существенное усиление военно-оборонного сотрудничества в ШОС, мотивируя это универсальным характером организации, требующим не только политического, экономического, гуманитарного, но и военного взаимодействия. Результатом российской настойчивости стало принятие в мае 2008 г. на совещании глав оборонных ведомств стран — участниц ШОС Соглашения о сотрудничестве между министерствами обороны стран, входящих в Организацию (свою подпись под соглашением не поставил Узбекистан). Это Соглашение повышает способность стран ШОС адекватно и оперативно реагировать на ситуацию, угрожающую миру и стабильности в регионе⁷.

Вполне логично, что Россия стремится к налаживанию постоянного активного взаимодействия ШОС с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с целью «реализации совместных мер по противодействию общим вызовам и угрозам». В 2008 г. Секретариаты ШОС и ОДКБ подписали Меморандум о сотрудничестве⁸.

В то же время ШОС, как организация открытого типа, готова к конструктивному взаимовыгодному сотрудничеству с внерегиональными силами, что в весьма корректной форме отражено практически во всех документах ШОС. В настоящее время в центре такого взаимодействия находится ситуация в Афганистане.

III

Значительное внимание уделяется деятельности ШОС и в Китае. Проблемы и перспективы развития этой организации изучаются в таких влиятельных научных центрах, как Китайский институт международных проблем МИД КНР, Китайская академия современных международных отношений, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая,

Центр исследований ШОС Шанхайской академии общественных наук. Последняя из названных организаций на регулярной основе издает на китайском языке сборники материалов и документов о деятельности ШОС. Там же к 10-летию создания «Шанхайской пятерки» и 5-летию ШОС была издана первая в Китае научная монография о ШОС: *Пань Гуан, Ху Цзянь*. «Первая в XXI веке организация регионального сотрудничества нового типа — комплексное исследование Шанхайской организации сотрудничества» (Пекин, 2006. 230 с. — на кит. яз.). Монографии по комплексным вопросам деятельности ШОС и современной политике КНР в Центральной Азии издали также известные китайские ученые *Син Гуанчэн* и *Чжао Хуашэн*. Среди работ по этой проблематике выделяется, на наш взгляд, комплексное исследование «Китай, Россия и Америка в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция» (1991—2007) под редакцией *Чжэн Юя* (Пекин, 2007. 525 с. — на кит. яз.). Публичные аспекты политики Китая в ШОС и в постсоветской Центральной Азии постоянно освещаются в таких журналах, как «Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю» («Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы»), «Элосы Чжун Я Дун Оу шичан» («Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы»).

В интересе Китая к деятельности ШОС определенную роль играет фактор престижа — ведь как утверждают некоторые китайские политологи, Шанхайская организация сотрудничества имеет все основания получить статус «трижды первой»: первая организация регионального сотрудничества нового типа, созданная в XXI веке, первая международная организация, названная именем китайского города и, наконец, первая организация, где роль «главного двигателя» принадлежит Китаю⁹. Поэтому вполне естественно, что Пекин тщательно отслеживает соотношение ролевых функций различных многосторонних организаций в Центральной Азии, не забывая при случае подчеркнуть, что ведущая среди них — именно ШОС¹⁰.

И все же в первую очередь ШОС представляет для Китая практическую ценность, выступая в качестве важной сферы и достаточно действенного инструмента реализации его коренных национальных интересов.

Прежде всего речь идет об обеспечении традиционной безопасности страны на ее северо-западных рубежах. В отношениях с обра-

зовавшимися после распада СССР государствами Центральной Азии Пекин сумел сохранить и преумножить тот позитивный импульс, который был задан нормализацией китайско-советских отношений в мае 1989 г. К настоящему времени удалось окончательно решить вопрос о линии прохождения границы между КНР и Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, а также Россией.

Итогом семилетних переговоров, начатых в ноябре 1989 г. еще с Советским Союзом, явилось заключенное 26 апреля 1996 г. в Шанхае Соглашение между Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном «Об укреплении мер доверия в военной области в районе границы». Его логическим продолжением стало Соглашение пяти стран «О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», подписанное 24 апреля 1997 г. На базе этих соглашений и с целью дальнейшего развития сотрудничества в сфере безопасности была сформирована «Шанхайская пятерка». Кроме того, вышеназванные соглашения дали толчок разработке в Китае «новой концепции безопасности», отстаивающей принцип равной и неделимой безопасности для всех государств мира, опирающейся не на силу, а на взаимное доверие. Они, по оценке политологов КНР, «явились починком в решении проблем межгосударственной безопасности и в создании новой модели региональной безопасности»¹¹.

Интересам безопасности Китая отвечает и поддержка им Договора о безъядерной зоне в Центральной Азии, подписанного в сентябре 2006 г. пятью центральноазиатскими республиками.

В целом с деятельностью ШОС в Китае связывают надежды на широкое распространение и укрепление принципов коллективной, комплексной и кооперативной безопасности.

В то же время Китай жестко отстаивает принципы неблокового, открытого характера ШОС и ее ненаправленности против других стран. Весьма показательна в этом отношении оценка в КНР действующий ШОС в период российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г. Как известно, члены ШОС не пошли на признание вслед за Россией независимости Абхазии и Южной Осетии и выступили в Душанбинской декларации глав государств — членов ШОС от 28 августа 2008 г. «за уважение принципа суверенитета и территориальной целостности государств, за решение всех спорных проблем путем мирных переговоров». При этом в декларации отсутствовали

какие-либо антизападные заявления. В связи с этим в «Докладе о международном статусе Китая — 2009» подчеркивается, что «ШОС эффективно обошла опасность трансформации в военно-политический блок». Одновременно, подчеркивают в Пекине, в организации возник своего рода неписанный закон: коллективные действия организации не могут основываться на интересах какого-либо одного из ее членов, а индивидуальные действия одного из членов ШОС не представляют и не отражают коллективные действия всей организации¹². «Невозможность превращения ШОС в военный союз» была вновь подчеркнута китайскими экспертами в комментариях к антитеррористическим учениям «Мирная миссия — 2010».

Чрезвычайно важная для Китая функция ШОС — противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и таким нетрадиционным угрозам безопасности, как организованная преступность, незаконная торговля оружием, незаконный оборот наркотических средств.

Обретение собственной государственности народами Центральной Азии реанимировало надежды на получение такого же статуса среди части уйгуров — крупнейшего национального меньшинства из числа проживающих на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Непростая история взаимоотношений мусульман-уйгуров и ханьцев, влияние религиозной пропаганды радикального ислама, поддержка из-за рубежа, в том числе со стороны сил международного терроризма, привели в 1990-е годы к существенной активизации уйгурского сепаратизма. Националистические элементы, насильственными методами добивавшиеся создания на территории СУАР независимого государства «Восточный Туркестан», стали представлять серьезную угрозу социально-политической стабильности на северо-западе страны и даже самой территориальной целостности Китая.¹³

Хотя сепаратистское движение в Синьцзяне в 1990-е годы было подавлено, рецидив волнений с человеческими жертвами вновь имел здесь место летом 2009 г. Так что задача нейтрализации «трех сил зла» остается весьма актуальной для Пекина. Значительного внимания при этом требует не только ситуация в Синьцзяне, но и в республиках Центральной Азии — членах ШОС, где периодически заявляли о себе нелегальные антиправительственные организации

радикально-исламистского толка. Кроме того, Пекин стремится обеспечить если не лояльное, то хотя бы нейтральное отношение довольно многочисленной уйгурской диаспоры центральноазиатских республик к своей политике в СУАР. Поэтому Китай активно участвует в разработке и реализации всего комплекса антитеррористических мероприятий в рамках ШОС.

Страны ШОС — как Россия, так и государства Центральной Азии — играют незаменимую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая. Ныне импорт обеспечивает уже более половины потребления нефти в КНР, а растущие закупки сжиженного и природного газа принципиально важны для улучшения экологической ситуации и снижения доли угля в энергобалансе страны. В КНР была сформулирована концепция нефтяной безопасности, получившая название «трех третей». В соответствии с ней Китай должен импортировать треть нужной ему нефти из региона Ближнего Востока, треть — из других удаленных источников (Африка, Латинская Америка), а еще одну треть — сухопутным маршрутом, т. е. из России, государств Центральной Азии и, возможно, Каспийского региона¹⁴. Похоже, что эта стратегия обеспечения нефтяной безопасности реализуется Китаем последовательно и достаточно успешно.

Китай заинтересован в динамичном экономическом развитии стран — членов ШОС, в активизации разностороннего торгово-экономического взаимодействия в формате организации. Это помогло бы создать благоприятную внешнюю среду для реализации развернутой в КНР с начала 2000-х годов долгосрочной программы подъема отстающих западных территорий страны, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район.

О стремлении Китая полнее использовать потенциал ШОС свидетельствуют предложения, оглашенные Ху Цзиньтао в выступлении на Ташкентском саммите 11 июня 2010 г. Речь идет о разработке в рамках ШОС юридического документа об обеспечении безопасности нефте- и газопроводов в регионе, о развитии сотрудничества в нересурсных областях, об углублении экономического сотрудничества со странами — наблюдателями и партнерами по диалогу. Ху Цзиньтао заявил о решении провести день ШОС на торгово-экономической ярмарке в Урумчи и призвал страны-члены активнее ис-

пользовать выделенный Китаем для преодоления последствий мирового финансового кризиса кредит в 10 млрд долл.¹⁵

В целом в Китае выражают надежду, что ШОС в конечном счете выйдет на путь построения «гармоничного региона, характеризующегося прочным миром и совместным процветанием»¹⁶ — то есть будет развиваться в соответствии с декларируемой в Пекине концепцией «создания гармоничного мира».

IV

Россия, имеющая в республиках Центральной Азии существенные политические и экономические интересы, рассматривает ШОС не только как «действенный инструмент обеспечения стабильности в регионе», но и «как эффективное средство сопряжения интересов государств-членов, включая Россию и Китай»¹⁷.

Анализируя интересы Китая в Центральной Азии, российские эксперты выделяют среди них в качестве главных получение доступа к сырьевым и топливно-энергетическим ресурсам региона, минимизацию угроз сепаратизма, экстремизма и терроризма, прежде всего применительно к СУАР, «мягкое» противодействие потенциальному росту внерегионального, в первую очередь американского политического и военного присутствия у северо-западных границ КНР¹⁸. Некоторые шаги Пекина, например, предоставление странам — членам ШОС низкопроцентных экспортных кредитов, были даже расценены отдельными российскими экспертами как свидетельство геополитических амбиций КНР и ее претензий на место центральноазиатского лидера¹⁹.

В Пекине, со своей стороны, порою сетуют на известную противоречивость политики России в отношении ШОС. Так отмечается, что Москва, вроде бы стремящаяся к динамичному развитию организации, в то же время не хочет, чтобы деятельность ШОС вышла за пределы российского контроля. Применение в ШОС принципа консенсуса при принятии решений ведет к тому, что процесс развития регионального сотрудничества выстраивается в соответствии с позицией наиболее осторожных государств-членов. Столь же противоречив, считают некоторые китайские эксперты, и подход России к

экономическому сотрудничеству в ШОС. На словах Москва постоянно выступала за первоочередную реализацию конкретных многосторонних проектов сотрудничества, а не за разработку и внедрение институциональных механизмов взаимодействия. На деле же конкретные предложения России, такие, как создание Университета ШОС, Фонда гуманитарного сотрудничества, Энергетического клуба, единого информационного пространства и т. п. — тяготеют как раз к институциональному строительству. В то же время «инвестиции России в конкретные проекты оказались близки к нулю»²⁰.

На практике в последние годы достаточно явно проявилась тенденция усиления позиций Китая в центральноазиатских государствах — членах ШОС. Так, в 2006 г. суммарный объем торговли России с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном составил 16,4 млрд долл., тогда как объем торговли Китая с этими государствами был 11,9 млрд долл. (соотношение двух показателей 1,38:1). В 2008 г. торговля с данной группой стран выросла до 25,8 млрд долл. у России и до 30 млрд долл. у Китая, а соотношение двух показателей упало до 0,86:1 (табл. 1). Правда, отчасти это объяснялось беспрецедентным объемом китайской помощи Киргизии.

Таблица 1. Торговля России и Китая с государствами Центральной Азии — членами ШОС в 2008 г., млн долл.

	Россия			Китай		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
Казахстан	19 678	13 299	6379	17 550	9819	7731
Киргизия	1799	1308	491	9333	9212	121
Таджикистан	1007	794	213	1500	1480	20
Узбекистан	3338	2038	1300	1607	1278	329
Торговля с 4-мя странами, всего	25 822	17 439	8383	29 990	21 789	8201

Источники: Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. Пекин. 2008. № 12. С. 3; URL: <http://www.rusimpex.ru>

Мировой экономический кризис привел к сокращению объемов торговли и России, и Китая с центральноазиатскими государствами

ШОС, но у России — в большей степени. В результате по итогам 2009 г. соответствующие объемы составили 17,4 и 22,6 млрд долл., соотношение между ними снизилось до 0,77:1 (табл. 2).

Таблица 2. Торговля России и Китая с государствами Центральной Азии — членами ШОС в 2009 г., млн долл.

	Россия			Китай		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
Казахстан	12 831	9146	3685	14 004	7748	6256
Киргизия	1282	915	367	5276	5227,5	48,5
Таджикистан	786	573	213	1402,5	1217,5	185
Узбекистан	2539	1696	843	1910	1560,5	349,5
Торговля с 4-мя странами, всего	17 438	12 330	5108	82 592,5	15 753,5	6839

Источники: Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. Пекин. 2009. № 12. С. 3; URL: <http://www.rusimpex.ru>

В 2010—2011 гг. торговля как Китая, так и России с данной группой государств росла достаточно динамично. Суммарный товарооборот РФ с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном достиг 20,85 млрд долл. в 2010 г. и 26 млрд долл. в 2011 г. Общий объем торговли КНР с этими странами составил 28,5 млрд долл. в 2010 г. и 34,16 млрд долл. в 2011 г. Любопытно, что соотношение двух показателей, снизившееся до 0,73:1 в 2010 г., впервые за последние пять лет выросло, пусть и незначительно — до 0,76:1 в 2011 г. Не исключено, что шаги России по развитию интеграции с Казахстаном и государствами Центральной Азии — членами СНГ будут способствовать постепенному усилению ее экономических позиций и политического веса в этом регионе и в формате ШОС.

Вместе с тем несмотря на объективное наличие у Китая и России собственных, не во всем совпадающих интересов в постсоветских государствах Центральной Азии, на наш взгляд, нет серьезных оснований говорить об остром соперничестве двух держав в данном географическом ареале как об активно идущем или неизбежном процессе.

Последовательная реализация курса на сотрудничество, а не на соперничество России и Китая в ШОС послужила бы залогом здорового развития и повышения эффективности данной Организации.

V

Всестороннее выявление и реализация потенциала ШОС сдерживаются целым рядом факторов.

Серьезным ограничителем являются непростые двусторонние отношения между практически всеми постсоветскими государствами Центральной Азии и периодически обостряющиеся в регионе межэтнические трения. Хотя членство в ШОС способствует улучшению таких отношений, однако этот процесс идет небыстро, что еще раз подтвердили столкновения киргизского и узбекского населения в Ошской области Киргизии в июне 2010 г.

Расширение сотрудничества в рамках ШОС сдерживается также невысоким уровнем экономического развития ряда его членов, возмущающих по причине финансовых трудностей даже против увеличения весьма скромного бюджета организации²¹.

При этом в рамках ШОС — в дополнение к таким базовым структурам, как Советы глав государств, правительств, министров иностранных дел, национальных координаторов, — возникло значительное количество специализированных совещательно-переговорных механизмов. Это совещания секретарей советов безопасности, генеральных прокуроров, министров обороны, министров по чрезвычайным ситуациям и т. п. Разумеется, диверсификация форм сотрудничества в формате ШОС предполагает нечто подобное, однако есть, на наш взгляд, определенная опасность подменить реальную интенсификацию многостороннего взаимодействия умножением количества чиновно-бюрократических структур.

Приоритетное значение преодоления внутренних слабостей для укрепления ШОС отметил Председатель КНР Ху Цзиньтао в беседе с Президентом РФ Д. Медведевым, приуроченной к саммиту глав государств ШОС в Ташкенте (10–11 июня 2010 г.). По его словам, требуется «непрерывное углубление солидарности и взаимного доверия» стран — членов ШОС в целях «создания прочной политиче-

ской основы для стабильного и здорового развития организации, повышения уровня регионального сотрудничества»²².

Внерегionalные силы, и прежде всего США, не оказывают прямого противодействия деятельности ШОС, но взаимная настороженность ШОС и США пока не преодолена.

После одобрения в июне 2010 г. Положения о порядке приема новых членов вопрос о дальнейшем расширении ШОС поставлен в практическую плоскость. Хотя существует соблазн усилить геополитический вес ШОС путем приема новых членов, однако он пока перевешивается пониманием необходимости сконцентрировать усилия Организации на своей консолидации. Кроме того, очевидно, что новые члены могут принести в ШОС значительный дополнительный груз собственных проблем.

С позиций сегодняшнего дня в среднесрочной перспективе возможно несколько сценариев развития ШОС.

На наш взгляд, наиболее вероятный из них — сохранение ШОС в нынешнем составе и с нынешними функциями, когда приоритет отдается обеспечению безопасности, а многостороннее экономическое сотрудничество развивается довольно медленно. Видимо, на оптимизацию этого сценария и будут направлены основные усилия ШОС в ближайшие годы.

Сценарии, связанные с расширением ШОС в ближайшем будущем, чреватые усилением формально-ритуальных аспектов в ее деятельности в ущерб практическому углублению сотрудничества. Вместе с тем стремление повысить международный статус Организации делает ее расширение достаточно вероятным. Показательно в этом отношении заявление Д.А. Медведева в интервью российским журналистам по итогам саммита ШОС в Ташкенте: «Считаю, что приход ряда крупных стран в целом отвечал бы интересам Шанхайской организации сотрудничества и укреплял бы ее авторитет»²³.

Наконец, формально нельзя исключать и частичной редукции ШОС, то есть выхода из ее состава кого-либо из нынешних членов. Представляется, однако, что костяк ШОС сохранится при любых обстоятельствах, да и сам этот сценарий маловероятен.

В целом же на обозримую перспективу совершенствование взаимодействия России и Китая в рамках ШОС останется одним из важнейших факторов укрепления и повышения эффективности этой

организации, а также неотъемлемой составной частью углубления российско-китайского стратегического партнерства.

Кроме того, полноформатное стабильное участие в работе ШОС позволяет Пекину «существенно снижать степень озабоченности соседних государств относительно стратегии Китая»²⁴, на практике закреплять свой статус как ответственной глобальной державы.

Примечания

¹ См.: Основные документы и материалы по Шанхайской организации сотрудничества. Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 2005. В сборнике представлены, в частности, Декларация о создании ШОС, Хартия ШОС, Соглашение между государствами — членами ШОС о региональной антитеррористической структуре, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и т.п.

² См.: Шанхайская организация сотрудничества и ситуация в Центральной Азии (в освещении научной печати КНР). Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 2005.

³ Эксклюзивное интервью постоянного представителя Российской Федерации при секретариате ШОС. URL:— http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11663518

⁴ Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 9.

⁵ Интервью Д. Джуманбекова Агентству Синьхуа. Синьхуа. 08.06.2010.

⁶ Чжэн Юй (чжу бянь). Чжун Э Мэй цзай Чжун Я: хэцзо юй цзинчжэн (1991—2007) : [Сотрудничество и конкуренция: Китай, Россия и США в Центральной Азии]. Бэйцзин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007. С. 396.

⁷ Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 307—308.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Пань Гуан, Ху Цзянь. 21 шицзи дэ диигэ синьсин цюйюй хэцзо цзучжи — Дуй Шанхай хэцзо цзучжи дэ цзунхэ яньцзю : [Первая в XXI веке организация регионального сотрудничества нового типа. Комплексное исследование Шанхайской организации сотрудничества]. Бэйцзин, 2006. Введение. С. 1.

¹⁰ В Китае предпочитают озвучивать такого рода оценки через третьих лиц. В данном случае заявление о том, что «ШОС стала ведущей региональной международной организацией на пространстве Евразии», сделал генеральный секре-

тарь Организации М. Иманалиев в интервью Агентству Синьхуа, причем со ссылкой на мнение генсека ООН Пан Ги Муна. Синьхуа, 08.06.2010.

¹¹ Чжэн Юй. Указ. соч. С. 377.

¹² 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2009]. Бэйцзин, 2009. С. 278—279.

¹³ Подробнее см.: Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2010.

¹⁴ Цюаньцзю нэньюань циззюй : [Структура глобальной энергетики]. Бэйцзин, 2005. С. 348.

¹⁵ URL: http://paper.people.com/rmrb/html/2010-06/12/nw/d110000renmrb_20100612_1-02.htm?div=-1

¹⁶ Сообщение Агентства Синьхуа о визите председателя КНР Ху Цзиньтао в Узбекистан и Казахстан. Синьхуа. 05.06.2010.

¹⁷ Обзор внешней политики Российской Федерации. 2007, 27 марта. URL: <http://www.mid.ru>.

¹⁸ См.: Ларин А.Г. Россия, Китай и США: перспективы сотрудничества в Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 30—41. Здесь — с. 38.

¹⁹ Сыроежкин К.Л. Китай и Шанхайская организация сотрудничества // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука. 2007. С. 257—287. Здесь — с. 287.

²⁰ Элосы юй Шанхай хэцзо цзучжи — Пуцзин ба нянь: Элосы фусин чжи лу (2000—2008) Вайцзю цзюань : [Восемь лет Путина. Путь России к возрождению (2000—2008)] Том «Внешняя политика». Бэйцзин 2008. С. 363—368.

²¹ Например, в 2005 г. бюджет ШОС составлял 3,8 млн долл. Взносы в бюджет ШОС распределяются в таких пропорциях: Китай и Россия — по 24 %, Казахстан — 21 %, Узбекистан — 15 %, Кыргызстан — 10 %, Таджикистан — 6 %. (ШОС набирает очки. Интервью генерального секретаря ШОС Болата Нургалиева. Российская газета. Спецвыпуск «Китай». 2007. 26 марта. С. А-7). Бюджет РАТС, по некоторым сведениям, составлял в 2005 г. 1 млн долл.

²² URL: http://paper.people.com/rmrb/2010-06/11/nw.d110000renmrb_20100611_2-01.htm?div=-1

²³ URL: <http://news.kremlin.ru/news/8021>

²⁴ Ван Ичжоу (чжу бянь). Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978—2008) : [30 лет трансформации внешних связей Китая / отв.ред. Ван Ичжоу]. Бэйцзин, 2008. С. 48.

Глава 7

ВИДЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВЫЗОВЫ

I

Сочтя неприемлемым присоединение к евро-атлантическому сообществу развитых государств на правах младшего партнера, Российская Федерация еще в первой половине 1990-х годов заявила о своей твердой приверженности принципу многополярного мира. Эта ориентация сохраняется по настоящее время. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом страны 12 июля 2008 г., «нарождающаяся многополярность» охарактеризована как «фундаментальная тенденция современного развития». А в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной 12 мая 2009 г., Россия названа «ключевым субъектом формирующихся многополярных международных отношений»¹.

В Китае тезис о прекращении с распадом СССР существования биполярной системы мироустройства и вступлении мира «в период развития многополярности» был впервые озвучен Цзян Цзэминем в апреле 1992 г. и на протяжении 1990-х годов отстаивался весьма последовательно и активно. В июле 1995 г. китайский лидер заявил, что «современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав заправляли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется». В апреле 1997 г. Цзян Цзэминь указал на

«ускоренное развитие тенденции многополярности как на глобальном, так и на региональном уровнях, как в сфере политики, так и в экономике»².

Общая приверженность России и Китая принципу многополярного мира четко прослеживается в коммюнике и совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав двух государств в 1990-е годы (от 3 сентября 1994 г., 25 апреля 1996 г., 23 апреля 1997 г., 10 ноября 1997 г., 23 ноября 1998 г.)³. Весьма показательно уже само название документа от 23 апреля 1997 г.: «Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка»⁴.

Нарождающаяся многополярность квалифицировалась в этих документах как более справедливая и демократичная по сравнению с однополярной или биполярной системой международных отношений, обеспечивающая равноправие всех членов международного сообщества и благоприятствующая сохранению мира и стабильности. Непременными атрибутами многополярности провозглашались право всех государств на самостоятельный выбор собственного пути развития, решение спорных проблем путем мирных переговоров, диалога и консультаций, «в духе взаимопонимания и взаимных уступок». Подчеркивалась центральная роль Организации Объединенных Наций в деле регулирования международных отношений формирующегося многополярного мира.

Одновременно многополярность рассматривалась как инструмент противодействия гегемонизму, средство ослабления «способности сверхдержавы к контролю за международной ситуацией и манипулированию ею»,⁵ то есть содержала лишь слегка завуалированный антиамериканский подтекст. Антиамериканский и антиНАТОвский элемент пропаганды в пользу многополярности в России и Китае особенно наглядно проявился в период военных действий США и НАТО против Югославии в 1999 г., осужденных обеими странами. По мнению некоторых китайских политологов, Вашингтон решил поставить Пекин на место, а заодно и предупредить Москву, подвергнув в начале мая бомбардировке посольство КНР в Белграде. Хотя президент США Б. Клинтон принес извинения Цзян Цзэминю и китайскому народу, назвав случившееся «трагической ошибкой», практически все в Китае были уверены в преднамеренном характере бом-

бардировки. Это убеждение еще более окрепло после столкновения 1 апреля 2001 г. близ острова Хайнань китайского истребителя с американским разведывательным самолетом, повлекшего гибель китайского летчика⁶.

Как бы то ни было, в 2000-е годы пропаганда многополярности мира в Китае несколько приглушается. Сам термин в официальных документах встречается, но скорее ритуально, без особого развития и пояснения (как, например, в Отчетном докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК). Одновременно констатировалось, что США активно противодействуют развитию многополярности и используют военную и экономическую мощь для укрепления своего ведущего сверхдержавного положения в мире. При этом совокупный потенциал Западной Европы, Японии, России и Китая, которые в принципе могли бы выступить против соответствующей политики США, оценивался как «несопоставимый с американским». В связи с этим делался вывод, что сложившаяся в мире архитектура стратегических сил, описываемая формулой «одна сверхдержава — несколько держав», будет существовать довольно длительное время⁷.

Подвижки в видении многополярности в Китае объясняются не только давлением со стороны США и более трезвой оценкой соотношения сил в мире. Со вступлением во Всемирную торговую организацию в конце 2001 г. Китай стал получать значительные дивиденды от встраивания в существующую систему международных отношений, от следования устоявшимся нормам функционирования системы, а не от попыток навязать ей свои правила игры.

Важную роль сыграло также выдвижение Ху Цзиньтао концепции «гармоничного мира», которой соответствует менее конфронтационная картина международных отношений, чем та, которую может сформировать активное продвижение многополярности. Китай в последние несколько лет всячески подчеркивает, что он является строителем и участником уже сложившейся системы международных отношений, а не ее ниспровергателем.

Наконец, Китай, продолжающий идентифицировать себя как развивающуюся страну, не может не учитывать весьма распространенного среди этих стран убеждения, что многополярность, точно так же, как и биполярность и однополярность, есть не что иное как

«разборки» великих держав между собой, в равной мере игнорирующие интересы других государств⁸.

Что касается России, то у части ее экспертного сообщества доминировало представление, что сложившаяся с середины 1990-х годов структура международных отношений де-факто является однополярной. Показательно в этом плане заглавие одного из разделов учебника МГИМО по международным отношениям: «Становление однополярного мира (1996—2008 гг.)»⁹.

В последние годы ситуация стала несколько меняться. В общем российско-китайском видении многополярности появились новые нюансы. В Совместной декларации КНР и РФ по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г., подписанной Д. Медведевым и Ху Цзиньтао, и Совместном российско-китайском заявлении об итогах встречи на высшем уровне в Москве от 17 июня 2009 г. понимание многополярности было расширено с геополитической сферы на культурно-цивилизационное пространство. Была выражена поддержка различным многосторонним объединениям с акцентом на перспективность сотрудничества в форматах РИК (Россия—Индия—Китай) и особенно БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай)¹⁰.

Термин «многосторонность» (мультилатерализм, *добяньчжуи*), предполагающий ориентацию в международных отношениях на взаимный учет интересов, диалог и сотрудничество, прочно вошел в современный китайский политический лексикон. Представлен он и в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. Не являясь абсолютной альтернативой многополярности, многосторонность предлагает, возможно, оптимальный вариант ее эволюции, позволяя привлечь к принятию решений на постоянной основе не только великие державы, но и намного более широкий круг государств и международных организаций.

Свои коррективы внес и мировой финансово-экономический кризис. Вызванные им подвижки в относительных позициях ведущих мировых акторов придали свежий импульс дискуссиям о многополярности. Усилившийся Китай ныне ищет оптимальные варианты адаптации к новой для него позиции де-факто второго по комплексной мощи центра силы в мире. А в ослабшей России усилились призывы к стратегическому союзу с Европой с целью формирования полноценного мирового полюса¹¹.

II

Как в России, так и в Китае неоднократно предпринимались попытки дать количественную интегральную оценку иерархии и соотношения мощи основных мировых центров силы. Такие оценки позволяют понять, что происходит с мировой архитектурой: остается ли она однополярной или, напротив, меняется в пользу многополярности и насколько быстро.

Довольно широкую известность получили китайские оценки комплексной мощи государств, представленные профессором Ху Аньганом и Китайской академией современных международных отношений (КАСМО). Ху Аньган на основе анализа экономических, трудовых, природных, финансовых, административных, военных, международных ресурсов и научно-технического потенциала пяти стран — Китая, Индии, Японии, США, России — рассчитал динамику изменения их комплексной мощи в период 1980—1998 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Комплексная мощь государства, усл. расч. единиц

	Годы					Прирост
	1980	1985	1990	1995	1998	
Китай	4,736	5,306	5,646	7,163	7,782	3,046
Индия	3,376	3,615	3,735	4,008	4,365	0,989
Япония	6,037	6,337	7,317	8,535	7,749	1,712
Россия	—	—	—	3,271	2,808	—
США	22,485	22,022	22,138	21,903	22,785	0,300

Источник: Ху Аньган. Чжунго да чжаньюэ : [Большая стратегия Китая]. Ханчжоу, 2003. С. 68.

В КАСМО ввели в оборот понятие «комплексной мощи — 1», рассчитанной для семи государств на основе «твердых факторов», и «комплексной мощи — 2», скорректированной в соответствии с оценкой таких «мягких факторов», как политическая система, социальная ситуация, международное влияние (табл. 2).

Таблица 2. Комплексная мощь государств: оценка КАСМО (на 1998 г.)

Страны	США	Япония	Франция	Англия	Германия	Россия	Китай
КМГ1	8371	5112	4270	4070	3918	3203	2175
КМГ2	6090	3096	3254	2830	2720	1604	1101

Источник: Чжунго гоцин голи. Пекин, 2000. № 11. С. 22.

Оба ряда оценок выявили подавляющее превосходство США по состоянию на конец 1990-х годов над следующими за ними по мощи конкурентами: двукратное у КАСМО и трехкратное у Ху Аньгана. То есть мир на тот момент вполне вписывался в китайскую формулировку «и чао до цян» («одна сверхдержава — группа крупных стран»). В последующем оценки комплексной мощи ряда государств периодически публиковались в Желтой книге о международной обстановке, издаваемой Академией общественных наук Китая. По ее данным, в начале 2006 г. США по-прежнему занимали 1-е место (90,65 балла) с солидным отрывом от Великобритании (65,04), России (63,03), Франции (62,00) и Германии (61,93). Далее следовали Китай (59,10) и Япония (57,84). Замыкала десятку Индия с 50,43 балла¹².

Российский вариант мировой таблицы о рангах представлен в «Политическом атласе современности», подготовленном специалистами МГИМО-Университета и опубликованном в 2007 г. Комплексный рейтинг стран по индексу потенциала международного влияния по состоянию на 2005 г. возглавляли США (10 баллов), за которыми на почтительном расстоянии располагался Китай (3,93 балла). В первую десятку также вошли Япония, Германия, Франция, Великобритания, Индия, Италия и Саудовская Аравия¹³. Хотя Россия с показателем в 2,6 балла заняла в этом перечне только 7-е место, она, тем не менее, была вместе с Китаем и США причислена к «ядру» «клуба мирового влияния»¹⁴.

В любом случае, однако, российские оценки, так же, как и китайские, зафиксировали по состоянию на середину десятилетия статус США как единственной в мире сверхдержавы. То есть, иными словами, всего несколько лет назад международная система еще не была многополярной в подлинном смысле этого слова: многополяр-

ность выглядела не как уже достигнутое состояние, а как проекция на будущее, причем неблизкое.

Насколько радикально изменил данную ситуацию мировой финансово-экономический кризис? Ряд китайских политологов считает, что кризис повлек за собой «наиболее крупные изменения в международной системе и геополитике со времени окончания холодной войны... Главное из них состоит в том, что ускорилась трансформация прежней системы «одна сверхдержава — группа крупных стран» в многополярный мир»¹⁵. Встречаются и более радикальные заявления, согласно которым «эра однополярной американской гегемонии заканчивается и может никогда не вернуться»¹⁶.

На наш взгляд, посткризисная расстановка сил еще недостаточно ясна. В частности, вряд ли кризис сколько-нибудь существенно поколебал подавляющее военное превосходство Соединенных Штатов, на которые приходится более половины мировых расходов на оборону. Судя по данным Международного валютного фонда, более определенно можно говорить о некотором общем ослаблении экономических позиций большинства ведущих держав мира, включая Россию, при одновременном укреплении в этой сфере Китая (табл. 3).

Таблица 3. Валовой внутренний продукт некоторых стран мира в 2008—2009 гг., млрд долл

Наименование	2008 г.	2009 г.
Мировой валовой продукт в текущих ценах	61 221	57 937
по паритету покупательной способности (ППС)	69 569	69 808
Россия		
ВВП в текущих ценах	1660	1229
ВВП по ППС	2263	2109
Китай		
ВВП в текущих ценах	4520	4909
ВВП по ППС	7066	8765
Индия		
ВВП в текущих ценах	1207	1236
ВВП по ППС	3298	3526
США		
ВВП в текущих ценах	14 441	14 256
ВВП по ППС	14 441	14 256

Окончание табл. 3

Наименование	2008 г.	2009 г.
Япония		
ВВП в текущих ценах	4887	5068
ВВП по ППС	4336	4159
Германия		
ВВП в текущих ценах	3673	3352
ВВП по ППС	2918	2806

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

Международный валютный фонд прогнозирует дальнейшее приближение к уровню США абсолютного размера ВВП Китая, рассчитанного по паритету покупательной способности национальной валюты (табл. 4).

Таблица 4. Прогноз изменения доли ряда государств в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности), процентов

Страна	2009 г.	2015 г.
США	20,45	18,28
Китай	12,52	16,92
Япония	6,00	5,28
Индия	5,06	6,12
Германия	4,02	3,44
Россия	3,05	2,97

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

Экономический динамизм Китая приносил ему и политические дивиденды. Так, журнал *Economist* полагает, что в первую очередь именно с этим фактором был связан заметный рост доли людей, воспринимавших Китай в период кризиса позитивно: в США она достигла в 2010 г. 50 % по сравнению с 39 % в 2008 г., в Нигерии (наивысшая оценка) увеличилась с 79 до 85 % и даже в Японии (низшая оценка) выросла с 14 до 26 %¹⁷. Судя по публикациям в китайской печати, КНР начинает вживаться в новый для нее статус де-факто

державы номер два в мировой иерархии, видя на данном этапе одну из своих главных задач в том, чтобы не вызвать жесткой негативной реакции на «китайское возвышение» державы номер один — США. В данном контексте симптоматично обращение в Китае к изучению истории подъема самих США, которые «не бросали открытого вызова являвшейся гегемонией Англии», однако сумели развить себя и в конечном счете добились смены гегемона мирным путем¹⁸. Декларируется также необходимость для Китая «учиться у Европейского союза управляться со своей позицией номер два в мире»¹⁹.

Очевидное ухудшение в условиях кризиса экономических позиций России чревато ослаблением ее международно-политического статуса. В этом отношении весьма примечательны мелькавшие в печати призывы исключить Россию из состава группы БРИК²⁰. Так что подтягивание «экономических тылов», проведение подлинной модернизации страны становятся обязательным условием сохранения России в числе великих держав и важным критерием обоснованности ее претензий на роль самостоятельного полюса многополярного мира.

III

При всей важности экономического фактора он не является единственным критерием обладания статусом «великой державы» и не служит твердой гарантией реальной способности страны играть роль самостоятельного полюса мировой политики. Классические теории международных отношений определяют «полярность» как «распределение среди членов системы государств военных, экономических и других способностей ведения войны». Когда такие возможности концентрируются в руках одной доминирующей страны, система обретает однополярную структуру... Когда ими обладают несколько примерно равных стран, система приобретает многополярную структуру²¹. В то же время на практике та или иная страна обретала статус великой державы, как правило, в результате общего ее признания в этом качестве другими членами международного сообщества, а не вследствие достижения ею каких-либо жестких критериев этого статуса. Политологи, историки и специалисты по про-

блемам безопасности консенсусно включают в действующий перечень великих держав США, КНР, Германию, Великобританию, Францию, Японию и Россию²². В китайском журнале «Сяньдай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения»), где раз в квартал дается количественная оценка уровня отношений Китая с другими державами (*да го*), в число таковых включена также и Индия. Нетрудно заметить, что все нынешние великие державы обладают внушительным набором показателей «твердой мощи» (ядерный и оборонный потенциал, размеры ВВП и внешней торговли, население, территория, природные ресурсы) и рядом весомых, хотя и весьма различных, признаков «мягкой мощи». В их числе культурно-цивилизационное своеобразие, культурно-религиозное и языковое влияние, качество жизни и политических институтов. Подчас к важнейшим факторам «мягкой мощи» причисляют и некий генерализованный «бренд» страны, то есть ее наиболее типичное восприятие в мире. Отметим также, что статус великой державы не дается раз и навсегда: его можно как утратить, так и восстановить (и то, и другое, например, произошло в XX веке с Германией и Японией).

Если исходить из критериев, предложенных Б.Н. Кузыком и его коллегами,²³ то, даже существенно «сжавшись» по сравнению с параметрами СССР, постсоветская Россия сохранила статус великой державы в качестве Постоянного члена Совета Безопасности ООН, по размерам территории и природным ресурсам, оборонному потенциалу, культурно-религиозному и научно-образовательному факторам. По демографическим параметрам Россия находится у нижней границы допустимого для великой державы диапазона (2—5 % населения обитаемого мира). То же самое можно сказать об экономике. Здесь высокий статус по уровню мирового влияния в сфере добычи и экспорта углеводородов, производству некоторых видов военной техники и оборудования для АЭС соседствует с утратой масштабов даже региональной державы по основной гамме продукции перерабатывающей промышленности и машиностроения. Противоречивая картина складывается у России и по таким критериям, как уровень управляемости и качество жизни.

Весомую роль в сохранении Россией своих позиций в международном сообществе играет субъективный фактор в виде ее собственного твердого стремления остаться на обозримую перспективу миро-

вой державой. Здесь, несомненно, сказывается приверженность имперской традиции, предполагающей, среди прочего, наличие собственной сферы влияния или, как минимум, «зоны заметного присутствия российских интересов». С другой стороны, в России многие искренне полагают, что только статус великой державы или самостоятельного полюса со всеми их атрибутами позволит обеспечить безопасность страны и сохранить ее целостность. Напротив, став «нормальным» или «обыкновенным» государством, Россия просто не выживет.

В то же время нельзя не видеть серьезных внутривнутриполитических слабостей России. Основные из них оказались, на наш взгляд, объективно отражены в Индексе процветания Legatum, рассчитываемом английскими экспертами для 104 стран. В 2009 г. Россия заняла в нем 69-е место (КНР — 75-е), прежде всего из-за слабых позиций по таким компонентам, как личная безопасность — 99-е место (у КНР — 65-е), персональные свободы (88-е и 91-е места соответственно), демократические институты (85-е против 100-го у КНР)²⁴. По-своему закономерно, что в последующие два года даже при определенном улучшении позиций России в Индексе процветания Legatum (63-е место в 2010 г. и 59-е в 2011 г.) Китай сумел опередить ее — соответственно 58-е и 52-е место.

В ряде случаев недостатки России являются своего рода продолжением ее достоинств. Так, большая территория, в принципе записываемая «в плюс», требует, особенно при ее недостаточной заселенности, значительных усилий по сохранению суверенитета над ней. Многонациональный состав населения страны, обеспечивающий культурно-цивилизационную уникальность России, одновременно осложняет управление государством и обеспечение внутренней стабильности.

Претензии России на статус самостоятельного полюса снижает отсутствие ясных перспектив развития страны. Опрос экспертного сообщества России, проведенный в 2005 г. журналом «Политический класс», показал, что многие его участники полагали вероятным отпадение к 2050 г. части ее территории или даже распад страны.

И все же, пожалуй, главная слабость России как великой державы — это преимущественно негативное восприятие ее в мире. Из-за исторического наследия и вследствие особенностей развития в по-

следние 20 лет Россия видится, в первую очередь, как государство, часто действующее жесткими методами, слышащее только собственные речи и мало прислушивающееся к мнению других членов международного сообщества.

Показательно, что в глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index) Россия стабильно находится на очень низких позициях — в 2007 г. на 118-м месте из 121 ранжированной страны, в 2008 г. — на 131-м из 140 стран, в 2009 г. — на 136-м из 144. В то же время у Китая, приложившего немало усилий для налаживания политики добрососедства в отношении сопредельных государств, «миролюбие» было оценено как «среднее» (у России — «очень низкое»). В 2009 г. он занял в рейтинге 74-е место. Для сравнения — у Японии было 7-е, у Германии 16-е, у Франции 30-е, у Великобритании 35-е, у США 83-е, у Индии — 122-е место²⁵. Вместе с тем более жесткая манера действий на международной арене привела к ухудшению позиций КНР в иерархии стран по индексу миролюбия: 80-е место в 2010 и 2011 гг. и 89-е (из 158 стран) — в 2012 г. Россия была поставлена, соответственно, на 143-е, 147-е и 153-е места.

Попытки России улучшить ситуацию с собственным международным «брендом», позиционировав себя как «энергетическую сверхдержаву», похоже, дали обратный эффект в виде стремления ряда партнеров снизить зависимость от Москвы в импорте углеводородов. Как следствие, отстаиваемая Россией многополярность нередко воспринимается, особенно в Европе, как нечто архаичное, весьма напоминающее по своей сути силовую политику и противоборство великих держав XIX века.

Китай близок к статусу сверхдержавы не только по населению, территории, внешнеполитическому влиянию, но и по параметрам физической экономики — на него приходится половина и более мирового производства стали, цемента, широкой гаммы продукции бытовой электроники. Усиливаются позиции страны в научно-образовательной сфере: Китай ставит перед собой задачу превратиться из «мировой фабрики» в одного из ведущих инновационных государств. Относительная ресурсная слабость страны, которую Пекин пытается ныне преодолеть за счет экономической экспансии вовне²⁶, может смягчиться в случае серьезных сдвигов в структуре экономики, эффективного энергосбережения и общей смены типа

экономического роста с экстенсивного на интенсивный. Хотя в военном отношении Китай за два последних десятилетия существенно укрепился, по размеру расходов на оборону он все еще отстает от США почти в десять раз²⁷. Несмотря на очевидное наращивание культурного влияния страны за годы реформ, в Пекине его считают все еще недостаточным. Один из Докладов о модернизации Китая, публикуемых группой экспертов из ведущих научных центров КНР с 2001 г., специально посвящен модернизации культуры. В нем Китай по степени культурного влияния поставлен на 7-е место в мире (в 1990 г. — 11-е) — вслед за США, Германией, Великобританией, Францией, Италией и Испанией, а его доля на мировом рынке культуры, где 43 % занимают США, охарактеризована как незначительная. В связи с этим ставится задача содействовать, в частности, через создание «Институтов Конфуция», дальнейшей глобализации китайской культуры, а с нею — росту престижа Китая²⁸.

Главные слабости КНР как претендента на роль мирового полюса связаны с незавершенностью процесса воссоединения страны («тайваньская проблема»), демографическим давлением, наличием на окраинах крупных регионов с титульным неханьским населением (Тибет, Синьцзян) и со спецификой политической системы. Китай располагает очевидным потенциалом дальнейшего роста, однако его реализация требует длительных разносторонних усилий.

Восприятие Китая в мире противоречиво. Позитивный образ «Китая реформирующегося» после событий 1989 г. сменился на ряд лет на негативный бренд авторитарного режима с неудовлетворительным уровнем политических свобод и защиты прав человека. В настоящее время более или менее позитивный бренд «Китая развивающегося» тесно переплетен с более негативно воспринимаемым в мире образом «Китая расширяющегося».

Осознавая весомые слабости своих стран в ряде компонентов «твердой» и особенно «мягкой силы», некоторые российские и китайские эксперты периодически выдвигают «компенсирующий» тезис об особой моральности России и Китая, их якобы несомненном моральном превосходстве над странами Запада. Отметим, однако, что жизненные реалии не подтверждают этот тезис. Так, по индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index), рассчитываемому организацией Transparency International (имеет своего предста-

вителя в России), РФ в 2009 г. заняла 146-е место среди 180 стран, Китай — 79-е, что существенно хуже, чем у других великих держав, кроме Индии (84-е место) (14-е у Германии, 17-е у Японии и Великобритании, 19-е у США, 24-е у Франции)²⁹. Этот ряд легко продолжить: размах проституции, неприятие инакомыслия, чудовищный разрыв в уровне доходов и т. д. и т. п.

Так что закрепление Россией и Китаем своего глобального статуса требует от них прежде всего последовательных и серьезных усилий по преодолению внутренних слабостей.

IV

В отстаивании и укреплении своего статуса самостоятельных полюсов многополярного мира Россия и Китай сталкиваются не только с внутренними, но и с многочисленными внешними вызовами.

Среди технологических вызовов выделяется высокая степень зависимости и России, и Китая от западных технологий, которая сохранится как минимум на ближайшие 10—15 лет. Критически опасным фактором в обычной ситуации она не является и даже ориентирует Москву и Пекин на устойчивое экономическое сотрудничество с производителями передовой техники. Однако данное обстоятельство наносит достаточно болезненный удар по самолюбию и по статусу великой державы, а в случае обострения отношений с Западом оно чревато серьезными негативными последствиями.

Еще один технологический вызов — развитие низкоуглеродных энергосберегающих технологий, прежде всего, в контексте стратегии замедления глобального потепления. Россию оно может лишить значительной части ее главного естественного сравнительного преимущества — обладания крупными запасами нефти и газа. Китаю их внедрение грозит существенным снижением темпов экономического роста, давая в то же время возможность уменьшить спрос на зарубежные ресурсы.

Весьма широк перечень культурно-цивилизационных вызовов. Основные из них, на наш взгляд, это продолжающееся наступление «глобального Голливуда», грозящее маргинализацией русской и китайской культур, доминирование в мире английского языка и расту-

шая активность сторонников радикальных течений ислама. Заметим, что все эти вызовы объективно подталкивают Россию и Китай к более тесному сотрудничеству для их нейтрализации.

И все же наиболее часто и в Москве, и в Пекине говорят о международно-политическом вызове, под которым понимается противодействие Западу укреплению позиций России и Китая в мире.

Отчасти такое противодействие возвышению Китая и возрождению России объясняется классической боязнью сильного конкурента и неизжитым наследием прежнего идеологического противостояния. Однако есть и другой аспект проблемы, когда несогласие вызывает не мощь России и Китая как таковая, а характер ее использования. Адресуемое Западом России и Китаю как глобальным субъектам международных отношений требование о проведении «ответственной политики», дополняемое уже давно апробированной стратегией «вовлечения», создает объективную основу для взаимной адаптации этих держав и западного мира и для углубления сотрудничества между ними на основе доминирующих в мировой системе норм и правил. Разумеется, отстаивать свои интересы нужно и в этом случае, но и без учета озабоченностей других членов международного сообщества, без известного самоограничения России и Китаю в их глобальной политике уже не обойтись.

Китай, как известно, согласился со своей идентификацией как «ответственной глобальной державы», хорошо понимая, что это налагает на него дополнительные обязательства и во внешней, и во внутренней политике.

В России, особенно с выдвиганием задачи радикальной модернизации, обозначилось вполне очевидное стремление к углублению взаимопонимания и сотрудничества с США и Европой, чаще звучат заявления о проведении «ответственной политики». Закрепление таких тенденций на долговременной основе повысит шансы на формирование неконфронтационной модели многополярного мира.

Что касается конкретного формата такого мира, то здесь, исходя из нынешней ситуации, возможны различные сценарии (причем они не являются абсолютно взаимоисключающими, а скорее могут быть реализованы поэтапно, один за другим).

Вариант 1. Сохранение доминирования США с учетом их прерасхода в военной мощи, ключевых позиций в мировых финан-

сах и возможного восстановления экономических позиций. На наш взгляд, такая ситуация может сохраниться не далее 2020 года. Относительные позиции США как сверхдержавы будут ослабевать.

Вариант 2. Биполярный мир. Воссоздание страновой биполярности маловероятно. Даже при существенном укреплении Китая он может рассчитывать в обозримой перспективе максимум на «полутораполярный мир». Некоторые шансы имеет нечто вроде групповой биполярности (Запад—«Не-запад», США—Европа—Япония versus БРИКС и т. п.).

Вариант 3. Минимальная многополярность, то есть формирование трех центров силы. Главные кандидаты: США, Китай и Европа, остальные державы, включая Россию, в некотором отдалении.

Вариант 4. Естественная многополярность в составе США, Китая, России, Индии, Японии, Бразилии и Европейского союза.

Вариант 5. Расширенная многополярность в составе «Группы 20» или несколько уже.

На наш взгляд, вариант «естественной многополярности» ближе к оптимальному. Он вполне созвучен Совместному заявлению по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне от 23 ноября 1998 г. «Российско-китайские отношения на пороге XXI века», в котором констатировалось: «XXI век не должен и не может стать исключительно «американским», «европейским» или «азиатско-тихоокеанским» веком... Он должен и может стать периодом сосуществования и взаимообогащения культур и традиций различных государств и регионов»³⁰.

Да будет так.

Примечания

¹ Документа размещены на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: www.mid.ru

² Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития : [Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю]. Пекин, 2009.

³ См. Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 103—104.

⁴ Там же. С. 382—384.

⁵ Ху Шусян. Указ. соч. С. 107.

⁶ Heller, Peter. Oracle bones: a journey between China's past and present. New York: HarperCollins Publishers, 2006. P. 21, 295—300.

⁷ Ху Шусян. Указ. соч. С. 109.

⁸ Ван Ичжоу. Небольшой рассказ о «многополярности» // Ван Ичжоу. Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая : [Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. С. 206—207.

⁹ См.: Богатуров А.Д., Аверков А.В. История международных отношений (1945—2008 гг.). М.: МГИМО-Университет, 2009.

¹⁰ См.: Проблемы Дальнего Востока. Москва. 2008. № 4. С. 10—13; 2009. № 4. С. 3—10.

¹¹ Караганов С.А., Юргенс И.Ю. (ред.). Россия vs Европа: противостояние или союз? М., 2010. С. 9—11.

¹² Эти данные воспроизведены в электронной энциклопедии Wikipedia в статье «Comprehensive National Power» («Комплексная национальная мощь»).

¹³ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007. Методика расчета индекса описана в работе достаточно подробно. В качестве основных критериев учитываются военные расходы (вес — 0,85), доли в мировом экспорте (0,80), мировом валовом продукте (0,77), мировом населении (0,48). В качестве дополнительных — индексы качества жизни, институциональных основ демократии, государственности и рейтинг уровня внешних и внутренних угроз.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая — 2009]. Пекин, 2009. С. 16.

¹⁶ Yuan Peng. China's Strategic Choices — Contemporary International Relations. Beijing. Jan/Feb. 2010. P. 21.

¹⁷ The Economist. May 8th. 2010. P. 29.

¹⁸ 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 15.

¹⁹ Huang Ying. Summary of Symposium on the First Anniversary of the World Financial Crisis // Contemporary International Relations. Beijing, Nov/Dec. 2009. P. 121.

²⁰ См., например: Нуриэль Рубини. Четыре минус один. Ведомости. Москва. 23.10.2009.

²¹ Encyclopedia of International Relations and Global Politics (Edited by Martin Griffiths). London—New-York: Routledge, 2009. P.651.

²² Ibidem. P. 351.

²³ См.: Кузык Б.Н., Агеев А.И., Добродеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. Россия в пространстве и времени (история будущего). М.: Институт экономических стратегий, 2004. По степени влияния на мир и уровню самообеспеченности авторы выделяют четыре группы государств: сверхдержавы, великие державы, региональные державы, малые и средние страны. Для оценки вводится экспертная количественная шкала по каждому из девяти учитываемых параметров: управление (понимаемое в широком смысле слова, как способность руководства эффективно контролировать и регулировать идущие в стране процессы), территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя полтика.

²⁴ Legatum prosperity index. URL: <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>

²⁵ URL: <http://www.visionofhumanity.org/gpi/results/rankings/2009/>. Глобальный индекс миролюбия разработан организацией Vision of Humanity. Рассчитывается по 23 показателям, сгруппированным по таким группам, как конфликтность (внутренние и внешние конфликты страны за период 2002—2007 гг.), отношения с соседними странами, общественная безопасность, милитаризация общества.

²⁶ В Китае свою стратегию экспорта капитала, разработки месторождений полезных ископаемых и поиска рынков сбыта за рубежом характеризуют как «выход вовне» (*изоучуцзюй*). Декларируется, в том числе высшим руководством КНР, и необходимость «осваивать внешнее пространство развития экономики страны» (*Точжань вого цзинцизи фачжань дэ вайбу кунцзянь*). К каким эвфемизмам ни прибегай, суть дела не меняется: речь идет об экономической экспансии Китая в мире. В мае 2010 г. в сингапурском аэропорту Чанги продавалась книга гонконгского автора, которая так и называлась «Китай: глобальная экспансия» («Чжунго: цюаньцю кочжань»).

²⁷ На 2010 г. официальный военный бюджет КНР был запланирован в объеме 78 млрд долл. против 708 млрд у США (у России 41,7 млрд долл.). Время новостей. Москва. 05.03.2010.

²⁸ How to improve China's soft power? — People's Daily Online. 12.03.2010.

²⁹ URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009

³⁰ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 454.

Глава 8

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В 2009—2011 гг.

В последние годы внешнеполитический курс Китайской Народной Республики, сохранив такие долговременные базовые характеристики, как независимость, самостоятельность, декларируемая ориентация на обеспечение благоприятных условий для мирного развития страны, претерпел, тем не менее, ряд заметных изменений.

Выявление и осмысление существа этих изменений, их причин и последствий активно идет в настоящее время в самом Китае, на Западе и в России, нередко порождая широкий разброс мнений. Некоторые новации Пекина были в целом позитивно встречены международным сообществом, например, самоидентификация Китая как ответственной державы. Другие новации, при всей их потенциальной важности, не вызвали особого резонанса, как это случилось с широко обсуждавшейся в экспертных кругах КНР идеей перемещения внешнеполитической опоры страны с развивающихся государств в целом на так называемые вновь поднимающиеся державы (*синьсин даго*), представленные в первую очередь форматом БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—ЮАР).

В то же время усиление напористости Китая в практических действиях на международной арене, особенно при отстаивании своих интересов, привлекло повышенное внимание, в первую очередь на Западе, и послужило основанием для вывода, что Пекин «становится менее скрытным и выжидающим» и что его «дипломатия улыбок закончилась»¹.

К концу 2010 г. мнение о том, что «Китай ведет себя все более жестко и несговорчиво по отношению ко многим соседям в Азии, к

США и ЕС»², стало преобладающим в США и достаточно популярным во многих других странах мира³. В этой ситуации Пекин существенно усилил пропаганду сугубо мирного характера своего возвышения и неизменности политики добрососедства, не отказавшись, однако, от претензий на большую, чем в докризисный период, роль на мировой арене.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитического курса КНР в 2009—2011 гг. более подробно.

Первопричиной подвижек во внешней политике Китая явился рост его абсолютной и относительной экономической мощи, особенно рельефно выявившийся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Еще в докризисный период Китаю удалось заметно сократить отставание от ведущих экономик мира. Если в 2002 г. ВВП КНР составлял 13,9 % от американского и 37 % от японского (при пересчете в доллары по текущему курсу), то в 2008 г. это соотношение выросло соответственно до 27,2 % и 78,6 %. Доля страны в мировой продукции перерабатывающих отраслей с 5,1 % в 1995 г. выросла до 11,4 % в 2007 г.⁴ В период кризиса и первые посткризисные годы Китай сохранил высокие темпы экономического роста (9,2 % в 2009 г.; 10,4 в 2010 и 9,2 % в 2011 г.) и хорошую динамику развития внешней торговли (за исключением 2009 г.). Это позволило ему опередить Японию и выйти в 2010 г. на 2-е место в мире по годовому объему ВВП, также на 2-е место, опередив Германию, по объему внешнеторгового товарооборота и импорта и на 1-е — по объему экспорта. Поскольку темпы экономического роста США оказались существенно ниже, чем у КНР, их отрыв от Китая по годовому объему ВВП существенно сократился. Появились прогнозы, согласно которым экономики двух стран количественно сравняются в 2018 г.⁵ При этом по доле в мировой переработке Китай опередил США уже в 2010 г. (соответственно 19,8 и 19,4 %)⁶.

Превращение Китая в настоящую мировую фабрику не только обеспечило ему высокие темпы роста, но и предопределило нарастание зависимости экономики страны от нормального функционирования мирового хозяйства, будь то обеспечение импорта возрастающих объемов нефти, железной руды, высокотехнологичных компонентов для промышленной сборки широкой гаммы машино-

строительной и электронной продукции или поддержание устойчивого крупномасштабного экспорта готовых изделий по всему миру.

Мировой финансово-экономический кризис с характерным для него заметным ростом протекционизма поставил Китай перед необходимостью твердо и последовательно отстаивать свои интересы в мировой экономике.

В связи с этим в стране заговорили о развитии глубоководного военно-морского флота (включая обретение собственного авианосца), способного защитить наиболее важные маршруты транспортировки грузов.

В экспертном сообществе КНР было сформулировано понятие «интересы развития», де-факто выводящее всю конструкцию параметров и факторов функционирования современной китайской экономики за узкие для нее пределы национальных границ.

Ускорилось осмысление общей концепции государственных интересов Китая. В июле 2009 г. в ходе китайско-американского стратегического и экономического диалога член Госсовета КНР Дай Бинго впервые на официальном уровне сформулировал «коренные интересы Китая»: защита основного строя и безопасности государства; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое стабильное социально-экономическое развитие. Представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции 13 июля 2009 г. в обобщенном виде определил коренные интересы Китая как государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность и обеспечение интересов развития⁷.

Уже сама по себе всеохватывающая формулировка коренных интересов КНР недвусмысленно свидетельствовала о ее трансформации из регионального в глобального международного игрока. Новый глобальный статус Китая объективно подкреплялся относительно успешным прохождением им мирового экономического кризиса и увеличением вклада страны в мировой экономический рост⁸.

Переход страны в новое качество все более полно начало осознавать и ее руководство. С одной стороны, мировое сообщество стало настойчиво требовать активного включения Китая в решение таких глобальных проблем, как борьба с изменениями климата. С дру-

гой стороны, присутствие Китая как экономического тяжеловеса на многочисленных саммитах с антикризисной повесткой дня, прежде всего на встречах лидеров «двадцатки», едва ли не впервые дало Пекину возможность практического участия в так называемом глобальном управлении и показало, что он отныне может реально влиять на формулирование «правил игры» на мировой арене в целом. Дополнительную уверенность в своих силах Китаю придало успешное проведение летней Олимпиады в 2008 г. в Пекине и Всемирной выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Симптоматично, что именно «уверенность в себе, присущую великой державе», некоторые китайские эксперты ставят на первое место среди новых особенностей внешней политики КНР в послеолимпийский период. Как подчеркивает проректор Академии международных отношений Народного университета Китая профессор Чэнь Юэ, «Китай начал еще более хладнокровно, с достоинством оглашать свои стратегические представления и цели, не стремясь отныне уклониться от выражения собственных чаяний или затушевать их, а также не проявляя чрезмерной обеспокоенности реакцией внешнего мира»⁹.

Первой удачной заявкой КНР на более активную роль в мировых делах стало улучшение ее позиций в ведущих международных валютно-финансовых организациях. Доля голосов Китая во Всемирном банке была увеличена с 2,47 % до 4,42 %, а в Международном валютном фонде — с 3,65 % до 6,07 %. В обоих случаях Китай поднялся на третью позицию, уступая ныне лишь США и Японии¹⁰. Еще одним знаковым свидетельством возросшей активности Пекина явилась постановка им в мировую финансово-экономическую повестку дня вопроса об интернационализации юаня и его выходе в обозримой перспективе на роль одной из мировых резервных валют. Хотя данная идея пока реализуется преимущественно в форме растущего использования юаня в расчетах КНР с ее торговыми партнерами, тем не менее, она вызвала широкий резонанс и подкрепила претензии КНР на весомое участие в управлении мировым хозяйством. Стремясь закрепить свой статус как ответственной глобальной державы, Китай увеличил долю взноса в постоянный бюджет ООН с 2,667 % в 2009 г. до 3,189 % в 2010 г. и долю взноса на миротворческие операции с 3,144 % до 3,939 % (в сумме — до 300 млн долл.).

Кроме того, с конца 2008 г. Китай неоднократно направлял военные суда к берегам Сомали для участия в патрулировании района действий морских пиратов, обеспечив безопасное прохождение акватории для трех тысяч судов¹¹.

В то же время далеко не на всех направлениях Китай располагал достаточно внятной программой дальнейших действий. Переход в лигу «богатых и сильных» произошел слишком быстро даже для самой КНР, не говоря уже об остальном мире. Возникла потребность в определенном обновлении самоидентификации страны, переосмыслении места Китая в мире и стратегии его отношений с теми или иными группами государств. Эти обстоятельства обусловили заметное присутствие во внешней политике Китая 2009—2010 гг. элементов поискового характера, отчасти объясняемое также необходимостью оперативно реагировать на динамичные изменения международной обстановки в целом и на конкретные инциденты и действия, непосредственно затрагивавшие Китай.

В частности, обратило на себя внимание предложение шанхайского политолога Ян Цземьяня сделать главной опорой Китая в продвижении к статусу глобальной державы группу «новоподнимающихся государств» — на тот момент БРИК, — а не все развивающиеся страны в целом, как прежде. Ян Цземьянь полагал, что эта группа, оформление которой сделало международную обстановку более сбалансированной, могла бы служить Китаю стратегической опорой во многих аспектах, в том числе в политике, экономике и энергетике, в реформе международной валютно-финансовой системы и в формировании международного механизма противодействия нетрадиционным угрозам безопасности¹². В прямом виде данная идея (возникшая, на наш взгляд, как альтернатива предложению ряда американских политологов о формировании «большой двойки» в составе КНР и США) поддержки не получила. Возобладало официальное мнение, что Китай еще в течение длительного времени будет входить в круг развивающихся стран, пусть в качестве крупнейшей из них¹³. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе закрепилась идея отказа от унифицированного подхода к данной группе стран и перехода к более адресной дифференцированной политике, учитывающей особенности каждой из них. Как полагает профессор Пекинского университета

Е Цзычэн, именно такой новый подход в наибольшей мере отвечает интересам Китая и позволяет превратить отношения с развивающимися государствами в активный элемент его внешнеполитической стратегии¹⁴.

Важным фактором, заметно повлиявшим на особенности внешнеполитического курса КНР последних лет, стал рост **национализма** в стране, сопутствовавший успехам Китая и укреплению его позиций в мире.

На практике четко разграничить естественные чувства патриотизма, гордости за свою страну и национализм довольно трудно. Возможно, именно поэтому у ряда политологов КНР есть формальные основания представить китайский национализм последних лет как рациональный, то есть «открытый, мягкий, ...не направленный на сдерживание других государств, мирный, а не гегемонистский»¹⁵. На наш взгляд, однако, такая характеристика явно идеализирует реальный национализм в сегодняшнем Китае.

Во-первых, спектр его носителей весьма широк и включает приверженцев достаточно радикальных взглядов — от «леваков» до части военных¹⁶.

Во-вторых, их влияние на общество, незначительное еще 10 лет назад, существенно выросло с массовым распространением Интернета. К примеру, книги приверженца национализма Ван Сяодуна стояли на полках китайских книжных магазинов еще в 2000—2001 гг., но тогда его мало кто знал, зато теперь, благодаря публикациям в сети, он известен всему Китаю и даже за рубежом¹⁷. Соответственно, круги, принимающие решения, сегодня не могут игнорировать националистические воззрения в обществе и вынуждены так или иначе принимать их во внимание¹⁸.

В-третьих, как ни парадоксально на первый взгляд, питательной средой сегодняшнего китайского национализма выступают, среди прочего, и сами официальные прогнозы и ориентиры дальнейшего укрепления мощи Китая и его позиций в мире.

В этом плане показательно сопоставление двух недавних работ китайских авторов — «У Китая нет другого выбора, кроме...» Юань Куна¹⁹ и «Китай в 2030 году — продвигаясь к всеобщей зажиточности», подготовленной группой специалистов Университета Цинхуа во главе с известным ученым Ху Аньганом²⁰.

Первая работа написана с националистических и даже мессианских позиций и ставит своей целью доказать, что Китай уже заложил основы для превращения в «первоклассную державу» и непременно сможет стать сверхдержавой, «несущей с Востока цивилизацию и процветание». Единственное, чего Китаю не хватает для превращения в ведущее государство мира — это лишь уверенности и смелости. Юань Кунь широко использует броские метафоры и сравнения, призванные подкрепить его главную идею. Показательны названия разделов его работы: «Если Китай чихнет, то весь мир заболит гриппом», «Если однажды Китай наложит санкции на Америку...», «Продажа американских облигаций — новое ядерное оружие Китая» и т. п.

Близкие к официальному мейнстриму ученые Университета Цинхуа не прибегают к бахвальству, однако их базовый прогноз — сосредоточение в 2030 г. в Китае трети мирового валового продукта с опережением США по этому показателю в 2,2 раза — так же, как и работа Юань Куня, фактически ориентирует развитие страны на достижение сверхдержавного статуса.

Возникает устойчивое ощущение, что авторы долгосрочных прогнозов словно не замечают присутствия на планете других стран, игнорируют наличие у них собственных интересов и целей, отличных от китайских, ставя во главу угла только свое «право на развитие». В данном контексте по-своему закономерно, что начиная с 2009 г. Китай стал нередко оцениваться за Западе как «нация, узко ориентированная на собственные интересы и стремящаяся к максимизации своей комплексной мощи»²¹. На наш взгляд, такая характеристика несколько чрезмерна, однако нельзя не признать, что усиление националистических настроений в китайском обществе способствовало определенному ужесточению внешнеполитического инструментария Китая в 2009—2010 гг.

На местном уровне готовность к решительному отпору оппонентам по собственной инициативе, без каких-либо директив центральных властей, стала в тот период достаточно массовым явлением.

В обществе крепло убеждение, что Китай перерос ограничительные рамки внешнеполитических заветов Дэн Сяопина двадцатилетней давности и что ему следует перестать «скрывать свои возможно-

сти» и перейти к самым активным действиям на международной арене, особенно при защите собственных интересов.

Во многом именно в таком ключе оказалось выдержано *поведение Китая в ряде* получивших заметный международный резонанс *конфликтных ситуаций 2009—2010 гг.*

«Точкой отсчета» здесь стал август 2008 г. Он ознаменовался двумя примечательными событиями — успехи Китая на летних Олимпийских играх в Пекине, которые существенно повысили самооценку страны, и российско-грузинские боевые действия, последовавшие за попыткой Тбилиси силой восстановить контроль над Южной Осетией. То обстоятельство, что США не оказали эффективной поддержки своему союзнику Грузии, было расценено в Пекине как недвусмысленное доказательство ослабления их мощи.

Одним из первых практических эпизодов, продемонстрировавших готовность Пекина действовать жестче, чем раньше, стал инцидент с американским судном акустической разведки «Импекабл» (Impressable — «Безупречный») в 75 милях к югу от Хайнаня. 9 марта 2009 г. китайская сторона силами пяти судов различной ведомственной принадлежности попыталась физически воспрепятствовать плаванию этого американского корабля в экономической зоне КНР. Ранее в ответ на аналогичную рутинную разведывательную деятельность судов США подобные действия не предпринимались.

Одной из «фоновых» причин инцидента стало различное толкование в Китае и США ряда положений Конвенции ООН по морскому праву. Как полагает китайская сторона, запрет конвенции на разведывательную деятельность в территориальных водах должен распространяться и на эксклюзивную экономическую зону. Американская сторона отстаивает принцип полной свободы мореплавания и ведения разведывательной деятельности в этой зоне. США выразили протест, охарактеризовав действия китайских судов в отношении американского судна как нарушение требований международного права о соблюдении прав и безопасности всех пользователей моря. Китайская сторона, в свою очередь, отвергла этот протест как «несостоятельный»²².

Вместе с тем нельзя не увидеть прямой связи между временем инцидента и приходом к власти в США Б. Обамы. По логике вещей китайское руководство было абсолютно не заинтересовано в ка-

ком-либо осложнении отношений с новой американской администрацией в период между только что состоявшимся визитом в Пекин госсекретаря Х. Клинтон (20—22 февраля) и намечавшейся на 1 апреля 2009 г. первой встречей Ху Цзиньтао с Бараком Обамой на полях саммита «Группы двадцати» в Лондоне. Поэтому некоторые американские политологи охарактеризовали инцидент с «Импекабл» как предпринятую без согласования с центром сугубо местную инициативу, ставшую, тем не менее, «индикатором агрессивной манеры поведения Китая, особенно в Южно-Китайском море»²³.

Китайские аналитики, в свою очередь, увязали инцидент со стремлением военных кругов в США напомнить Б. Обаме об усилении Китая на морях и в целом затруднить задуманное новым президентом «стратегическое сближение» с Пекином²⁴.

Похожее мнение, только с возложением ответственности на китайских моряков, высказал М. Чэйз из военно-морского колледжа в Ньюпорте. Он напомнил, что инцидент 9 марта не был изолированным эпизодом: до этого, 4 и 5 марта, китайские суда чинили помехи плаванию другого американского разведывательного корабля — «Викториоус» — в двухстах километрах от берега в Желтом море²⁵.

Формально инцидент с «Импекабл» был быстро урегулирован — то ли после вмешательства центрального китайского руководства, то ли после согласия Б. Обамы на отправку в акваторию ракетного эсминца для защиты разведывательного судна на время его плавания в регионе.

Однако на китайское и американское восприятие политики другой стороны в Восточной Азии данный эпизод определенное влияние оказал.

Серьезные метаморфозы претерпела в 2009—2010 гг. политика Пекина по отношению к КНДР.

К началу 2009 г. в Китае накопилось заметное раздражение по отношению к Пхеньяну, тормозившему возобновление шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, в которых Пекин не без оснований претендовал на роль «первой скрипки». Издаваемый под эгидой МИД КНР журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире») констатировал, что благодаря «ловкому ведению дел» с администрацией Дж. Буша северо-корейская дипломатия, используя шесть лет шестисторонних переговоров, получила

все желаемое: взорвала ядерный заряд, объявила КНДР ядерной страной, да к тому же получила значительную помощь нефтью с продовольствием... «Америка же в этот период лишь потеряла время и деньги, не получив ничего»²⁶.

Испытание Пхеньяном 5 апреля 2009 г. ракеты-носителя, будто бы выведшей на околоземную орбиту спутник связи, было расценено Советом Безопасности ООН как нарушение его резолюции № 1718 от 14 октября 2006 г. (в частности, требовавшей от КНДР не проводить новых ядерных испытаний или пусков баллистических ракет). В заявлении председателя Совета Безопасности содержалось требование к Пхеньяну не заниматься впредь запуском ракет. Северокорейская сторона отвергла его, заявила о выходе КНДР из шестисторонних переговоров и объявила о решении восстановить ядерные объекты, ранее выведенные из функционального состояния²⁷.

Китаю пришлось в срочном порядке определяться со своей позицией по КНДР — как относительно ее конкретных акций, так и в более долгосрочном стратегическом плане. В официальных и экспертных кругах развернулась серьезная дискуссия по этой проблеме, частично просочившаяся в СМИ. Наиболее критичная по отношению к КНДР позиция была сформулирована в статье Цай Цзяня, опубликованной в «Шицзе чжиши» 1 мая 2009 г.²⁸ В ней предельно четко указывалось, что «Китай не рассчитывает на превращение Северной Кореи в государство, обладающее ядерным оружием», поскольку иное нанесло бы серьезный ущерб коренным интересам КНР, создав существенные ограничения или даже угрозу для их реализации. Попытки КНДР создать ядерное оружие были осуждены как «крайне авантюрные» действия.

Кроме того, в статье содержался прозрачный намек на возможность снижения уровня отношений Пекина с Пхеньяном ради улучшения отношений Китая с США. Во-первых, было отмечено, что «из всех проблем Корейского полуострова наибольшее совпадение позиций между Китаем и США наблюдается по его денуклеаризации». Во-вторых, было заявлено, что «в долгосрочном плане проблема ядерной КНДР не является конфликтной проблемой в отношениях между нею и США. Это — проблема соотношения глобальной стратегии Китая и стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В связи с этим, делал вывод Цай Цзянь, особого внимания

требует выстраивание баланса между китайско-северокорейскими и китайско-американскими отношениями.

Второе подземное ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 25 мая 2009 г. (первое — в октябре 2006 г.), явно превысило пределы терпения Пекина, который присоединился к резолюции СБ ООН № 1874 от 12 июня 2009 г., строго осудившей данную акцию КНДР. При этом в период подготовки резолюции — 3 июня — ядерную проблему Кореи по телефону обсудили лидеры КНР и США²⁹.

По мнению американского эксперта из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Бонни Глэйзер, необычно резкая официальная реакция Пекина на ядерное испытание в КНДР объяснялась следующим обстоятельством: раньше в Китае полагали, что ядерная программа Пхеньяна выступает для него лишь средством размена на нормализацию отношений с США, однако после 25 мая стало ясно, что ядерный статус — это подлинная цель Пхеньяна³⁰.

В целом в июне—июле 2009 г. создавалось впечатление, особенно в США, что Китай как никогда близок к тому, чтобы присоединиться к «единому фронту» тотального давления на КНДР в составе США, Японии и Республики Корея. Этого, однако, не произошло. Китай перестал втягиваться в чужую игру с непредсказуемыми для него последствиями и постепенно реанимировал особые отношения с КНДР, сочтя их более эффективными для сохранения статус-кво на полуострове. Благо для этого были подходящие поводы — 60-летие установления дипломатических отношений и ранее сделанное объявление 2009 года «Годом дружбы КНР и КНДР».

В сентябре 2009 г. Пхеньян в статусе специального представителя Ху Цзиньтао посетил член Госсовета КНР Дай Бинго, а в октябре — премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, подтвердивший курс Пекина на сохранение традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР.

Резко изменился тон публикаций о КНДР в китайской печати, включая «Шицзе чжиши». Теперь подчеркивалось, что внутренняя стабильность в стране является предпосылкой решения ядерной проблемы КНДР путем диалога, что она соответствует интересам всех соседних государств, которым адресовался призыв «не оказывать на Пхеньян чрезмерного давления». Отмечалась необходимость

видеть ошибки не только северокорейской, но и американской стороны³¹.

Очевидное изменение собственной позиции в Китае объясняли стремлением помочь Пхеньяну выйти из международной изоляции, необходимостью обеспечить стабильность на Корейском полуострове и вернуть КНДР «на рельсы диалога о решении ядерной проблемы». Смягчение позиции Пекина по КНДР было, как признают китайские политологи, критически воспринято частью международно-общественного мнения³².

Вскоре «градус критичности» стал заметно расти. Резкое обострение межкорейских отношений в 2010 г., спровоцированное подрывом южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрелом северянами острова Ёнпхёндо, находящегося под юрисдикцией Сеула, обнажило принципиальное различие подходов Китая и Запада к КНДР и к путям урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Китай, руководствуясь собственными интересами, не поддержал возложение ответственности за случившееся исключительно на Пхеньян, активизировал политические контакты с ним и увеличил экономическое содействие КНДР. В связи с этим американские политологи обвинили Пекин в ослаблении взаимодействия с Западом в деле урегулирования проблем Корейского полуострова³³.

Осложнились и отношения Китая с Японией, которые после ухода в отставку правительства Дз. Коидзуми развивались в целом в позитивном ключе: лидеры двух стран обменялись визитами, были развернуты китайско-японские стратегический и экономический диалоги, наметилась активизация двусторонних контактов в оборонной сфере³⁴. Однако задержание 8 сентября 2010 г. японской стороной экипажа и арест капитана рыболовецкого судна КНР за «незаконный лов рыбы» в оспариваемом двумя странами районе островов Дзяоюйдао (Сэнкаку) вызвали необычно резкую реакцию Пекина. Китай немедленно объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя странами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше. Вопрос с освобождением китайского капитана был решен только после того, как 21 сентября этого потребовал премьер Вэнь Цзябао, находившийся в Нью-Йорке и пригрозивший серьезными последствиями для японской стороны за ее незаконные действия.

Одним из таких последствий стало прекращение на некоторое время экспорта Китаем в Японию редкоземельных элементов, используемых для производства широкой гаммы электронных изделий.

Как полагают китайские политологи, жесткое поведение обеих сторон свидетельствует об усилении конкуренции между Китаем и Японией за обеспечение своей безопасности на морях и за морские ресурсы. Особенно неприятным для Китая последствием инцидента стало укрепление американо-японского союза, существенно ухудшившее общую ситуацию с обеспечением безопасности в регионе³⁵.

В 2009—2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Филиппинами, Вьетнамом и отчасти Малайзией, по вопросу о суверенитете над островами, разграничении шельфа и водной акватории в Южно-Китайском море.

После одобрения в 2002 г. КНР, Филиппинами и Вьетнамом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, зафиксировавшей ориентацию стран на решение спорных проблем путем мирных переговоров и их обязательство воздерживаться от угроз и враждебных действий, страсти вокруг этой чрезвычайно сложной проблемы на какое-то время улеглись. Ситуацию, однако, удалось «законсервировать» ненадолго. В связи с приближавшимся окончанием срока моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов, который был предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., в 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия по закреплению де-факто своего суверенитета над островами, находящимися под их контролем. Дополнительную остроту ситуации придали данные геологоразведки о существенном потенциале нефтедобычи в районе Южно-Китайского моря.

2 февраля 2009 г. Палата представителей парламента Филиппин приняла закон «Об определении основной линии Филиппинского архипелага», в соответствии с которым группа островов архипелага Наньша (Спратли), именуемая Манилой «архипелаг Калайаан», оказывалась в пределах основной морской границы Филиппин. 10 марта закон был утвержден президентом Филиппин. 6 мая Вьетнам и Малайзия внесли в ООН совместный проект разграничения шельфа в Южно-Китайском море за пределами двухсотмильной эксклюзивной экономической зоны.

Постоянный представитель Китая в ООН на следующий день передал Генеральному секретарю организации Пан Ги Муну ноту с адресованным комиссии ООН по разграничению морского шельфа требованием не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии³⁶. Тогда же, по свидетельству некоторых экспертов, в комиссию ООН была представлена известная китайская карта с U-образным абрисом морской границы Китая в Южно-Китайском море, оставлявшим за ним 80 % акватории³⁷. 8 мая Вьетнам вновь подал в комиссию ООН прежний проект, на сей раз индивидуально. Последовал взаимный обмен протестами между Пекином и Ханоем.

«Масла в огонь» добавило заявление госсекретаря США Х. Клинтон о «возвращении США в Азию», сделанное 22 июля на острове Пхукет в Таиланде в ходе заседания Азиатского регионального форума. Обострение конфликта в Южно-Китайском море создало «режим наибольшего благоприятствования» для вмешательства США в ситуацию под предлогом «защиты свободы мореплавания». Кроме того, США фактически открыто предложили странам АСЕАН, как претендовавшим на какие-либо острова Южно-Китайского моря, так и просто опасавшимся возросшей мощи и напористости Китая, активизацию связей с Вашингтоном, особенно в военной сфере, в качестве своеобразной страховки от рисков. «Хеджирование» на основе противодействия Китаю, которое всего несколько лет назад рассматривалось как чисто гипотетическое, с 2009 г. в регионе Южно-Китайского моря стало реальностью.

В 2010 г. ситуацию еще более обострили широко распространившиеся слухи о включении проблемы суверенитета над островами Южно-Китайского моря в перечень «коренных интересов Китая».

Некоторые зарубежные эксперты говорят об этом как о свершившемся факте³⁸, но это не совсем так. Вопрос активно обсуждался в КНР, причем на Интернет-форуме «Сильное государство» («*Цянго лунтань*») за такое включение высказалось свыше 90 % принявших участие в соответствующем голосовании. Однако в прямой форме этого официально сделано не было. Тем не менее, как констатировали китайские политологи, «в конце 2010 г. поветрие включения вопроса о Южном море в перечень коренных интересов нанесло ущерб и удар по образу Китая как ответственной державы»³⁹.

Пожалуй, именно конфронтация в Южно-Китайском море в наибольшей степени, по сравнению с другими конфликтами, усилила у части международного сообщества сомнения в желании окрепшего Китая сохранять и впредь приверженность политике добрососедства. Да и в целом повышенная напористость 2009—2010 гг. принесла Пекину мало дивидендов. Более того, международная среда существования Китая усложнилась.

Критически анализируя этот период внешней политики КНР постфактум, некоторые китайские политологи пришли к выводу, что переоценка мощи страны, наступательный стиль поведения в международных отношениях и рост националистических настроений ведут «к углублению недопонимания Китая внешним миром, негативно влияют на эффективность внешней политики и вредят его государственным интересам»⁴⁰.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить заметные *коррективы во внешнеполитический курс*, призванные показать неизменную приверженность Пекина линии на сугубо мирное развитие, добрососедство, обоюдный выигрыш, решение любых спорных проблем путем диалога.

Одним из первых сигналов стала статья члена Госсовета КНР Дай Бинго, которая была размещена на сайте МИД КНР 6 декабря 2010 г., а затем опубликована во многих изданиях, в том числе за рубежом. Дай Бинго заверил потенциально огромную аудиторию своих читателей в отсутствии у КНР каких-либо тайных амбиций, скрытой повестки дня, намерений добиваться гегемонии, в ее приверженности пути мирного развития «в течение следующих ста и даже тысячи лет». Дай Бинго призвал мировое сообщество приветствовать мирное развитие Китая, а не бояться его, помогать ему и поддерживать его, а не пытаться подрывать и сдерживать соответствующие усилия КНР.

Одновременно международному сообществу было адресовано требование «понимать и уважать законные интересы и озабоченности Китая в ходе осуществления его мирного развития». Особо было подчеркнуто, что не может быть выбран такой путь развития, который наносил бы ущерб коренным национальным интересам. В их число Дай Бинго включил сохранение действующей политической системы (включая руководство КПК и социалистический путь раз-

вития), суверенитет, территориальную целостность, достижение национального единства и обеспечение основных гарантий устойчивого экономического развития⁴¹.

Основные идеи статьи Дай Бинго были закреплены и развиты в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая», датированной 6 сентября 2011 г. В специальном разделе Белой книги, характеризующем внешнюю политику Китая, ее целями были провозглашены: содействие строительству гармоничного мира; следование самостоятельным курсом, базирующимся на пяти принципах мирного сосуществования; содействие новому подходу к обеспечению безопасности, основанному на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и координации; несение подобающей международной ответственности; ориентация на региональное сотрудничество и добрососедство. Как и в статье Дай Бинго, в заключительном разделе документа выражалась надежда, что международное сообщество поверит в искреннюю решимость китайского народа следовать мирным путем развития и будет содействовать этому курсу, а не препятствовать ему⁴².

В китайских СМИ появились многочисленные публикации, доказывающие, что внешнеполитические заветы Дэн Сяопина, призывавшего Китай к осторожному, осмотрительному поведению в мировых делах, являются долгосрочным ориентиром для страны, а во все не какой-то вынужденной тактической уловкой, от которой пришла пора отказаться. Как подчеркнул известный китайский дипломат, бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, следование заветам Дэн Сяопина и, в частности, его ключевому призыву «не выставлять напоказ свои таланты» нацелено на то, чтобы и в перспективе сохранить Китаю возможности для развития и сотрудничества, не дать поломать этот курс.

У Цзяньминь подверг критике приверженцев перехода к более наступательным методам во внешней политике КНР, особенно при решении тех или иных споров с зарубежными странами. «Они, — подчеркнул У, — забыли, что эпоха изменилась, и тот, кто провоцирует войну, утратит симпатии, окажется в пассивном положении и изоляции»⁴³. Быстро меняющаяся международная обстановка, отметил президент Китайского общества народной дипломатии Ян Вэньчан, требует от Китая «хладнокровного наблю-

дения», только таким образом можно будет выявить реальные тенденции эпохи⁴⁴.

В КНР участились публикации статей дипломатов высшего звена, подробно разясняющие современный внешнеполитический курс страны.

С конца 2010 г. для разяснения приверженности Китая пути мирного развития в ведущие зарубежные государства были направлены группы высокопоставленных отставных китайских дипломатов, прошедших беседы и дискуссии с экспертами и официальными лицами США, Канады, России, Казахстана, Индии, Франции и т. д.

Определенные коррективы начали вноситься и в практику.

Был взят долгосрочный курс на утверждение в мире достойного, благоприятного образа Китая, «призванного отразить миролюбие страны, ее ответственность перед международным сообществом и приверженность общему развитию»⁴⁵. Реализация этой цели видится, прежде всего, в повышении привлекательности китайской культуры за рубежом и в укреплении международного культурного влияния Китая. В то же время некоторые зарубежные эксперты считают самым слабым местом «мягкой силы» Китая не культурную сферу, а политические институты и дипломатию (в плане их позитивного восприятия в мире)⁴⁶. В данном контексте вполне естественно, что в КНР после увлечения в предшествующий период общей концепцией «мягкой силы» делают следующий шаг, начав углубленное осмысление концепции «умной», или «умелой», силы (smart power)⁴⁷.

Корректируемый *внешнеполитический курс КНР сохраняет глобальный характер*. По-прежнему заметное место в нем уделяется Африке, выступающей и «демонстрационной витриной» эффективности китайской помощи, и в качестве источника нефти, минерального сырья и дополнительных сельхозугодий, а также в связи с «арабской весной», непосредственно затронувшей, как минимум, экономические интересы Пекина. Глобальное измерение международной деятельности Китая проявляется также в его растущей активности в Арктике (на эту тему в КНР уже опубликованы первые монографии) и в Антарктике, хотя, по оценке западных политологов, «здесь Китай пока являет собой среднюю державу, обладающую устремлениями большой державы»⁴⁸.

Несмотря на регулярные контакты высших должностных лиц КНР с функционерами Европейского союза и входящих в него стран, складывается ощущение некоторого снижения политической активности Пекина на европейском направлении. Это можно объяснить выжидательной позицией Китая в условиях незавершенности развития ситуации с европейским долговым кризисом. Игрет свою роль и то обстоятельство, что Европейский союз, добываясь весомого содействия Китая в решении своих финансовых проблем, уклоняется от удовлетворения встречных запросов о признании КНР рыночной экономикой и отмене эмбарго на продажу ей военной техники.

В то же время в региональных направлениях внешней политики Пекина *усилилось приоритетное место прилегающих к Китаю государств* и субрегионов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Именно соседний пояс остается основной зоной проецирования и реализации государственных интересов КНР на международной арене, и именно здесь в наибольшей мере оказались сфокусированы разного рода трения и недопонимания, вызванные напористыми действиями Пекина в 2009—2010 гг. «Китай, — констатировали в начале 2012 г. китайские СМИ, — должен прежде всего наладить отношения с соседями»⁴⁹.

Состоялся визит в КНР нового премьер-министра Японии Есихико Ноды, достигнута договоренность об использовании национальных валют во взаимной торговле и инновационных сделках, возобновлены усилия по углублению экономической интеграции в «треугольнике» Китай—Япония—Республика Корея. Президент последней Ли Мен Бак также посетил КНР, положив конец определенному охлаждению политических отношений двух стран из-за различий в оценке причин напряженности на Корейском полуострове.

Политическая и экономическая поддержка Китая способствовала сохранению стабильности в КНДР после внезапной кончины Ким Чен Ира. Пекин прилагает активные усилия по возобновлению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Предприняты шаги по «ремонту» отношений с Индией, в которых в 2009—2010 гг. явно накапливалась скрытая напряженность,

порожденная взаимными подозрениями двух держав по поводу неких попыток «окружить» друг друга и неуступчивостью в решении пограничной проблемы⁵⁰. В сентябре 2011 г. в Пекине был проведен первый раунд китайско-индийского стратегического экономического диалога. 17 января 2012 г. в Дели подписано двустороннее межправительственное соглашение о создании консультативно-координационного механизма по делам пограничных территорий. Оно нацелено на укрепление сотрудничества Китая и Индии в обеспечении мира и спокойствия на приграничных территориях двух стран.

Несколько по иному развивалась ситуация в Южно-Китайском море. До середины 2011 г. Китай продолжал наращивать здесь давление. 26 мая три китайских корабля заблокировали принадлежавшее вьетнамской государственной нефтегазовой компании судно «Биньминь 02», которое «вело сейсмическую разведку на континентальном шельфе и в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама». Подводный кабель вьетнамского судна был перерезан, чего, как утверждали в Ханое, нельзя сделать без специального оборудования⁵¹. Однако поскольку ни Пекин, ни Ханой не были заинтересованы в нагнетании страстей и ухудшении двусторонних отношений, в октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга сторонам удалось достичь компромисса и выйти на подписание Соглашения о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ. В нем Китай и Вьетнам обязались гарантировать мир и стабильность в Южно-Китайском море до окончательного решения спорных проблем и не предпринимать действий, способных осложнить ситуацию⁵².

По-другому сложился спор Китая с Филиппинами. В конце августа 2011 г. в ходе визита в КНР президента Бенigno Акино стороны обменялись мнениями о конфликте в Южно-Китайском море, но к сближению позиций не пришли, согласившись лишь, что данный конфликт не должен сказываться на «более широкой картине дружбы и сотрудничества между двумя странами»⁵³. Однако уже вскоре активное участие Филиппин в военных маневрах с США, призывы Манилы к странам АСЕАН организовать общий фронт противодействия Китаю и настойчивая дефиниция прилегающей к западу к архипелагу части акватории как «Западно-Филиппинского моря» вызвали в Пекине сильное раздражение, за которым последо-

вал призыв «наказать Филиппины», причем достаточно сильно, чтобы «отбить у некоторых наций охоту присоединяться к США для сдерживания Китая»⁵⁴.

В разгар споров с Филиппинами и накануне Восточно-Азиатского саммита, в повестку дня которого США пытались продвинуть обсуждение ситуации в Южно-Китайском море, Министерство иностранных дел КНР обнародовало Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в период 1991—2011 гг. Главная цель документа состояла в том, чтобы, показав широкую панораму и высокую динамику развития двустороннего сотрудничества в самых разных сферах в предшествующее двадцатилетие, уверить государства региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁵⁵. В параллельных материалах ведущих китайских СМИ выражалась надежда, что «большинство членов АСЕАН не попадет в ловушку споров о Южно-Китайском море, которые должны быть решены через двусторонние диалоги заинтересованных стран»⁵⁶.

К началу 2012 г. напряжение в зоне Южно-Китайского моря несколько спало. 14 января 2012 г. в Пекине прошло совещание Китая и стран АСЕАН о реализации «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море» в контексте десятилетия со времени ее принятия. На совещании была зафиксирована заинтересованность вовлеченных стран «в продвижении делового сотрудничества» и «обеспечении мира и стабильности» в этой акватории⁵⁷.

Разумеется, споры по Южно-Китайскому морю лишь несколько приутикли, но не прекратились. Принимая во внимание серьезные сложности с продвижением максималистской позиции Китая и отсутствии достаточной поддержки ее в международном сообществе, китайские эксперты начали прорабатывать резервные варианты. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша (Парасельскими и Спратли), сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем⁵⁸. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что «никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем».

Впрочем, в Китае раздаются и единичные радикальные призывы — «не ставить под угрозу дело возрождения страны, пойдя на не-

адекватное поведение в Южно-Китайском море». По мнению полковника Цяо Ляна, потенциальные выгоды Китая от полного контроля за Южно-Китайским морем несопоставимо меньше, чем выигрыш для дела модернизации, уже полученный им от сотрудничества с внешним миром. В целом, полагает он, «возвышение Китая требует стратегической мудрости и стратегического терпения»⁵⁹.

В двусторонних отношениях Китая с отдельными странами усилился приоритетный характер *отношений с США*. Одна из главных целей нынешней корректировки внешнеполитического курса Пекина состоит в том, чтобы снизить антикитайскую направленность международной политики Вашингтона в целом и особенно декларированной им стратегии «возвращения в Азию», улучшив тем самым общую внешнюю среду развития КНР.

По свидетельству известного американского политолога-китаеведа Д. Шамбо, на ежегодной конференции Китайского общества международных отношений в Ланьчжоу в 2010 г. на первое место была поставлена рекомендация «не вступать в конфронтацию с Америкой»⁶⁰.

Значительно скромнее стало оцениваться соотношение сил двух стран. Как констатировал директор Департамента планирования МИД КНР Лэ Юйчэн, «в ближайшие 20—30 лет никто не сможет стать равным соперником США»⁶¹.

Оптимальный для Китая вариант отношений с США нашел отражение в Совместном китайско-американском заявлении, подписанном 19 января 2011 г. в ходе официального визита Ху Цзиньтао в Америку. Основополагающее значение для позитивного развития двусторонних связей призвано иметь положение о том, что «США... приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, играющий бóльшую роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как Азиатско-Тихоокеанскую нацию, вносящую вклад в мир, стабильность и процветание региона». Была декларирована приверженность Китая и США строительству «партнерства, основанного на взаимном уважении и обоюдном выигрыше»⁶².

Примерно с этого момента в китайском подходе к США возникает своего рода раздвоение: на официальном уровне доминирует чрезвычайно осторожная позиция, отношения с Вашингтоном неизменно характеризуются как «в основном хорошие», «здоровые». В то

же время в экспертном сообществе нередко высказывались весьма жесткие оценки политики США, особенно их «возвращения в Азию» и присоединения к Транстихоокеанскому партнерству.

Лишь на рубеже 2011—2012 гг. официальные и экспертные оценки сблизилась, возможно, в преддверии визита в США Си Цзиньпина, который состоялся в феврале 2012 г. Так, директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн на годичной конференции по итогам внешней политики Китая в 2011 г. признал, что перемещение стратегического центра тяжести глобальной политики США в АТР «не полностью обусловлено Китаем и направлено против него»⁶³. Именно такую точку зрения отстаивают американские эксперты, без устали напоминающие, что растущую важность Азии и АТР для национальных интересов США подчеркивали все четыре последних президента страны, начиная с Дж. Буша-старшего, и этот курс не был порожден возвышением Китая⁶⁴.

В любом случае, однако, процесс взаимной адаптации, поиска устраивающего и Китай, и США формата отношений на обозримую перспективу еще далеко не завершен.

Отношения с *Россией* сохраняют для Китая первостепенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, поскольку стратегическое партнерство и равноправное взаимодействие с ней, скрепленное двусторонним Договором 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, служит гарантией от каких бы то ни было попыток окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»⁶⁵.

Вето, дважды налагавшееся Китаем и Россией при голосовании в Совете Безопасности ООН по односторонним, несбалансированным проектам резолюций по Сирии, свидетельствует о сродстве самой философии видения Пекином и Москвой особенностей современной международной жизни.

Весьма динамично в 2011 г. росла двусторонняя торговля, объем которой достиг 79,25 млрд долл. по данным китайской таможенной статистики и 83,5 млрд долл. по данным российской таможни.

Разумеется, существенное повышение роли и общая активизация Китая в мировой политике и экономике ставят перед Россией новые проблемы и задачи — как в двустороннем сотрудничестве, так и во взаимодействии в различных форматах и сферах на международной арене. Однако при наличии общего настроения Москвы и Пекина на дальнейшее углубление равноправного партнерства и стратегического взаимодействия все они, безусловно, решаемы. Возможно, главное здесь — последовательно углублять взаимное доверие, формировать у населения, экспертного сообщества, бизнеса, политической элиты России и Китая устойчиво позитивный образ страны-партнера.

* * *

Дискуссии относительно новых моментов во внешней политике КНР и вариантов ее дальнейшей эволюции продолжаются и в самой стране, и в остальном мире. Своего рода черту под ними на какое-то время подвел XVIII съезд правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.), подтвердивший как ориентацию КНР на мирный путь развития, так и ее стремление «принимать более активное участие в международных делах, играть роль ответственной державы».

Примечания

¹ A Special report on China's place in the World. “Less biding and hiding: China is becoming more nationalistic and more assertive”; “The Danger of Rising China: China and America are bound to be rivals, but they do not have to be antagonists” // *Economist*, December 2, 2010.

² *Shambaugh, David*. Coping with a Conflicted China // *The Washington Quarterly*. Winter 2011 (Vol. 34, No 1). P. 7.

³ См., например: *Christensen, Thomas*. The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy // *Foreign Affairs*. March–April 2011; *Bisley, Nick*. Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region // *Global Asia*, Seoul. Vol. 6. No 4. Winter 2011.

⁴ *Мао Чжунгэн, Хун Тао*. Цун шэньчань даго дао сяофэй даго: сянь чжуан, цзичжи юй чжэнцэ : [От державы производящей к державе потребляющей: современное состояние, механизм и политика]. Синьхуа вэньчжай. Пекин. 2011. № 19. С. 54.

⁵ *Economist*, London. December 31, 2011 со ссылкой на исследование *Pew Research Center*.

⁶ *Мао Чжунгэн, Хун Тао*. Указ. соч. С. 53.

⁷ Лишисин тупо: Чжунго шоуцы цзедин хэсинь гоцзя лии [Исторический прорыв: Китай впервые определил коренные государственные интересы] // *Шицзе чжиши*, Пекин. 2011. № 19. С. 20.

⁸ Расчеты по данным Международного валютного фонда позволяют оценить вклад прироста ВВП в Китае в прирост мирового валового продукта (в долларах США, в текущих ценах) за три года (2009—2011 гг.) в 19,7 %.

⁹ Чэнь Юэ. Даньцянь Чжунго вайцзяо дэ синь цзоусян хэ синь тэдянь : [Новые ориентиры и особенности китайской внешней политики в настоящее время] // *Чжунго вайцзяо*. Пекин. 2011. № 10. С. 4. (Первоначально статья опубликована в журнале «Цилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао». Чанчунь, 2011. № 3. С. 25—29).

¹⁰ Ляован. Пекин. 2011. № 37. С. 27.

¹¹ *Чэнь Юэ*. Указ. соч. С. 4.

¹² *Ян Цземянь*. Лунь «сыши цюньти» хэ гоцзи лилян чунцзу дэ шидай тэдянь : [Размышления о «четырёх группах» и современных особенностях реструктуризации международных сил] // *Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи*. Пекин. 2010. № 3. С. 4, 11—12.

¹³ Чжунго цзай сяндан чан шици нэй жэн цзян ши фачжаньчжун гоцзя : [Китай в течение сравнительно длинного периода времени по-прежнему останется развивающимся государством] // *Цюши*. Пекин, 2010. № 12. С. 42—44.:

¹⁴ См.: *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: Даго вайцзяо цзин шоу каоянь дэ и нянь : [Внешняя политика Китая 2011: год испытаний для дипломатии державы] // *Цинь Чаоинь* (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцянь гоцзи гоней чжундэ синши фэньси: 2010—2011 няньду баогао : [Китай у колеса истории — макроанализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010—2011 годы]. — Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ. 2011. С. 109—111.

¹⁵ *Чэнь Юэ*. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ См.: Бергер Я. Эволюция геополитических взглядов в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 23—37; Shambaugh, David. Coping With a Conflicted China // The Washington Quarterly. Winter 2011. P. 7—27.

¹⁷ Взгляды Ван Сяодуна подробно изложены в статье А. Габуева «Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна» (Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 78—95).

¹⁸ Как отметила Линда Якобсен в работе «Новые акторы во внешней политике Китая», во многих интервью западных ученых с экспертами и официальными лицами КНР «сетевиками» (netizens), т.е. люди, высказывающие свое мнение или участвующие в дискуссиях в Интернете, были охарактеризованы как «новая группа давления, оказывающая косвенное, но все более осязаемое влияние на формулирование внешней политики». Jakobson, Linda, Knox, Dean. New Foreign Policy Actors in China // SIPRI Policy Paper. № 26. September. 2010. Stockholm, 2010. P. 44. (Л. Якобсен в течение ряда лет представляла в Пекине Стокгольмский международный институт исследования проблем мира).

¹⁹ Юань Кунь. Чжунго бе у сюаньцзэ : [У Китая нет другого выбора, кроме...] Пекин: Чжунъян бьяньцзэ чубаньшэ, 2010. Для более точного понимания заголовка он приведен на обложке книги и в англоязычном варианте: «China has no alternative but...»

²⁰ Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фуюй : [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.

²¹ Shambaugh, David. Coping with a Conflicted China. P. 24.

²² URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23))

²³ McVadon, Eric. The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea // China Security. Washington, 2009. Vol. 5. No 2. P. 3—17. Цитата — р. 7.

²⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2010]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010. С. 261.

²⁵ Chase, Michael. Chinese Suspicion and US Intentions. Survival. Washington. Vol. 53. No 3. June—July 2011. P. 133—150.

²⁶ Чжан Ляньгуй. Чаосьянь баньдао чуюй «чжаньчжэн бьянюань»? : [Корейский полуостров: «на грани войны»?] // Шицзе чжиши. Пекин. 2009. № 5. С. 14—23; Цитата — С. 23.

²⁷ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277.

²⁸ Цай Цзянь. Чао гай вэйцзи цзайци Чжунго жухэ индуй : [Новое обострение ядерного кризиса в Северной Корее. Как должен противодействовать ему Китай] // Шицзе чжиши. Пекин. 2009. № 9. С. 27—29.

²⁹ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277, 281.

³⁰ Glaser, Bonnie. China's Policy in the Wake of the Second DRPK Nuclear Test // China Security. 2009. Vol. 5. No 2. P. 39—40.

³¹ Юй Шаохуа. Чао гай вэньти: чулу цзай нали? : [Ядерная проблема КНДР: где выход?] // Шицзе чжиши. 2009. № 18. С. 30—31.

³² 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 283.

³³ Конкретный перечень претензий к китайской политике в отношении КНДР в 2010 г. дан в статье Т. Кристинсена «The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy» // Foreign Affairs. March—April 2011. Российскую версию событий см.: Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 123—134.

³⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 268—272.

³⁵ 2011 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2011]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 231—236.

³⁶ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 287—289.

³⁷ См.: Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 34.

³⁸ Ник Бисли ссылается на некое китайское официальное лицо, заявившее в частной беседе с Х. Клинтон в марте 2010 г., что Китай отныне рассматривает утверждение своих прав в Южно-Китайском море как «коренной интерес», то есть стратегический приоритет высшего порядка. Bisley, Nick. Op. cit.

³⁹ Е Цзычэн. Указ. соч. С. 97. В КНР Южно-Китайское море называется «Южное море».

⁴⁰ Там же. С. 118—119.

⁴¹ Dai Bingguo. We must stick to the path of peaceful development // Foreign Affairs Journal. Chinese People's Institute of Foreign Affairs. Beijing. Spring 2011. P. 1—16.

⁴² Чжунго дэ хэпин фачжань. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь баньгунши. 2011 нянь 9 юэ [Мирное развитие Китая. Канцелярия информации Государственного совета Китайской Народной Республики. Сентябрь 2011 г.] // Beijing Review. No 37. September 15. 2011.

⁴³ У Цзяньминь. Цзайлай и гэ хуаньцзин шинянь : [Следующие десять лет международной обстановки] // Чжунго вайцзю. 2011. № 9. С. 3—5.

⁴⁴ Yang Wenchang. Diplomatic words of wisdom // China Daily. October 29. 2011.

⁴⁵ Ян Цзечи тань 2011 нянь Чжунго вайцзяо. Чжаньшэн тяочжань вэйху гоцзя лии : [Ян Цзечи рассказывает о внешней политике Китая в 2011 г. Победить вызовы, защитить интересы государства]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html> от 02.01.2012.

⁴⁶ См.: *Holyk, Gregory*. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // *Political Science Quarterly*. New York. Vol. 126. 2011. No 2. P. 223—254.

⁴⁷ Концепция «умной силы» (smart power, по-китайски «цзяо шили», что ближе к «умелой силе») была выдвинута Сюзан Носсель в 2004 г. в публикации в журнале «Foreign Affairs».

⁴⁸ *Brady, Anne-Marie*. China's Rise in Antarctica? // *Asian Survey*. Berkeley. Vol. 50. No 4. July—August 2010. P. 759—785. Здесь — p. 781.

⁴⁹ Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁰ Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в 2008 г. стороны впервые обменялись своими проектами возможного рамочного соглашения, включавшими территориальные уступки как путь к постепенному решению пограничного спора. Однако ничего нового они практически не содержали, «стороны оказались неспособны освободиться от взаимных подозрений». *Jacob, Jabin*. The Sino—Indian Boundary Dispute: Sub—National Units as Ice — Breakers // *Eurasia Border Review*. Slavic Research Center at Hokkaido University. Vol. 2, No 1. Summer 2011. P. 35—45, здесь p. 37—38.

⁵¹ China Violates Sovereignty. Viet Nam News. Hanoi. May 30, 2011.

⁵² Китайско-вьетнамское совместное заявление: Китай и Вьетнам заявили о намерении должным образом разрешить все морские вопросы. URL <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>

⁵³ Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011 // *Beijing Review*. September 22. 2011.

⁵⁴ Philippines walking a very fine line. Editorial // *Global Times*. Beijing. November 17. 2011.

⁵⁵ China — ASEAN Cooperation: 1991—2011 // *China Daily*. November 16. 2011.

⁵⁶ *Liu Weidong*. East Asia Summit Agenda // *China Daily*. November 16. 2011.

⁵⁷ URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁸ Такое предложение, поданное как «норвежская идея», содержится в докладе Ли Гана — сотрудника Института мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета КНР — Чжунго цзай цзецзюэ наньхай вэньтишан

сомяньлинь дэ тяочжань : [Китай в процессе разрешения вызовов, связанных с проблемой споров по Южному морю] // *World Development Working Paper Serie*. Beijing. August 2011.

Вместе с тем, идею «держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам использования морской акватории», озвучил и Хуан Гуйфан — китайский участник конференции по проблемам сотрудничества РФ и КНР в БРИКС и АТР (Москва, 1—2 декабря 2011 г.).

⁵⁹ См.: Фэнхуан чжоукань. Шэньчжэнь. 2011. № 30. С. 68—71. Еженедельник «Фэнхуан» («Феникс») считается принадлежащим гонконгскому капиталу. Издается в Шэньчжэне, иногда продается в пекинских газетных киосках.

⁶⁰ *Shambaugh, David*. Op. cit. P. 19—20.

⁶¹ *Лэ Юйчэн*. Дуй гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо дэ исе каньфа юй сыкао : [Некоторые взгляды и размышления о международной обстановке и дипломатии Китая] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 5. С. 3—8.

⁶² URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/US-China-joint-statement>

⁶³ Китайские эксперты: следующий год станет ключевым для китайско-американских отношений, требующим надлежащего реагирования сторон. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>

⁶⁴ *Cossa, Ralph, Glosserman, Brad*. Return to Asia: It's Not (All) About China // *PacNet*, Number 7. January 30. 2012 — Pacific Forum CSIS, Honolulu (URL: www.pacforum.org).

⁶⁵ URL: <http://www.mid.ru> (2012, 4 февраля).

Заклучение

Комплексное исследование процессов становления Китайской Народной Республики как ответственной глобальной державы позволяет уточнить теоретические представления о формирующемся многополярном мироустройстве и месте в нем России и Китая, о соотношении национальных интересов и учета озабоченностей мирового сообщества во внешней политике крупных стран. Напрашивается и включение понятия «глобальная ответственность великих держав» в категориальный аппарат теории международных отношений.

Согласие на идентификацию КНР как ответственной глобальной державы нелегко далось Пекину. Непросто идет и практический процесс обретения Китаем такого статуса и приведение в соответствие с ним внутренней и внешней политики страны.

Продвижение Китая к статусу «ответственной глобальной державы» четко выявило наличие в глобализирующемся мире определенных лимитов для реализации странами своих национальных интересов. Глобализация также ограничивает и международно приемлемый инструментарий этой реализации. Кроме того, многие аспекты внутренней политики страны, особенно имеющие заметное международное влияние, де-факто перестают быть сугубо «личным» делом суверенных государств и обретают достаточно весомый компонент глобальной ответственности. Представляется, что Россия объективно нуждается в более широком и полном понимании этих обстоятельств для обретения ею желаемого статуса полноформатного самостоятельного полюса многополярного мира.

Адаптация к новому, глобальному статусу Китая — необходимое условие для нормального развития самой России, сколь бы психологически болезненным ни было для нее возвышение КНР, еще два

десятилетия назад, казалось бы, во всем безнадежно отстававшей от нашей страны. Равноправное стратегическое партнерство с Китаем в обозримой перспективе может базироваться лишь на глубоком понимании Россией ее общегосударственных интересов и их последовательном отстаивании в отношениях с КНР в двустороннем и многосторонних форматах.

*Приложение***АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ВЕРСИИ РЯДА ГЛАВ
МОНОГРАФИИ****THE FORMATION OF CHINA AS A RESPONSIBLE
GLOBAL POWER**

The foreign-policy activity of China, which has noticeably increased in the first decade of this century, is accompanied by putting forward a number of concepts in Beijing, which are aimed at showing the world community the main targets, forms and methods of the country's activity in the international arena at the present stage and in foreseeable future. The concept of “peaceful rise” of China and the formula of “peaceful development” of the country, which replaced it, as well as the call for the creation of a “harmonious world” voiced by the PRC Chairman Hu Jintao in 2005, have evoked broad response worldwide. The broad discussion of these important ideas, which claimed prolonged attention of the geopolitical mainstream, has somewhat overshadowed the fact that parallel with it insistent demands began to be voiced in China itself and in other countries that the PRC as one of the leaders of the global economy should now take upon itself greater responsibility for the state of affairs in the entire world. Although the characteristic of the PRC as a “responsible power” appeared in the political parlance of Chinese diplomacy for the first time in 1999¹, official Beijing, having considered all pros and cons,

agreed with this definition only recently, preferring to correct it as follows: “The PRC is a responsible big developing country.” This definition was used by Yang Jiechi, the foreign minister of China, at a briefing in September 2009, informing the mass media of the results of the “G-20” financial summit in the U.S.A., attended by Chairman Hu Jintao². Besides, in an article on the 60th anniversary of New China's diplomacy published in the country's leading newspaper *Renmin ribao*, Yang Jiechi included “the rigorous performance of international duty and international responsibility” in the basic principles of the PRC's foreign-policy activity³.

The process of China's perception of its status as a global power was long and difficult.

During the first two decades of the existence of the People's Republic of China its international political activity was rather limited. The restoration of the legitimate seat of the PRC in the U.N. in 1971 created requisites for its more active participation in international affairs, however, they were not fully realized due to political instability inside the country and its own isolationist economic course.

The situation began to change due to China's turn to a policy of modernization, reforms and openness at the end of 1978. In 1980 the PRC became a member of the leading international financial institutions — the World Bank and the International Monetary Fund. The growing scope of foreign trade, the first experience of drawing foreign investments and setting up enterprises with the participation of foreign capital have revealed the need for the adaptation of the domestic economic legislation and the rules regulating foreign economic activity in China to the universally accepted international standards. This prompted the PRC to apply for joining the GATT in 1986.

Since the early 1980s the PRC has supported the peacekeeping operations under the U.N. aegis. China's official request for membership in the U.N. Special Committee on peacekeeping operations was approved by the 43rd session of the U.N. General Assembly in December 1988. In November 1989 the PRC began to take part in the U.N. peacekeeping operations⁴.

According to Chinese experts, the real “starting point” of China's greater participation in the international life was the end of the cold war⁵. Moreover, from a country throwing a challenge to the existing international system or keeping aloof from it, China began to turn into an “active

participant in and builder” of this system, demonstrating the image of a responsible power in the international arena⁶.

Beijing was prompted to intensify the most varied international contacts by the greater foreign economic openness of the country, which began with the well-known trip of Deng Xiaoping to Shanghai and Shenzhen in early 1992, and by the desire to leave the hypothetical position of the main rival of the United States and the West, which China had taken after the disintegration of the Soviet Union. It is indicative that in 1992 the PRC joined the Nuclear Non-proliferation Treaty, which had been harshly criticized in Mao's time. Beginning from the meeting of the heads of state and government of the member-countries of the Asia-Pacific Economic Cooperation Organization in Seattle in 1993, the PRC regularly participated in its annual summits. In the mid-1990s China took part in the activity of 80 percent of international organizations⁷.

Apparently, two events played the crucial role in changing Beijing's behavior. The first was the large-scale military exercises in the Taiwan Strait, which the PRC carried out in 1995—1996, demonstrating its dissatisfaction with the political course of the head of the Taiwan administration Li Denghui. Almost unanimous negative reaction of the world community to these actions made Beijing think more soberly of the limits of using the military force or the threat of its use to reach its aims. It was hardly accidental that in the summer of 1996 China joined the Treaty on the overall ban of nuclear tests and introduced moratorium on its own nuclear tests. The world community highly assessed the constructive stand of China in the period of the Asian financial crisis of 1997—1998, when the preservation of a stable exchange rate of the yuan and the PRC's financial assistance to a number of Southeast Asian states prevented the aggravation of the situation and enabled the region to overcome the slump of production within a short period of time. Chinese experts believe that the question of the identification of China as a “responsible big country of the international community” was put forward precisely against the backdrop of the Asian financial crisis. From that time on the PRC began to gradually integrate in the world system as a responsible power guided by this identity in its practical foreign policy⁸. Milestones along this road were China's joining the World Trade Organization (December 2001), signing the Kyoto Protocol (September 2002), and taking part in the dialogue of the “G-8” states with the biggest developing countries, beginning from the Evian

meeting in 2003. In the conditions of the world economic crisis of 2008—2009 the PRC came out as one of the most ambitious and influential members of the world financial “twenty”, that is, the group of the leading economies of the world (G-20). According to the *Renmin ribao*, “the PRC as a highly responsible big country takes an active part in international cooperation and devotes great efforts to oppose the current financial crisis”⁹.

A certain part of the Chinese expert community adhered to a **sceptical**, let alone **negative**, position on the question of the self-identification of the PRC as a responsible power, maintaining that this idea was of **western origin** and solidarity with it was not in the interest of the country. Sceptically-minded people recalled the words spoken by R. Zoellick, assistant Secretary of State of the U.S.A. published in 2005 and widely commented on by the international mass media, that the world would like to see China as a “responsible stakeholder” of the international system¹⁰. However, this was not the first statement of this kind in the West. Back in 1995, the U.S. Secretary of Defense W. Perry voiced the desire to contribute to making the PRC policy resemble a policy of a responsible world power, and in 1997 at a reception in honor of the PRC Chairman Jiang Zemin the then U.S. President Bill Clinton spoke in favorable terms of the important contribution of China to the development of the world community as a power bearing global responsibility¹¹.

In any case, western influence on the elaboration of the concept of its international responsibility by China is quite obvious. However, it's not a sin. First, as experts in China itself note, much of what comes from the West “plays an active role in the general history of mankind”¹². And this has a direct bearing on the idea of the special responsibility of big states for their actions in the international arena. Secondly, irrespective of the origin and development of the idea of its growing international responsibility, China was able to get an advantage for itself, having made it an effective instrument opposing the theories of “Chinese threat,” which invariably accompanied the country's economic growth and greater prestige in international politics beginning from the early 1990s¹³.

It is likewise important that the attempts of the U.S. and the European Union to force on China their vision of priorities and the degree of responsibility for its foreign and sometimes domestic policy¹⁴, de facto help Beijing to shape its own position, or, in other words, to consider the available opportunities and liabilities and evolve a “road map” in line with its

national specificity, which would contribute to broadening the spheres and diversifying the forms of realization of its global responsibility.

In our view, the question of the origin of the term “international responsibility” in relation to China is of secondary importance. Because **the emergence of the PRC to the position of a responsible global power has become a natural result of the country's development** and its inclusion in the world economic relations. On the one hand, China has gained a tangible advantage from globalization processes and the regionalization of the world economy during the past two decades, and on the other, it had to pay for its entry in the world market with the newly-emergent deep interdependence between it and many subjects of the international community. The first “derivative” of this interdependence was China's realization of the need to take upon itself a definite global responsibility, that is, to adapt itself to the existing rules of the game and act in the international arena proceeding not only from its own national interests, but also the interests, concerns and demands of other subjects of international relations, which invariably become greater along with the growing might of China itself.

Today China holds first place in the world in industrial and agricultural production — from TV sets and mobile phones to steel, cement, grain and meat. In the absolute GDP volume China is in second place in the world, its share in the world gross product increased from 3.9 % in 2003 to 10.4 % in 2011¹⁵. The PRC holds second place in the world in the volume of foreign trade, and first place in the volume of export. Its share in the world export of commodities grew from 5.9 % in 2003 to 10.4 % in 2008, and in import — from 5.3 % to 9.5 %¹⁶. Having been a big recipient of foreign investments from the late 1970s, China becomes an influential exporter of capital. In 2008 alone its direct foreign investments reached 55.9 billion dollars, more than 12,000 enterprises with the participation of Chinese capital have been set up in 174 countries and regions of the world¹⁷. Beijing's investment activity is increasing in Africa and Latin America. China has publicly announced its plans to create a big navy to ensure the security of the transportation of its foreign trade cargoes, especially oil.

It can be said that China's role and influence in the world have exceeded the limits of its participation in international affairs, which existed in the 1980s-1990s and were defined by Deng Xiaoping in his well-known words — “To calmly observe, gradually strengthen our positions, act with restraint, keep in the shadow, and undertake certain actions.” As follows

from comments by Chinese experts, one of Deng's aims was to save the country from taking a too great responsibility upon itself¹⁸. However, the situation has changed since that time, and recently the requirements of the country's sovereignty and development and the imperative of its international responsibility have begun to play a greater role in China's foreign-policy and economic strategy and security protection¹⁹.

Chinese political analysts have devoted more attention since the late 1990s to the elaboration of the **concept of the responsibility of China as a global power**²⁰. They are prompted by the insufficient elaboration of the category of big countries' responsibility in the general theory of international relations, and also by a desire to make public their own position. The initial complex of approaches to the problem of China's greater responsibility has already been determined. The following aspects are worthy of note.

The initial point of China turning to the idea of responsibility was its full understanding that a higher place and greater significance of the country in international relations do not entirely depend on its desire and growing might, but is mainly a result of the interaction of the PRC state interests and the expectations of the world community.

Accordingly, the general definition of “responsibility” is connected with the combination of “national interests” and the “interests of the world community.” In the view of one of the leading Chinese political analysts Wang Yizhou, China's acceptance of international responsibility corresponding to its possibilities means an increase of its contribution to and degree of participation in regional and global activity, with a view to China's strengthening and growing self-consciousness of its people gradually becoming a source of new progress of the entire world community²¹. Professor Yan Shengyi of Fudan University (Shanghai) emphasizes that China “cannot simply use the fruits of international security and prosperity, but it should bear proper responsibility for ensuring international security and order, it should not only protect its interests, but also take into account and protect the interests of other countries,” and “combine its vital interests with the interests of the whole of mankind”²². Undoubtedly, such statements are quite important. However, in this case priority is given to “protection of state sovereignty, security and the interests of China's development”²³.

A modest assessment of China's role in world affairs at present is quite widespread among Chinese experts. In Professor Yan Shengyi's words, "China is often a spectator so far, but not an actor, all the more so, not the director," its proposals to improve the world order are confined to formulating some or other principles, whereas concrete proposals are few and far between²⁴. Wang Yizhou shares this view, maintaining that China has given the world few 'international products so far,' that is, draft treaties, conventions, etc. which could be adopted and acted upon by the international community²⁵.

Hence, the limited character of China's responsibility is emphasized by many subjects of international relations. This is substantiated, first and foremost, by the need for the country to act "according to its strength," for in the per capita GDP China is even outside the first hundred of countries. A no smaller role is also played by Beijing's concern that some forms of responsibility forced on the country from the outside can hamper its development. This is why Chinese experts propose "to set up a mechanism of the just distribution of international responsibility between various powers in connection with the factors of their development level, aggregate might and historical responsibility"²⁶.

On the one hand, the desire to play a greater role in the world, and on the other, definite hesitancy in adopting concrete international obligations, adequate to its growing might, predetermine certain duality and contradictoriness in China's position in the present system of international relations. Beijing vociferously proclaims its support of the existing world order and does not intend to threaten or destroy it, and by entering into numerous international organizations it assumes the existing international restrictions²⁷. At the same time, Beijing proclaims its intention "to move the world order in a more just and rational direction"²⁸ and "contribute to its changing into a just, multilateral democratic order of a new type"²⁹. Along with this, Beijing sees the way to creating a new world order not in wars and revolutions, but in the security and development of all countries of the world, elimination of poverty, and adherence to the principles of good-neighborliness and cooperation.

There is also a certain contradiction in the problem of the priority zone of China's responsibility, that is, the problem of whether the PRC regards itself as an Asian power or as a global power. In 2003 Wang Yizhou stated plainly that "global responsibility for China is a long-term pros-

pect," and that responsibility as "an important regional power of the Asia-Pacific region" is the most important for it at present. Effective assistance to the general stability of the situation and greater trust and cooperation in the region, as well as a creative approach to neutralizing the existing seats of potential conflicts in the region would serve as the "touchstone" for China's entry into the world elite, along with the corresponding change of the scope and expansion of the spheres of its responsibility, as Wang Yichou maintains³⁰. Five to six years later, during which China's GDP grew by more than 50 percent and the foreign trade turnover increased threefold, the country still regards as its primary task "to be one of the main driving forces of the regional system"³¹. However, now it looks like China wants more, that is, to become "a responsible active power," which is shown, in the view of Chinese experts, by putting forward the strategy of the "peaceful rise" of the country by the PRC leadership³².

In our view, China orients itself to the gradual increase of its international responsibility with a view to strengthening the country's regional and global positions and improving its international image. Simultaneously, Beijing is quite outspoken in declaring that it intends to arrange this process as it thinks fit, strictly measuring the load of assumed responsibility, according to its possibilities and interests, and that it will not succumb to attempts to make it pull chestnuts out of the fire for some alien person.

Beijing also asserts that recognition of its growing responsibility for the world order and solution of a number of global problems is not identical with claims to the leading role, all the more so, to hegemony in world affairs. Inasmuch as responsibility and the leading positions in the world are very costly, it is too early for China to vie for world leadership, as was justly admitted by the Singapore newspaper *Lianhe zaobao*³³.

The conceptual vision by China of its growing global responsibility is more or less realized in its practical activity in the international arena. The American Sinologist Susan Shirk believes that the Chinese "recipe for gaining the reputation of a responsible player in the international arena" consists of three components: mutually satisfactory relations with the neighboring countries; the role of a team player in international organizations, and the use of economic ties for establishing friendly relations with various countries³⁴.

By now, China's status as a responsible global power has been manifested in such spheres as its work in leading international organizations and

protection of international security, the functioning of the world economy, and combat against global climate changes. Each of these spheres has a sizable “dossier” of practical measures and concrete obligations of China. We shall mention but a few major ones:

On August 6, 2002, the PRC made public a new concept of security, emphasizing the need to ensure comprehensive security of all countries of the world. Its pivot was the call to renounce the “games with a zero sum,” which presuppose ensuring one’s own security to the detriment of the security of other countries, and a proposal to search for a way to security through a dialogue and cooperation for reaching mutual or multilateral gain;

The PRC consistently advocates universal nuclear disarmament, invariably declares the principle of not to be the first to use nuclear weapon and of its unconditional non-use against non-nuclear states and nuclear-free zones. Beijing plays the irreplaceable role in the efforts of the world community to ensure the denuclearization of the Korean Peninsula;

Participation of the Chinese contingent in the peacekeeping operations in East Timor and Sudan (Darfur), as well as in other countries and regions has been widely acclaimed by the world public;

The PRC has done a great deal of work for adapting its national legislation to the WTO rules and consistently fulfills its obligations to this organization to lower customs tariffs and ensure free access of foreign business to its market of commodities and services;

The PRC makes a substantial contribution to the development of regional economic cooperation in such formats as ASEAN plus one (China) and ASEAN plus three (China, the Republic of Korea, Japan), the Shanghai Cooperation Organization, the East Asian Center of World Economy (China, Japan, the Republic of Korea), and also to the work of the organizations being formed, such as Russia-India-China, and Brazil-Russia-India-China-South Africa;

China consistently fulfills its obligations to assist developing countries, including writing-off a greater part of the debts of the poorest developing countries;

Just as during the Asian financial crisis of 1997–1998, China played a constructive role in opposing the world economic crisis in 2008–2009. The PRC was one of the first countries to have announced a large program of anti-crisis measures which gave an impetus to the growth of domestic

investment and consumer demand, thereby supporting producers not only in China, but also in many other countries of the world;

China, along with the United States, is one of the two biggest dischargers of greenhouse gases into the atmosphere, and in combating global warming, it upholds the principle of “universal, but differentiated responsibility.” Having published in 2008 a special White Paper of the government on combating climate changes, the PRC is now studying the possibilities of developing a low-carbon economy and using non-traditional energy sources. China carries on an intensive international dialogue on the broad range of problems connected with energy production, environmental protection, and minimization of the anthropogenic impact on climate.

In our view, the PRC has completed the initial adaptation to its status of a responsible global power.

The further movement of China along the road of broadening the spheres and enhancing its global responsibility will be determined, first and foremost, by such internal factors as the socio-economic well-being of the country, the formation and development of the institutions of civil society, inclusion of human rights problems in the system of national values, and realization by the elite, business community and people of the urgent need to organize the thoroughly ecological functioning of the national economy and society for a long time to come.

Much will depend on the reaction of the international community to the domestic and foreign-policy course of the PRC, its foreign economic policy and, above all, on the strengthening of China’s positions in the world. This reaction is rather contradictory. *The Economist*, one of the leading world weeklies published in London, has expressed the view time and again that the PRC takes upon itself less responsibility for global affairs than it could and should have taken in accordance with its weight in the world economy and trade. In March 2009, the journal wrote that China continued to act as a small country with an insignificant influence on the global system and therefore insignificant responsibility for it³⁵. Practically the same meaning was reflected in one of articles devoted to the 60th anniversary of the PRC: “The world has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still does not always act as one”³⁶.

However, there is quite an opposite view. Certain western experts, frightened as they are by the growing military and economic might of China and its self-confidence in international relations, insist that China is

not ready for playing a global role, inasmuch as its “economic importance is not automatically transformed into geopolitical one. And in the case of China, other major components of the genuinely global might — moral prestige, military strength, cultural influence... — are either at the initial stage or do not exist at all.” It is also asserted that China's global ambitions cannot be realized “without solving such pressing problems as widespread poverty, authoritarian rule, a culture suppressed by decades of isolation, and intentions which are difficult to grasp”³⁷.

Outside pressure on Beijing on the problem of global responsibility reflects not only its own drawbacks, but also the skeptical attitude of the West to China's assertions about its purely peaceful elevation, and apprehensions that “every success of China deals a blow at the leading position of the western model in the world”³⁸.

In this situation China wants to abandon the position of a big knot of modern international contradictions and tries to reduce the opposition of the outer world to its upsurge. Special hopes in this respect are placed on the concept of a “harmonious world” which is in line with the U.N. Charter in spirit and develops and enriches it. Besides, it can claim the role of a universal road map in the international relations of the 21st century³⁹. At the same time China is ready to engage in pragmatic work with such new reality as its status of a responsible global power. As the vice president of the Chinese Institute of international problems at the PRC Foreign Ministry Xu Jian has justly stated, China should have a sober and rational attitude to its responsibility and refrain from excessive optimism concerning its positive aspects, as well as from excessive worry concerning its negative aspects. Proceeding from its real possibilities, fundamental interests and the common interests of the international community, China should bear its responsibility and uphold its rights in the world energetically and cautiously⁴⁰.

It is now useless to try and forecast some or other nuances and concrete details of the further movement of China along the difficult road of bolstering up its status of a responsible world power. However, the optimal vector of this movement can already be seen today. In our view, it boils down to the gradual movement from the present restricted responsibility to responsible self-restriction in new spheres. This will only be possible if all other leading powers of the world act in a similar algorithm.

Notes

¹ The collection *China's Diplomacy* published in 1999 stated that “the image of China as a peaceful country striving for cooperation becomes clearer with every passing day.” Cited from *China's Diplomacy and International Development Strategy*. Beijing, 2009, pp. 175—176.

² The Head of the PRC Foreign Ministry about the results of Hu Jintao's participation in the U.N. summits and the financial summit of the “G-20.” — http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/27/content_351342.htm.

³ Yang Jiechi. Following the best traditions of the diplomacy of New China to carry on diplomatic work properly in the new situation // *Renmin ribao*, September 5, 2009.

⁴ Tang Yongsheng. China's Participation in U.N. Peacekeeping Regime // *Construction Within Contradiction — Multiple Perspective on the Relationship Between China and International Organization*. Beijing, 2003, p. 74.

⁵ Yan Shengyi. *Contemporary International Relations of China*. 2nd edition. Shanghai, 2009, pp. 340—341 (in Chinese).

⁶ *Ibid.* P. 339.

⁷ Hu Shuxiang (ed.). *China's Diplomacy and International Development Strategy*. Beijing, 2009, p. 182 (in Chinese).

⁸ *Ibid.* P. 247.

⁹ China to bolster image as a responsible big nation // *People's Daily online*. March 31, 2009.

¹⁰ Zoellick, R. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S. — China Relations. 2005, Sept. 21. Cited from Niu Haibin. *China's International Responsibility Examined // Contemporary International Relations*. Beijing, 2007, July/August, p. 82.

¹¹ *Zhonguo wajiaoyu guoji fazhanlue yanjiu*. Pp. 183, 181.

¹² Wang Yizhou. *New Heights of China's Diplomacy*. Beijing, 2008, p. 133 (in Chinese).

¹³ Detailed list of different variations of the “Chinese threat” theory during the 1990—2002 period is given in the chapter written by Yong Deng called *Reputation and Security Dilemma — China's Reaction to the “Chinese Threat” Theory* in the monograph *New Directions in the Study of China's Foreign Policy*. Stanford, 2006, pp. 191—195.

¹⁴ As Niu Haibin, associate of the Shanghai Institute of international studies, notes, China's responsibility, from the U.S. point of view, should include such spheres as acceleration of political reforms, more effective protection of the rights to intellectual property, lesser control over the exchange rate of the yuan, greater transparency of the military budget, greater contribution to the U.N. The European Union in a document published in 2006 "EU — China: partnership and greater responsibility" gives pride of place to the problems of climate change, human rights, trade policy, and assistance to the poorest countries (Niu Haibin. Op. cit. P. 82).

¹⁵ Data of the international Monetary Fund and calculations based on them (*World Economic Outlook Database*. July 2012 Edition.) China's share in the world gross output in calculations on the parity of the purchasing power of national currencies comprised 14.3 % in 2011.

¹⁶ WTO 2012 Press Release — http://www.wto.org/english/news_e/press12_e/pr658_e.htm

¹⁷ China Steps up Participation in International Investment Cooperation // Xinhua Agency. October 8, 2009.

¹⁸ Hu Shuxiang. Op. cit. Pp. 62—63.

¹⁹ Wang Yizhou. *Global Politics and China's Foreign-policy Course*. Beijing, 2003, p. 317 (in Chinese).

²⁰ Apparently, this term was first used at the end of 1999 in an article by Wang Yizhou, deputy director of the Institute of world politics and economics of the Academy of Social Sciences of China, entitled *Chinese Diplomacy on the Eve of the 21st Century; Three Imperatives and Balance Between Them* published in the journal *Strategy and Management*. No 6, Beijing, 1999, pp. 18—27 (in Chinese).

²¹ Wang Yizhou. *New Heights of China's Diplomacy*. P. 28.

²² Yan Shengyi. *Contemporary International Relations of China*. Pp. 344, 366.

²³ According to the Foreign Minister of China Yang Jiechi, "protection of state sovereignty, security and development interests is the initial and ultimate aim" of China's foreign-policy activity (*Renmin ribao*, September 5, 2009.) This idea was earlier voiced in almost the same words in Yang Shengyi's monograph: "a prerequisite of assuming international responsibility is non-infliction of damage to one's own sovereignty, security and development." (Yan Shengyi. Op.cit. P. 366).

²⁴ Yan Shengyi. Op. cit. P. 344.

²⁵ Wang Yizhou. *New Heights of China's Diplomacy*. P. 61.

²⁶ Yan Shengyi. Op. cit. P. 366.

²⁷ *Ibid.* P. 343.

²⁸ Hu Shuxiang. Op. cit. P. 247.

²⁹ Yan Shengyi. Op. cit. P. 344.

³⁰ Wang Yizhou. *Global Politics and China's Foreign-policy Course*. Pp. 320—321.

³¹ Yan Shengyi. Op. cit. P. 344.

³² Hu Shuxiang. Op. cit. P. 299.

³³ *Lianhe zaobao*. Singapore. 07.04.2009. Cited by <http://world.people.com.cn/GB/9088294.html>.

³⁴ S. Shirk. *China: Fragile Superpower*. Oxford, 2007, p. 109.

³⁵ *The Economist*. London, March 21—27, 2009, p. 130.

³⁶ The world has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still does not always act as one — <http://www.economist.com/PrinterFriendly.cfm?story.id=14548871>.

³⁷ Wines M., Wong. E. An Unsure China Steps On to the Global Stage // *The New York Times*, April 2, 2009.

³⁸ Yan Shengyi. Op. cit. P. 385.

³⁹ Hu Shuxiang. Op. cit. Pp. 222—335.

⁴⁰ Hu Jian. *Theoretical Reflections on Building a Harmonious World // China International Studies*. Beijing. Spring 2007, p. 46.

FOREIGN-POLICY INSTRUMENTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (PARTNERSHIP, GOOD-NEIGHBORLINESS, POSITIONING IN THE UN)

Having preserved its adherence to the fundamental principle of the independence of its foreign policy, the People's Republic of China, nevertheless, started the thorough renovation of its instruments in the early 1990s. This was due, first and foremost, to the objective necessity to keep apace with time and adapt to major changes in the world situation, which included the disintegration of the U.S.S.R. and the disappearance of the bipolar world which existed for about half a century.

The more energetic international activity of China was advocated by its new leadership headed by Jiang Jiemin and by the architect of the policy of modernization, reforms and openness, Deng Xiaoping, in his speeches during a trip to the southern regions of China in January-February 1992.

The prolonged negotiations on China's joining the World Trade Organization, which was crowned with success in 2000 (China became its full-fledged member a year later, on December 11, 2001), also acted in the same direction.

The renovation of the instruments of the country's foreign policy was prompted, if indirectly, by the appearance in the mid-1990s of numerous theories of a "Chinese peril" and the "forthcoming collapse of China," following the first signs of China's advancement to the group of the leading world powers. These theories and assertions should have been answered not only by counter-propaganda, but also by weighty arguments. And the impressive strengthening of the economic might of the PRC has predetermined the greater activity of its economic policy during the past decade.

A no small role is being played by China's self-identification as a responsible world power. It is directly connected with Beijing's desire to improve the attitude to and impression of China abroad and lend a respectable interpretation to foreign-policy concepts and instruments in its international activity as a whole.

We shall try to examine in greater detail such key instruments of the PRC foreign policy as partnership, good-neighborliness and positioning in the UN.

Partnership

The creation of a system of partnership relations with different countries and their associations has been one of the basic trends in the renovation of China's foreign-policy instruments since the early 1990s. First of all, partnership relations have been established with its neighbors, including Russia, India, Pakistan, Nepal, the ASEAN countries, the Republic of Korea, Mongolia, Indonesia, the Philippines, Kazakhstan and Japan. Later the process has gone beyond the boundaries of the area close by, and at present China has partnership relations with several dozen countries all over the world.

According to Chinese political analysts, the "partnership" formula is a major innovation of China and its tangible contribution to international relations after the termination of the Cold War. Among the principal specific features of partnership policy offered by Beijing to members of the international community are renunciation of direct challenge to the existing world order, non-membership of any alliances with a view to opposing a third state, active promotion of the mechanisms of consultations and cooperation, and search for points of coincidence or affinity of mutual interests. The format of partnership has become part of the general foreign-policy strategy of the PRC oriented to the creating of an international situation favorable for the long-term peaceful development of the country. Inasmuch as partnership relations mean the break-up with the traditions of entering alliances and confrontations, the formation of a network of partnership relations, as the PRC asserts, "largely broadened the foreign-policy sphere of China"¹.

In practice, the partnership formula has contributed to the formation of a favorable international situation for China in several directions.

Firstly, it allowed China to lower the confrontation level in bilateral relations with such difficult partners as, for instance, the United States and Japan. In this sense, the instrument of partnership indirectly served the purpose of raising the security level of China.

Secondly, the stake on cooperation, consultations, search for mutual benefit or, at least, points of coincidence, but not pressure or forcible methods, improved the general atmosphere of bilateral relations with a partner-country and facilitated solution of complex problems facing China.

Thirdly, the partnership formula lowered the tension caused by the "Chinese peril" theory, whose various modifications exist to this day.

Following the overall strengthening of China and its active entry to the international arena, the partnership formula has acquired additional functions and successfully developed its initial orientations. Along with the active promotion of the "new security" concept by China at the turn of the century, the partnership relations of the PRC with other countries have become to be regarded as the backbone of the general security system of the country².

On the whole, by estimates of western analysts, the partnership formula has emerged as a thoroughly thought-out strategy allowing the country to avoid all and sundry international threats during the transition period of the late 20th-early 21st century. The core of this strategy was the "rule of avoidance," which enabled China to avoid the historical destinies of such developed states as France, Germany and Japan, which had prematurely thrown a challenge to the existing hegemon. Inasmuch as the period of China's movement forward may take the following thirty to fifty years, de facto its partnership acquires another function, becoming actually the Chinese method of "shaping the policy of a great power"³.

The concrete forms of partnership in the PRC foreign policy during the past decade have been distinguished by a noticeable variety from country to country.

A classical example is provided by the PRC relations with post-Soviet Russia. It was noted by the Joint Russian-Chinese Declaration of 1994 that "the new relations of constructive partnership, and genuinely equal relations of good-neighborliness, friendship and mutual benefit based on the principles of peaceful coexistence developed between the Russian Federation and the People's Republic of China"⁴. A similar document of April

25, 1996 stated that the two countries decided "to develop the relations of equal and trusted partnership aimed at strategic interaction in the 21st century"⁵.

Finally, beginning from 2001, that is, the moment of signing the bilateral Treaty on Good-neighborliness, Friendship and Mutual Cooperation, "strategic interaction" of China and Russia has been characterized as really existing one⁶.

The modification of the concrete definition of China's partnership relations does not concern Russia alone. In 1996 its relations with India were characterized as "relations of constructive cooperation and partnership oriented to the 21st century." In 2005 it was stated that China established "the relations of strategic cooperation and partnership oriented to peace and prosperity" with India. China agreed with Pakistan in 1996 to establish the relations of "all-round cooperation and partnership." The definition of "strategic partnership relations" is mentioned more and more often. Sometimes, "individualized" definitions are used. For instance, in 1998 "the relations of friendly cooperation and partnership for the benefit of peace and development" were established with Japan, and in 2006 a new definition was introduced, namely, to strive jointly for the establishment of "the relations of mutual most-favored nation treatment based on common strategic interests"⁷.

On the whole, a change in the concrete definition of partnership reflects either an improvement of bilateral relations or a deepening and broadening of the spheres of the practical interaction of the PRC with one or another country. However, sometimes it proves difficult to squeeze concrete bilateral relations into the "Procrustean bed" of one or another formula. This concerns, above all, the relations between the PRC and the U.S.A. which have tried to brand "partnership" at various stages as "constructive strategic partnership," "strategic partnership in the face of common challenges," or "interaction of responsible interest-holders." However, certain Chinese experts believe that special difficulties and complexity of the present Chinese-American interaction presuppose the preferable use of the simplest and broadest concept of "partnership." It is neutral and covers both cooperation and competition, and also the existence of real chances not only for broad cooperation, but also various frictions. This partnership should be based on the strategic long-term interests of each of the two countries. It should also be borne in mind that the differences be-

tween China and the United States in ideology, the social structure and the system of values make the task of building “strategic trust” between them a rather difficult matter. At the same time the presence of a broad range of regional and global problems causing concern of both Beijing and Washington and intensive bilateral ties in the most diverse spheres create many opportunities not only for mutual conflicts and frictions, but also for cooperation with a view to gaining mutual benefit⁸.

A considerable variety of concrete variants of partnership of the PRC with foreign states makes their definite hierarchy quite natural.

An attempt to construct such hierarchy has been made by Yan Shengyi, an international affairs expert of Fudan University⁹. This Shanghai scholar singled out the Chinese-Russian relations of strategic partnership as the highest form of partnership. In his view, they cannot be influenced by time or any events, ideology or a system of values. They are based on the community of interests of the two countries and unity or affinity of views on many crucial issues, and in resolving major regional and bilateral problems both China and Russia can hold equal consultations and act in the spirit of mutual concessions. Such are real relations of strategic partnership and all-round cooperation.

The relations of China with the Republic of Korea, Ukraine, Kazakhstan, Canada, Mexico, RSA, the Organization of African Unity, and Brazil with which China has no conflict of vital interests are characterized by Yan Shengyi as “partnership relations of friendly cooperation.”

China has common interests with ASEAN and the European Union, which make it possible to develop cooperation on the basis of equality and mutual benefit. At the same time the parties have differences on a number of questions, and the level of their mutual trust needs further improvement. Partnership with them can be characterized as “agreed-on” or “co-ordinated (xietiaoxing de).”

As to the United States and Japan, Yan Shengyi maintains that they regard China as a potential rival and enemy. The parties have evident differences on a number of major problems, besides, their strategic aims also differ. At the same time China has common interests with the United States and Japan in the defense of peace, regional and global stability and the development of economic, trade and scientific and technical exchanges. This is why there is a possibility, through joint efforts, to establish

and develop the relations of genuine partnership, which could be characterized as “constructive partnership of a pragmatic type.”

In our view, while examining the present partnership relations of the PRC with various countries it should be borne in mind that in reality they are developed and modified and given new essence, and secondly, they remain highly individualized.

Indicative in this respect is comparison of the Chinese-German joint communique on the results of the visit of the German Chancellor Angela Merkel to China (July 15–18, 2010) and the Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China on the results of the visit to China of the Russian President Dmitri Medvedev (September 26–28, 2010). Both documents have rather similar but still slightly differing titles: “On All-Round Promotion of Relations of Strategic Partnership” in the case of Germany, and “On All-Round Deepening of Relations of Partnership and Strategic Interaction” in the case of Russia¹⁰. There were more differences in the concrete essence of the documents. A considerable part of the Chinese-Russian document was devoted to the evaluation of the international situation and the interaction of two sides in world politics and economics. Bilateral cooperation was dealt with thoroughly enough, but without too many details. The Chinese-German communique dealt with world problems selectively. On the contrary, economic cooperation took up two-thirds of the document with many details. Doubtlessly, it was due to the fact that commodity trade turnover of China with Germany exceeded \$105 bln even in the crisis year of 2009, whereas with Russia it amounted only to \$38.8 bln¹¹. The Chinese-German humanitarian and cultural cooperation is not inferior to the Russian-Chinese one in several spheres. For example, the two countries have successfully carried out “the Chinese-German Year of Science and Education” and set up a bilateral youth association, which plays an active role in establishing exchanges and long-term development of bilateral relations.

Summing up, one can make a conclusion that the establishment of various partnership relations with many countries and regional interstate associations has become an important instrument of China’s foreign policy in the past two decades.

The institution of partnership has demonstrated its effectiveness, having ensured a definite lowering of the level of international opposition to the dynamic development of China. At the same time partnership remains

to this day a kind of an “open book”: its functions, forms and essence will further develop, continuing to remain part of the foreign policy of the People's Republic of China for a long time.

Good-neighborliness

Good-neighborliness as an instrument of the PRC foreign policy has common roots and points of coincidence with the policy of partnership¹². However, as Beijing's international activity becomes more energetic in the “post-bipolar period,” a border line has appeared between partnership and good-neighborliness, and the latter has acquired its own place among the many forms and methods of the implementation of the PRC foreign policy.

In contrast to partnership whose potential object is practically all members of the world community, the policy of good-neighborliness is addressed to a more concrete area — the geographical neighbors of the People's Republic of China. There are two interpretations in Chinese political science of the “neighbor belt” surrounding China. According to a more narrow interpretation, this belt includes only those countries which directly border on China. There are 14 states which have land border with the People's Republic of China: the Democratic People's Republic of Korea, Russia, Mongolia, Kazakhstan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan (through the part of Kashmir under its control, which Russian maps show as one belonging to India), India, Nepal, Bhutan, Myanmar, Laos and Vietnam. The matter is more complex with regard to the states having a sea border with China. Along with seven Chinese neighbors bordering on China in the sea (the DPRK, the Republic of Korea, Japan, the Philippines, Brunei, Indonesia and Malaysia), one can come across ten such states¹³. However, there is a broader interpretation of China's “neighbor belt,” which includes, apart from close neighbors, some other countries and regions. Yan Shengyi, who uses the concept of “big neighbor surrounding” of China, includes in it the Middle East, Australia, New Zealand and the United States¹⁴. Chen Xiangyang, an associate of the Institute of World Politics of the Chinese Academy of Contemporary International Relations, singles out six zones of the “big neighbor surrounding of China.” They include Central Asia, South Asia, Southeast Asia, Northeast Asia, West Asia and the Southern zone of the Pacific¹⁵.

In our view, an expansive interpretation of the composition and structure of the neighbor surrounding of China is directly connected with the country's acquiring global roles in world politics and economics, which is quite natural. However, it is evident that such an approach is fraught with the withering away of the policy of good-neighborliness, which has not yet entrenched itself and has not been elaborated well enough. This is recognized by Chen Xiangyang himself, who notes the mutual “superposition” of the policy of good-neighborliness in the expansive interpretation of its object on the policy of China toward the great powers and the developing world. In the context of the highly dynamic development of the entire complex of the foreign ties of the PRC, one should not exclude a possibility of the subsequent transformation of the policy of good-neighborliness into a broader “multilateralism,” that is, multilateral diplomacy. In any case, we have all grounds to assert that within the past two decades (1991—2010) the Chinese policy of good-neighborliness was formed and acted as an independent phenomenon.

The PRC's transition to the policy of good-neighborliness has been prompted by the need to improve its relations with the neighboring states considerably, which left much to be desired in many cases by the early 1990s.

The first steps to improve the situation included normalizing the relations with the Soviet Union (1989) and signing an agreement with it on the Chinese-Soviet border line at its eastern part (May 1991), restoring diplomatic relations with Indonesia (1990) and establishing them with Singapore (1990), Brunei (1991), and the Republic of Korea (1992), normalizing the relations with Vietnam (1991), recognizing the post-Soviet states in Central Asia and establishing diplomatic relations with them.

In the 1990s China made a progress in resolving border problems with Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan and agreed on the measures of trust in the military sphere and on the mutual reduction of the armed forces in the vicinity of the border. On the basis of these measures the organization of regional interaction was formed — first, the Shanghai Five and then the Shanghai Cooperation Organization. The multiform Chinese support of the ASEAN countries during the Asian financial crisis of 1997—1998 created prerequisites for a considerable activation of Beijing's policy in Southeast Asia. The visit of Jiang Zemin to Japan in 1998, laid the ground for a certain improvement of China's relations with

Japan. In his report to the 16th Congress of the Communist Party of China in November 2002, he officially proclaimed a course to good-neighborliness and friendship with a view to broadening regional cooperation and raising the level of exchanges and interaction of the PRC with neighboring countries¹⁶. This course was further promoted in a statement of the PRC State Council Premier Wen Jiabao at the ASEAN Business and Investment Summit on October 7, 2003, entitled "China's Development and Asia's Rejuvenation." It coincided with the beginning of the propaganda campaign of "the peaceful rise of China," which was aimed at convincing its neighbors not only in Southeast Asia of the groundlessness of their apprehensions in connection with the growing rates of the country's economic progress.

Wen Jiabao proclaimed Beijing's adherence to the course aimed at "friendly neighborliness," "safe neighborliness" and "flourishing neighborliness," meaning the existence of harmonious interstate relations, joint defense of regional peace and stability, the overcoming of any differences by negotiations, the strengthening of mutually beneficial economic cooperation and the broadening of integration processes at regional and sub-regional levels. Having approved the course to "friendly," "safe" and "flourishing" neighborliness, the PRC Chairman Hu Jintao, in his speech at a meeting with Chinese diplomats in August 2004, called for combining the strengthening of the friendly nature of the country's bilateral relations with the neighboring countries with the development of regional cooperation¹⁷.

Initially, the main aims of the policy of good-neighborliness included, first, stable harmonious relations with the neighboring states based on the steadily growing mutual political trust, secondly, the strengthening of China's cooperation with its neighbors in the sphere of security and the formation of a "peaceful, calm surrounding" around it, and thirdly, the development of mutually advantageous trade and economic cooperation, including in the interests of stepping up integration processes. Subsequently, another aim of good-neighborliness policy was to improve the image of China in surrounding countries, which presupposed an increase of cultural-humanitarian aspect, which previously had not existed almost entirely.

Practical measures to broaden good-neighborly relations served several aims at once. It is quite evident that solution of border problems with one or another country by China also contributed to improving bilateral

relations with it, greater security of China and deeper mutual political trust, which, in turn, facilitated the development of bilateral trade and economic ties. So, the policy of good-neighborliness pursued by China is effective due to its comprehensive character.

This character can well be traced in the traditional diplomatic proposals on improving the PRC relations with one or another country, and recently all important visits at the head of state or government level do not dispense with such proposals.

Indicative in this respect are proposals for improving bilateral relations addressed by China to India. Following the signing of the principally important agreement on major political principles in solving the problem of the Chinese-Indian border, Premier Wen Jiabao, during his visit to India in April 2005, proposed to approach bilateral relations from the strategic angle and on the basis of the general situation and to raise their level; step up cooperation in the international arena for protecting the rights of the developing countries and promoting the democratization of international relations; broaden trade and economic cooperation on the principles of mutual benefit; expand cultural and humanitarian exchanges, hold "The Year of Chinese-Indian Friendship" in 2006 and carry on exchanges of young people; foster trust in the sphere of security, increase mutual dialogue and exchanges in the military sphere and improve cooperation in fighting terrorism and trans-border crime; promote negotiations on the border questions, ensuring tranquillity in border districts and turning the border districts of the two countries into a belt of peace, friendship and cooperation.

In November 2006 Chairman Hu Jintao during his visit to New Delhi once again had put forward similar proposals, and in September 2008 the PRC foreign minister Yang Jiechi voiced the general formula of the development of the Chinese-Indian relations as "peace, friendship, mutually beneficial cooperation, and joint development"¹⁸.

On the whole, in the view of one of the leading Chinese experts on international affairs Wang Yizhou, the policy of good-neighborliness proved quite effective. China's relations with almost all of its neighbors have improved. Bilateral trade and economic relations have developed dynamically (the volume of the PRC trade with ASEAN increased from \$8.4 bln in 1991 to \$160 bln in 2006). One can also talk of a definite softening and stabilization of the security situation. The formation of good-neighbor pol-

icy on the basis of its state interests and the principles of equality and mutual favored-nation treatment has proved its value, which makes possible its continuation and development in the future¹⁹.

In our view, there is another achievement of the policy of good-neighborliness, namely, it contributed to an improvement of China's image in nearby countries and also the general atmosphere of relations between them. In a number of instances it helped find mutually acceptable solutions to old problems (for instance, the border problem in the Russian-Chinese relations along some of the border rivers).

At the same time, Chinese good-neighbor policy has certain limitations and shortcomings. It has not resulted in reaching agreement on the question of the border between China and India. The reason is due, perhaps, to the emerging rivalry between the two powers. The unprecedentedly rapid economic growth of China was accompanied with the rising demand for natural resources of the neighboring countries and their markets for Chinese goods. China's growing "thirst for resources" and the growing competition of Chinese goods are the cause for worry of the local producers in neighboring countries²⁰. If the growing volumes of bilateral trade of one or another country with the PRC please its ruling circles and big business, the reaction of the public and rank-and-file citizens can be negative in some cases. The increase of direct Chinese investments in neighboring countries is sometimes conditioned by sending Chinese workers to joint ventures, which caused frictions in Vietnam and India interested as they are in granting jobs to their local residents. This is why the "soothing" language of the Chinese policy of good-neighborliness does not always produce the desired effect.

A solution to the problem of the islands in the South China Sea claimed, apart from China, by several Southeast Asian countries²¹ is a the real test of Chinese good-neighbor policy.

However, all difficulties notwithstanding, China is interested in preserving the present format of good-neighbor policy for a long time to come. In the view of Chinese experts, it is precisely the "neighbor surrounding" that is the main zone of the realization of China's state interests beyond its borders and the main sphere of projecting its entire might²². Unquestionably, the prospects for continuing and improving the Chinese policy of good-neighborliness will largely depend on the response to it on

the part of the countries to which it is addressed, provided it is adequate and advantageous for Beijing.

The PRC and the UN

Having become a member of quite a few influential international organizations and a user of negotiation mechanisms, China continues to regard its work in the UN as one of the most important. It is connected, among other things, with the fact that, according to Chinese experts, "there is no other organization where China occupies a higher place than in the UN and no other organization has exerted a greater influence on it than the UN"²³. It was also because the fundamental principles of the UN charter and its central role in resolving international conflicts and determining and reaching the long-term aims of global development proved conformable to the main premises of the foreign-policy course of present-day China, including its concept of a harmonious world, protection of the rights of all countries to independent choice of development, and rejection of hegemony in international relations in any forms or "national colors."

It is a well-known fact that Beijing's relations with the UN were far from simple. During the period between 1949 and 1971 the place of the PRC in the UN and its Security Council as permanent member was taken by representatives of the Taiwan administration who acted under the flag of the "Chinese Republic." Naturally, the attitude of the PRC to the UN was expressed in "outspoken displeasure, criticism and denunciation"²⁴. After restoring the legitimate rights of the PRC in the UN by the results of the vote at the 26th Session of the General Assembly in October 1971, Beijing's relations with the UN entered into the phase of normalization, "participation and cooperation," but right up to the early 1990s China was not too active in the organization.

The situation began to change after the well-known trip of Deng Xiaoping to the south of the country in January-February 1992, which began China's return to pursuing the policy of reforms and openness and completed the period of the strengthening of conservative-isolationist tendencies in the PRC leadership (that is, after the forcible suppression of student demonstrations in Beijing on June 4, 1989). The need for a more energetic activity in the international arena was prompted by the task of up-

holding the development and interests of China after the disintegration of the U.S.S.R.

China joined the main contractual-legal systems and covenants of the UN, including on the problems of the protection of intellectual property, biodiversity, human rights, sea law and nuclear security in 1992. China was one of the first states to sign the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and Their Destruction. In 2003 the PRC signed, and in 2005 ratified, the UN Convention against Corruption²⁵. In 1997 the PRC signed the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, and in 1998 — the Covenant on Civil and Political Rights (the covenants were adopted by the UN on December 16, 1966 with a view to disseminating the basic ideas and principles of the UN Declaration of Human Rights of December 10, 1948)²⁶.

The PRC cooperates with the UN specialized bodies, often rendering free assistance to their missions in Beijing and takes part in rendering help to the poorest countries. In turn, China itself receives certain financial assistance from several organizations of the UN, above all, from the UN Development Program²⁷. On the whole, China succeeded in creating a mechanism and practice of “normative” cooperation with the UN, that is, in line with its standards and capable to serve as an example²⁸.

From a “silent toiler” of the 1970s-1980s in the UN, China turned into one of the steady supporters of the UN-proclaimed aims of global social and economic development and active participant in most negotiation processes on the questions of disarmament and non-proliferation of nuclear weapons. The PRC uses the UN rostrum more and more often to promulgate its own principles. Chairman Hu Jintao, speaking at a meeting of the heads of state of the UN member-countries on September 15, 2005, on the occasion of the 60th anniversary of the organization, put forward several proposals aimed at creating a “harmonious world”, among them, support of multilateralism with a view to ensuring general security, developing mutually beneficial cooperation in the interests of common prosperity, and jointly constructing a harmonious world on the basis of cultural and civilizational multiformity²⁹.

All this gives ground to Chinese experts to directly connect the activity of the PRC at the UN at the present stage with the realization of the function of a “responsible power.” “China should not only implement its plans

properly, but also take care of the happiness of the entire world and the whole of humanity.” It is emphasized that “China displays more and more attention to the affairs of the outside world and takes part in the work of the UN Security Council in resolving conflicts”³⁰.

A whole number of concrete steps of China in the UN is qualified precisely in the context of its status of a responsible power.

First, it concerns China's obligations to render assistance to the poorest countries, which Chairman Hu Jintao announced at the proceedings of the 60th jubilee session of the UN General Assembly in 2005. They included the zero balance run of customs tariffs for export commodities of 39 poorest countries; the writing-off of their overdue debts to the PRC on interest-free and low-interest loans; personnel training; the construction and improvement of the infrastructure of the health protection system; credits on favorable terms³¹.

Secondly, China's status of a responsible power is specially emphasized in case of its “thoroughly thought-out and cautious use of the right of veto.” The point is China's veto in the Security Council vote on sending a group of military observers to Guatemala (October 1, 1997) and also on prolonging the stay of the UN military mission in Macedonia with preventive aims (February 25, 1999). In both cases China was guided, as it declared, by the “fundamental principle of the protection of sovereignty,” inasmuch as Guatemala, ignoring the PRC warning, had invited to the signing ceremony of peace agreements a representative of the Taiwan administration, and Macedonia established diplomatic relations with Taiwan on February 8, 1999. In January 2007 the PRC, together with Russia and RSA, voted against the draft resolution of Great Britain and the United States “On the Situation in Myanmar,” due to the fact that there was no threat to peace and security in the region on the part of Myanmar³². On July 11, 2008, the PRC, along with Russia, also voted against the resolution submitted by the United States and Britain denouncing the internal policy of President Mugabe in Zimbabwe.

Thirdly, Beijing's consistent support of the basic aims and principles of the UN and its key role in ensuring world peace confirms the responsibility of the People's Republic of China as a global power, according to Chinese experts. Chairman Hu Jintao noted in his speech at the 60th session of the UN General Assembly that “the UN as the nucleus of the mechanism of collective security plays an indispensable role in international cooperation

to ensure global security. Its role should only be consolidated, but not weakened. The standards and principles determined by the UN Charter... have become the generally recognized basic criteria of international relations, which should be strictly observed”³³.

Fourthly, the growing responsibility of China as a member of the international community has been revealed in increasing its contribution to the UN budget. Its share was lowered to 1.62 % in 1980, as compared to 5.5 % in the 1974—1979 period; in 1983 it was again lowered to 0.88 %. In the 1987—1997 period it fluctuated between 0.7 and 0.8 %. The gradual growth of China's share to the UN budget began in 1998 (0.9 %). It exceeded 2 % since 2003 and reached 2.7 % in 2007. To compare: Russia's share was 1.2 % in 2007, whereas the share of the U.S.S.R. was 9.99 % in 1990—1991³⁴. The subsequent increase of China's contribution to the UN budget brought it to 3.1 % at present³⁵.

Perhaps, the status of China as a responsible global power is most of all realized in such sphere of the UN activity as the *peacekeeping operations* under its aegis. The PRC joined the work of the UN Special Committee on Peacekeeping Operations in 1988, and in April 1989 it sent twenty persons to the UN Transition Assistance Group (UNTAG) to observe elections in Namibia. In 1992 four hundred Chinese civil engineers were dispatched to the UN Transitional Authority in Cambodia. In all, China took part in 18 peacekeeping missions of the UN in the period between 1990 and 2009, having sent abroad more than 11,000 persons, including 1,100 military observers. By June 30, 2009, there were 2,148 persons from the PRC in UN peacekeeping missions. China holds 13th place among all countries which sent their peacekeeping contingents to the UN. Big contingents of Chinese peacekeepers include engineers, doctors and transport groups who worked in Bukavu (Congo), Liberia, Sudan and Lebanon. According to estimates, China has dispatched more peacekeepers than other permanent members of the UN Security Council. In this connection a peacekeeping center at the PRC Ministry of Defense was set up in Beijing in June 2009 for training personnel and exchanging experience in this sphere.

On the whole, the active participation of the PRC in peacekeeping operations, in the view of Chinese experts, reflects the country's efforts to fulfill its obligations in ensuring international peace and security³⁶. At the same time it helps Beijing better integrate in the international regime of

maintaining security and thus contribute to its own security. Finally, inasmuch as participation in peacekeeping activity allows China to demonstrate its potential might, it can serve as an important strategic resource of the country³⁷.

The main features of the PRC positioning in the UN are reflected in the *evolution of its approach to the reform of this organization*.

The question of the reform of the UN was first placed on the agenda at the initiative of the developing countries in 1979. They asserted, above all, that the structure and methods of work of this organization inherited from the initial period of its activity, when there had been several dozen countries among its members, should be brought in line with such new realities as the emergence of a big group of independent developing countries, and the threefold increase in the number of the UN member-states. The disintegration of the U.S.S.R. and such organizations as the Comecon and the Warsaw Pact connected with it, which heralded the end of the epoch of the bipolar world, made the task of reforming the UN still more urgent. A special working group was set up in 1993 which became the most important forum for discussing proposals on the reforms of the UN and its Security Council. On March 20, 1997, the working group submitted proposals on the reform, prepared in the form of a draft resolution of the UN General Assembly. These proposals, which became known as Razzali Report on the Reform of the UN, envisaged an increase in the number of the Security Council members from 15 to 24, and an addition of five permanent and four non-permanent members. The geographical principle of representation in the Security Council was made stronger. It was supposed to limit the use of the right of veto with its subsequent abolition. The new permanent members of the Security Council should not have had it³⁸.

After several years of discussions, a report on the reform of the UN and the Security Council was made by the UN Secretary General Kofi Annan in March 2005. His proposals were close in essence to those contained in the Razzali Report. Kofi Annan suggested, among other things, that the number of the Security Council's members be increased from 15 to 24, true, with increasing the number of its permanent members to 11, and only five of the former permanent members retaining the right of veto. Kofi Annan thought that the reform would be carried out within a very short time and its details would finally be agreed on at the jubilee 60th session of the UN General Assembly in September 2005. His report gave an

impetus to Germany, Japan, Brazil and India, which called for their inclusion as one group in the number of the permanent members of the Security Council. However, there was no consensus at the session, and the problem continues to be discussed to this day.

Three stages can be singled out in the approach of the PRC to the reform of the UN.

In the 1990s Beijing actively supported the reform of the organization, inasmuch as it was in line with the Chinese thesis on the need to create a new world political and economic order. China advocated a greater emphasis on economic and social problems in the UN activity, wider representation and greater consideration of the interests of the developing countries. China's view of the role of the UN and the tasks of its reforming were close to Russian and was reflected in the joint declarations on the results of the mutual visits of the heads of state of the People's Republic of China and the Russian Federation.

The declaration of September 3, 1994 stated the readiness of Russia and China as permanent members of the UN Security Council "to continue their support of the UN, jointly with other countries contribute to strengthening its role in the maintenance of world peace and security, and assistance to development, prevention and settlement of conflicts"³⁹.

The declaration of April 25, 1996 characterized the UN as a "unique mechanism for cooperation in the name of peace, development and security." At the same time it noted the need "for the purpose of adaptation to the changed international situation ... to carry out a corresponding reform of the UN and its bodies; the activity of the UN and the process of adopting its decisions should better reflect the general aspirations and collective will of all UN member-states"⁴⁰.

The document of November 23, 1998, entitled Russian-Chinese Relations on the Threshold of the 21st Century, noted that a possible enlargement of the Security Council "should be based on the strict observance of the principle of just geographical representation and broad consensus of the UN member-countries"⁴¹.

Meanwhile, at the end of 1998-beginning of 1999 the U.S.A. and its NATO allies were striving to bring pressure to bear on Yugoslavia on the Kosovo problem, bypassing the UN. On March 24, 1999 the NATO Air Force began bombing raids on strategic objects in Serbia, including Belgrade, without any direct sanction of the UN Security Council⁴². In this

situation both China and Russia regarded the protection of the UN legitimacy and its central role in ensuring peace and security to be the primary task, rather than its reform. In the Joint Statement of the Heads of State of November 23, 1998, the Russian Federation and the People's Republic of China stated that according to the UN Charter, the main responsibility of the Security Council for maintaining world peace and security "should not be put to doubt under any circumstances," and that "any attempts to bypass the Security Council would be fraught with undermining the existing mechanism of the preservation of peace." A year later in the Joint Statement on Urgent Problems of the Contemporary International Situation of December 9, 1999, China and Russia spoke for "keeping unchanged the charter powers of the present permanent members of the Security Council," and characterized this as "an indispensable condition for ensuring the efficiency and stability of the UN"⁴³. In other words, this meant the preservation of China's and Russia's right of veto in any variants of the UN reform.

This marked the beginning of the second stage of the evolution of China's approach to the reform of the UN, which lasted to 2003—2004.

This period was characterized by dynamic changes in international political life, which were not quite favorable for the reform of the organization, moreover, which put aside the task of carrying out any transformations. Among them were the terrorist acts in the United States on September 11, 2001, the operation supported by the UN against the Taliban in Afghanistan, the pressure brought to bear on Saddam Husain's regime in Iraq by the U.S.A. and Britain, and the beginning of the military actions against it.

The People's Republic of China, which joined the World Trade Organization at the end of 2001, began to regard itself, more than ever before, a component part of the existing world order. Its status of the permanent member of the Security Council played a similar role. Aware of its role as a power oriented to the preservation of the status quo, just as other permanent member-countries of the Security Council, the People's Republic of China came out not for a reform of the UN as such, but for a "rational and limited reform," which "would pass the test of time and would be acceptable for most members of the organization." Accordingly, Beijing came out against any concrete deadlines for the completion of transformations⁴⁴.

It is indicative that even any mention of the reform of the UN has disappeared from joint Russian-Chinese communiqués, having given place to

calls for “strengthening the leading role of the UN and its Security Council in international affairs” (July 16, 2001) and “further raising the effectiveness of the UN and, in particular, its Security Council” (December 2, 2002)⁴⁵.

At the same time, this interval enabled China to better comprehend the pros and cons of the various variants of the reform of the UN and, above all, the Security Council, and on this basis to determine its strategic approach more precisely. Apparently, there were certain doubts: “what Security Council would be better for China — a reformed one or the one as it is now?” “As a developing country the People’s Republic of China comes out for a democratic and transparent Council with a more equal representation, but as its permanent member China does not agree with the abolition of the right of veto”⁴⁶. Ultimately, the point of view that the attempts to block the reform of the Security Council would be the worst variant triumphed, inasmuch as they would lead to the marginalization of the UN. Although the enlargement of the Security Council will not be able to solve all existing problems, a reform aimed at drawing new members to the Council is necessary. It was decided that the outcome of the reform might not be entirely favorable to China, but as to all members of the Security Council, including China, its enlargement would be the best variant. According to Chinese experts, the People’s Republic of China as a responsible world power wishes “to find a necessary balance between its own national interests and international responsibility” and orient itself to cooperation with other great powers⁴⁷.

The growing attention to the UN was reflected in the Joint Declaration of the Heads of State of Russia and China of May 27, 2003, on the Results of the First Visit of Chairman Hu Jintao to the Russian Federation. The questions of the activity of the organization were dealt with in four of the ten sections of the document. The coordinating role of the UN was specially emphasized for “its authority, universal character and unique experience” in ensuring world peace and security, including “opposition to new threats and challenges on the firm foundation of international law”⁴⁸.

In October 2004, in a regular joint declaration of the PRC and the RF on the results of a summit meeting the two sides stated their recognition of the need to reform the UN Security Council “with a view to strengthening

its ability to react to challenges and threats, lend it greater representative character and raise the effectiveness of its work”⁴⁹.

The interval has ended and the evolution of the Chinese approach to the reform of the UN has entered the third stage, which continues to this day. It is characterized by the fact that while supporting the very idea of the reform, Beijing refrains from active steps and does not speed up the proceedings, appealing to the need for reaching a maximally broad consensus on the question of new permanent members of the Security Council. At certain moments China spoke against granting the status of a permanent member of the Council to Japan, but it seems that it will not block giving it this status. At the same time, in his speech at the jubilee session of the UN General Assembly in September 2005 Chairman Hu Jintao advocated the enlargement of the African countries’ representation in the Security Council.

On the whole, China feels more confident in the UN now than ten or all the more twenty years ago. This allows it, acting jointly with Russia, to voice invariably its support of the reform of the UN and its Security Council, at the same time refraining from any independent actions to promote it. The Joint Declaration of the RF and the PRC on Basic International Problems of May 23, 2008, supports “the necessary and rational reform of the UN ... with a view to strengthening its potential to react to new challenges and threats.” At the same time the declaration notes that “the reform should be based on the principles of consensus, consistence and gradualness”⁵⁰.

The Russian-Chinese declaration on the Results of President D. Medvedev’s Visit to China of September 27, 2010, also expresses support to carrying out the reform of the UN Security Council. The two countries “express the desire that the UN member-states strive for consensus on the question of the reform through broad democracy-based consultations.”

* * *

We have dealt only with some of the trends to renovate the foreign-policy instruments of the People’s Republic of China. Beijing’s activity in other international organizations, its diplomacy in the sphere of economics, approach to the problems of international security, including opposition to non-traditional threats and challenges, efforts to improve the

country's image abroad, cultural diplomacy, which became a key element of strengthening both “soft” and “smart” power of the People's Republic of China, also merit a detailed analysis. Innovative diplomacy, which was previously absent in Beijing's arsenal, is emerging before our very eyes. In short, the problem of the renovation of foreign-policy instruments of the PRC requires further investigation and interpretation.

Notes

¹ Wang Yizhou (Zhu bian), *Thirty Years of the Transformation of China's Foreign Ties (1978—2008)*, Beijing, 2008, p. 32 (in Chinese).

² *Ibid.*, p. 223.

³ D. Scott, “*The Chinese Century?*”: *The Challenge to Global Order*, London, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 25—26. David Scott reads lectures on international relations at Brunel University, Britain. In analyzing the Chinese formula of partnership he relied on works by J. Garwer, M. Swaine and Yong Deng.

⁴ *Sbornik rossiisko-kitaiskikh dogovorov. 1949—1999 gg.* [Collection of Russian-Chinese Treaties. 1949—1999], Moscow, Terra-Sport, 1999, p. 271.

⁵ *Ibid.*, p. 333.

⁶ *Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999—2007 gg.* [Collection of Russian-Chinese Documents. 1999—2007], Moscow, OLMA Media Group, 2007, p. 144.

⁷ Wang Yizhou (Zhu bian), *Thirty Years of the Transformation of China's Foreign Ties (1978—2008)*, p. 35 (in Chinese).

⁸ Xiao Feng, *China's Strength Does Not Mean Diplomatic Power in Short-term.* — <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90780/91342/7141067.html>

⁹ Yan Shengyi, *Diplomacy of Modern China*, Shanghai, 2009, pp. 45—46 (in Chinese).

¹⁰ See: *Renmin Ribao*, 17.07.2010 and 28.09.2010. Official text of the Joint Statement of 27.09.2010 in Russian was placed on the sites of the President of the RF and the RF Embassy in the PRC.

¹¹ *Customs Statistics*, Beijing, No. 12, 2009, pp. 4—5 (in Chinese).

¹² The presence of points of contact between partnership and good-neighborliness was aptly reflected in the title of the monograph *Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors*, edited by Zhang Yunling (Beijing, Social Sciences Academic Press, 2008). The monograph has been prepared on the basis of reports by Chinese and foreign

scientists at a conference of the same title in Beijing in July 2007 organized by the Chinese Academy of Social Sciences.

¹³ See, for example: Yan Shengyi, *Diplomacy of Modern China*, p. 16. (The difference seems to be connected with the interpretation of the line of the sea border of the PRC in the South China Sea. Its maximal variant can include Singapore, Thailand and Cambodia in the number of the maritime neighbors of China. It is not excluded that the information about “ten maritime neighbors of China” reflects the obsolete political geography; say, in the early 1970s it included Sabah and Sarawak. Taiwan was not included in all cases).

¹⁴ Yan Shengyi, *op. cit.*, p. 16.

¹⁵ Chen Xiangyang, *Policy Toward the Six Zones of “Big Neighbor Surrounding,”* Liaowang, Beijing, No. 34, 2010, p. 59 (in Chinese).

¹⁶ Hu Shuxiang (Zhu bian), *China's Diplomacy and International Development Strategy*, Beijing, 2009, p. 280 (in Chinese).

¹⁷ *Ibid.*, p. 281.

¹⁸ Hu Shuxiang, *op. cit.*, pp. 283—285.

¹⁹ Wang Yizhou, *Thirty Years of the Transformation of China's Foreign Ties (1978—2008)*, p. 35 (in Chinese).

²⁰ *Making New Partnership: A Rising China and Its Neighbors*, pp. 16—17.

²¹ The problem of claims of a number of countries to islands in the South-China Sea is thoroughly discussed in works by Russian scholars. See: E.A. Kanayev, *Konflikt iz-za ostrovov Yuzhno-Kitaiskogo morya: istoriya, kharakter uregulirovaniya, perspektivy evolyutsii* [Conflict Due to South-China Sea Islands: History, Character of Settlement, Prospects for Evolution], Moscow, Gotika Publishers, 2007; Ye.D. Stepanov, “Sporniye voprosy v omyvayushchikh Kitai moryal’” [Disputed Questions in the Seas Around China], *Politika nachinayetsya s granitsi: Nekotoriye voprosy pogranichnoi politiki KNR vtoroi poloviny XX veka* [Politics Begins at the Border: Certain Questions of Border Policy of the PRC in the Latter Half of the 20th Century], Moscow, IFES, RAS, 2007, pp. 184—220; G.D. Agafonov, *Pravoviy aspekt problem morepol'zovaniya v ATR i ikh vliyaniye na morskuyu deyatel'nost' Rossii* [Legal Aspects of Problems of Using the Seas in the APR and Their Influence on Maritime Activity of Russia], Moscow, IFES, RAS, 2004.

²² Chen Xiangyang, *op. cit.*, p. 59.

²³ Zhao Lei, *Construction of the World: Evolution of Diplomatic Activity of China in the UN*, Beijing, Jiuzhou chubanshe, 2007, p. 135 (in Chinese).

²⁴ *Ibid.*, p. 20.

²⁵ Zhao Lei, op. cit., pp. 134—135.

²⁶ Mo Jihong, “A New Perspective on Relations Between Human Rights Covenants and China,” Wang Yizhou (ed.), *Construction within Contradiction — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations*, Beijing, China Development Publishing House, 2003, p. 196.

²⁷ Among the trends of assistance to the UN Development Program China should mention the joint preparation of reports on human development, which began in 1997 and played an important role in raising the status of social programs in the PRC, implementation of measures to combat poverty, and comprehension of the deep gap in the development levels between the country's regions. — See, for example: China Human Development Report 1999. Transition and the State. UNDP, Beijing, 2000.

²⁸ Zhao Lei, op. cit., p. 159.

²⁹ Hu Jintao, “Apply Efforts to Building a Harmonious World Characterized by a Prolonged Peace and Universal Flourishing,” *Renmin Ribao*, 16.09. 2005 (in Chinese).

³⁰ Zhao Lei, op. cit., pp. 133, 145.

³¹ Cited from: Wang Yizhou, *Thirty Years of the Transformation of China's Foreign Ties (1978—2008)*, p. 128.

³² Zhao Lei, op. cit., pp. 171—181.

³³ *Renmin Ribao*, 16.09.2005.

³⁴ Zhao Lei, op. cit., p. 236.

³⁵ “China and the UN: a Long-Standing Partnership,” *Beijing Review*. September 30, 2010, p. 12. According to the UN rules, countries with a per capita income less than \$7,000 a year enjoy an 80 % discount in calculation of their contribution to the organization's budget. In the long run, when the PRC loses the right to discount, it will take third place in the size of the contribution, following the United States and Japan.

³⁶ Hu Yimin, “China's Expanding Participation in the UN Peacekeeping Operations,” *Contemporary International Relations*, Beijing, 2009, November-December, pp. 46—56; *Beijing Review*, September 30, 2010, p. 11.

³⁷ Tang Yonsheng, “China's Participation in UN Peacekeeping Regime,” Wang Yizhou (ed.), *Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations*, pp. 84—87.

³⁸ Li Dongyan, “A Chinese Perspective of UN Security Council Reform,” Wang Yizhou (ed.), *Construction within Contradiction. — Multiple Perspectives on the Relationship Between China and International Organizations*, pp. 107—113.

³⁹ Sbornik rossiisko-kitaiskikh dogovorov. 1949—1999 gg., p. 273.

⁴⁰ Ibid., p. 336.

⁴¹ Ibid., p. 454.

⁴² A.D. Bogaturov, V.V. Averkov, *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii (1945—2008 gg.)* [History of International Relations (1945—2008)], Moscow, MGIMO-Universitet, 2009, pp. 459—460.

⁴³ Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999—2007 gg., p. 28.

⁴⁴ Li Dongyan, op. cit., p. 117.

⁴⁵ Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999—2007 gg., pp. 156, 226.

⁴⁶ Li Dongyan, op. cit., p. 123.

⁴⁷ Li Dongyan, op. cit., pp. 124—127.

⁴⁸ Sbornik rossiisko-kitaiskikh dokumentov. 1999—2007 gg., pp. 243—253.

⁴⁹ Ibid., p. 291.

⁵⁰ *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], Moscow, No. 4, 2008, p. 11.

RUSSIA AND CHINA IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Since its creation, on June 15, 2001, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has attracted much political attention from both international centers of power and the global expert community and has placed Central Asia in the geopolitical spotlight. The international community's intense interest in the area can be explained as follows.

Having proclaimed “the joint maintenance of peace, stability and security in the region”¹ as one of its main goals, the SCO has, in essence, claimed to be a powerful geopolitical actor capable of playing a long-term stabilizing role in Central Asia and of becoming a prototype “stability arc” in Eurasia, in contrast to Zbigniew Brzezinski's well-known concept of a “instability arc” in Central Asia and the Caucasus. The Treaty of Long-Term Good Neighborliness, Friendship and Cooperation signed by the SCO's member states (August, 2007) provided the organization with the legal basis with which to establish itself as a security mechanism, not only in Central Asia but, more broadly, the entire Eastern Eurasia region.

The SCO started out with a range of Russian-Chinese measures aimed at strengthening trust and curtailing the arms trade and armed forces in the border regions and has since become an important mechanism for intensifying and diversifying the possible forms of strategic partnership between Russia and China, who have consistently advocated the multipolar structure of today's world. Currently, the possibility exists for strengthened economic ties between the Central Asian republics and Russia and China, concomitant with a weakening of their ties with forces outside the region.

The SCO's stated policy of promoting effective cooperation between its Central Asian member states in economic and humanitarian spheres, if properly implemented, should both improve their socioeconomic situa-

tions and stabilize their political situations domestically, thereby considerably lowering the destabilizing influences of radical Islam and Western ideology --fraught with the danger of igniting “orange revolutions”.

Having proclaimed itself an “open” organization, the SCO has become an object of interest to a host of Asian countries. Having gained Observer status in the SCO, Mongolia, India, Pakistan and Iran have not only contributed to a broadening of the Organization's potential sphere of influence, but also demonstrated the real possibility that the SCO could directly affect not only its member nations' institutional infrastructure but, international relations within Asia as a whole. The Joint Declaration on SCO-UN Secretariat Cooperation, signed in April 2010, and the Regulations on Procedure for Admitting New Members to SCO, signed in Tashkent on June 11, 2010, gave strong impetus for further SCO activity in the international arena.

Although, at the time of its inception, the SCO looked like an interesting—yet rather limited—local project, the terrorist acts committed in the United States on September 11, 2001, and NATO's subsequent anti-Taliban operation in Afghanistan have radically changed the situation, vividly demonstrating the possibility and necessity for constructive cooperation between the SCO and NATO to combat terrorism and drug trafficking and to reach a solution to the Afghan problem.

Rich deposits of hydrocarbons within SCO countries — Kazakhstan and Uzbekistan, as well as in Turkmenistan and other Caspian States — territories geographically adjacent, make the mining and transportation of oil and gas from the region to foreign markets an object of fierce international competition, in which China, Russia, United States, European Union and India are directly or indirectly involved.

II

Naturally, SCO activity causes much attention in Russia, as well as within the Russian expert community. Special centers, serving as SCO observatories, have been established at the Russian Academy of Sciences' Institute for Far Eastern Studies and at the Moscow State Institute of International Relations (affiliated with the Russian Foreign Ministry). Individual experts at the Institute of Oriental Studies also analyze SCO problems

(primarily in relation to Central Asia) — as well as at the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, the Russian Institute of Strategic Studies, the Higher School of Economics — State University, and at institutes of higher learning and research centers in Novosibirsk which maintain traditional ties with the Central Asian republics. At the initiative of Russian experts, the SCO Forum, which should play a potential role of “second line” (that is, a scientific expert community under SCO auspices) was established in 2006.

Russian experts' views on the SCO and its problems have proved to be of considerable interest to authoritative state and sociopolitical bodies.

Round-table discussions regarding SCO issues, organized annually at the Institute for Far Eastern Studies, provide useful intellectual background for SCO national coordinators from Russia and SCO Secretariat executives. Results of these discussions have been summarized in the following publications of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences: *Problems of the Formation of the Shanghai Cooperation Organization and the Interaction of Russia and China in Central Asia* (2005);² *Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization* (2006);³ *The Shanghai Cooperation Organization: Interaction for the Sake of Development* (2006);⁴ *Russia's Interaction with China and Other SCO Member States* (2008).⁵ In addition, the Institute has published basic SCO documents⁶ and a collection of translated articles by leading Chinese experts on issues concerning the SCO and Central Asia.⁷ Mention should be made of the works by Sergei Luzyanin, *Russia and China in Eurasia* (2008),⁸ Anatoly Klimenko, *SCO Development Strategy: Problems of Defence and Security* (2009)⁹ and Leonid Vasiliev, *Security Problems in Eastern Eurasia. Fight against Terrorism, Separatism and Extremism* (2009).¹⁰

Russian expert evaluations of the SCO's current status, its problems and development prospects closely echo official comments on the Organization's activities made both by leaders and officials of various ranks; and in documents emanating from bilateral and multilateral summit meetings. However, although the evaluations concerning the character of the Organization and its role in international affairs do differ to a greater or lesser degree from the SCO's appraisal of itself, they are also generally positive. One expert defined the SCO as “a stable multilateral body enjoying a generally recognized prestige in the world”¹¹.

The SCO's Fifth Anniversary Declaration (2006) noted that it “had become an important mechanism for deepening good-neighborly cooperation, friendship and partnership among its members. It is a good example of dialogue among civilizations and an active force for promoting democracy in international relations”.¹² It was stated that the organizational and legal formation of the SCO had practically been completed, and especially emphasized that the atmosphere of equality, sometimes called “the Shanghai spirit”, had provided a forum for discussion and negotiation on any problems.

The Russian expert community sometimes qualifies the SCO as a “new type” of organization due to its “open” character. The SCO was established not against somebody or something, but, on the contrary, is aimed at the broadest cooperation. This principle is reflected in its relations with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the Eurasian Economic Community (EurAsEC), the Commonwealth of Independent States (CIS), the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the United Nations (UN). The SCO has proclaimed its role as an example and catalyst in the sphere of inter-civilization relations and for the promotion of harmonious global relations.

A great deal of organizational and legal work has been done to establish cooperation between SCO member-states in eradicating the “three evils” — terrorism, separatism and extremism — and in the fight against illegal drug trafficking. To that end, the Regional Anti-Terrorism Structure (RATS) established in 2004 with its headquarters in Tashkent (Uzbekistan) has become, according to Jenisbek Jumanbekov, RATS Executive Committee Director, “a genuine force for coordinating the fight of special services and law enforcement agencies against the ‘three evil forces’”¹³.

At the June 2006 SCO summit in Shanghai agreements were concluded on the organization and implementation of joint anti-terrorist measures and on cooperation in exposing and thwarting the entry of persons engaged in terrorist, separatist and extremist activities through SCO member nations' borders.

The SCO framework stipulates that practical training in counter-terrorism cooperation is to be carried out in special joint exercises. In August 2003, military maneuvers dubbed “Unity” (‘Lianhe’) were carried out, in two phases, in the border regions of Kazakhstan and China. In the years

2005, 2007, 2009 large-scale military exercises ('Peace Mission') were conducted. According to comments from some Chinese experts, these maneuvers far surpassed the scope of the counter-terrorism exercises and were intended to demonstrate the SCO member states' commitment to defend the strategic stability of the region, especially in the case of so-called 'color revolutions', that is, attempts at violent leadership change in the Central Asian republics.¹⁴

It must be emphasized that many Russian experts consider it vital to significantly strengthen SCO military and defense cooperation. They argue that the multi-purpose character of the Organization requires not only political, economic and humanitarian, but also military cooperation. As a result of Russian pressure, an agreement on cooperation was adopted in May 2008 at a meeting of SCO defense ministers (Uzbekistan was not a signatory). This agreement increased the member countries' ability to respond immediately and adequately to any situation threatening the region's peace and stability.¹⁵

It is only logical then that Russia strive to develop constant active cooperation between the SCO and the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in order to "implement joint measures to counter common threats and challenges". Therefore, in 2008, the secretariats of the SCO and CSTO signed a Memorandum of Cooperation¹⁶.

At the same time, the SCO as an 'open' organization is ready for constructive, mutually beneficial cooperation with extra-regional forces, an idea which is laid out in almost all official SCO documents. Currently, the center of collaboration is the situation in Afghanistan.

III

The Chinese leadership and think tanks also pay considerable attention to SCO activities. The problems and prospects of this organization are studied in such influential scientific centers as the Foreign Ministry's China Institute of International Affairs; the Chinese Academy of Contemporary International Relations; the Institute of Russian, Central Asian and East European Studies at the Academy of Social Sciences of China; and the SCO Research Center at the Shanghai Academy of Social Sciences. The last of these organizations publishes Chinese-language collections of

materials and documents regarding SCO activities (*Shanghai hezuo zuzhi ziliao huibian*) on a regular basis. In order to celebrate the 10th anniversary of the "Shanghai Five" and the 5th anniversary of the SCO, China published its first ever scientific monograph concerning the SCO: Pan Guang, Hu Jian «The First New Regional Cooperation Organization at the 21st Century — A Comprehensive Study on Shanghai Cooperation Organization» (2006).¹⁷ Monographs treating complex issues facing the SCO and the modern politics of China in Central Asia have also been issued by well-known Chinese scholars — Xing Guangcheng and Zhao Huasheng. One of the most interesting works on this subject is a comprehensive monograph, "China, Russia and America in Central Asia: cooperation and competition (1991—2007)", edited by Zheng Yu (2007)¹⁸.

Various aspects of China's policy towards the SCO and post-Soviet Central Asia have been regularly covered in such magazines as *Eluosi Zhong Ya Dong Ou Yanjiu* (Russian, Central Asian and East European Studies), *Eluosi Zhong Ya Dong Ou Shichang* (Russian, Central Asian and East European Markets) and *Zhong Ya Xinxi* (Information on Central Asia).

China's interest in SCO activity can be partially explained by the prestige factor — because, as some Chinese political analysts stress, the Shanghai Cooperation Organization has earned "three times first" status: it was the first new type of regional cooperation organization to have been created in the 21st century, the first international organization to have been named after that Chinese city, and, finally, the first organization where the initiative came from China¹⁹.

In this regard, it is, then, quite logical that Beijing closely monitors the importance of the roles and functions attributed to various multilateral organizations in Central Asia, and that it is ever mindful that the leading role is held by the SCO²⁰.

The SCO has important practical value for Beijing as an effective tool for protecting China's fundamental national interests.

A critical issue concerns traditional security on the country's north-western borders. In relations with Central Asian republics established after the collapse of the Soviet Union, Beijing has managed to preserve and increase a positive momentum obtained during the normalization of Sino-Soviet relations in May 1989. Up until now, the two sides

have managed to finally resolve the question of border delineation between China and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, as well as with Russia.

The “Treaty on a Nuclear-Free Zone in Central Asia”, signed in September 2006 by five Central Asian republics, also corresponds to China's security interests

In general, China would like to use the SCO model for further promotion and strengthening of the principles of collective, comprehensive and cooperative security. But at the same time, China firmly upholds the principle of a non-bloc, open SCO, whose activity is not directed against any other country. Very revealing, in this respect, was the Chinese assessment of the SCO's position during the Russian-Georgian conflict of August 2008. It is known that the SCO member states did not support Russia in recognizing Abkhazian and South Ossetian independence. The “Dushanbe Declaration of SCO Heads of States” signed on August 28, 2008, supported the principles of the state sovereignty, territorial integrity and the solution of all contentious issues through peaceful negotiations, and the Declaration included no anti-Western statements. In addition, the *Report on the International Status of China — 2009* emphasized that the SCO had effectively bypassed the risk of evolving as a military-political bloc. Simultaneously, a sort of unwritten law had arisen in the organization that collective action within the SCO could not be based on the interests of any single member and individual actions by a member state do not represent or reflect the Organization's collective will²¹.

Another SCO function — crucial for China — is to counter terrorism, extremism, separatism and non-traditional security threats such as organized crime, the illicit arms- and drugs-trades.

When Central Asian nations established their respective statehoods, it reanimated hopes of independence among some Uyghurs — a leading national minority living in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, PRC. The tortuous history of relations between Muslim Uyghurs and the Han people, the influence of radical Islam's religious indoctrination, and support from abroad, including that of the forces of international terrorism, led to a substantial increase in Uyghur separatist activity in the 1990s. Nationalist elements, who wanted to establish, through violent means, an independent state — “East Turkistan” — in the Xinjiang region had become a serious threat to socio-political stability in the north-western part of the country and even to China's territorial integrity²².

Although the 1990's separatist movement in Xinjiang was suppressed, relapse disturbances, with human casualties, again occurred in summer 2009. So, the task of neutralizing the “three evil forces” remains relevant for Beijing. The situation not only in Xinjiang, but also in the SCO Central Asian republics, which from time to time is challenged by radical-Islamist anti-government organizations, require permanent significant monitoring. In addition, Beijing seeks to ensure, if not a loyal, then, at least, a neutral attitude to its policy towards Xinjiang from the fairly large Uyghur community of the Central Asian republics. Therefore, China is actively involved in the development and implementation of all counter-terrorist measures specified by the SCO framework.

SCO countries — Russia as well as Central Asian republics — have played an indispensable role in ensuring China's energy security. At the beginning of current decade, import provides more than half of China's oil consumption, and increasing purchases of LPG and natural gas are critically important for improving the environmental situation and in reducing the percentage of coal comprising the country's energy-balance. The PRC has formulated a concept of oil security, known as “three one-thirds”. Accordingly, China must import one third of its oil from the Middle East, one-third from other distant sources (Africa, Latin America), and the last third via an overland route, i.e. from Russia, Central Asia and possibly the Caspian region.²³ It seems that this oil-security strategy has, so far, been implemented consistently and fairly successfully. China is interested in the dynamic economic development of SCO member countries; and in enhancing the multifaceted trade and economic cooperation practiced within the Organization. This augurs well for creating a favorable external environment, necessary for implementation of the Western regions' (including the Xinjiang Uyghur Autonomous Region) long-term development strategy, initiated in China in the early 2000's.

China's aspiration to fully exploit the SCO's potential has been confirmed by Hu Jintao's proposals, made in a speech at the Tashkent Summit on June 11th, 2010. Among them are: preparation, within the SCO framework, of a legal document which would secure oil and gas pipelines in the region, promote cooperation in non-resource areas, deepen economic cooperation between SCO member states and its Observers and Dialogue Partners. Hu Jintao also announced the decision to organize an “SCO Day” at a trade and economic fair in Urumqi, and urged SCO

members to more actively utilize a credit of US\$ 10 billion, granted by China to overcome the negative effects of the global financial crisis²⁴.

In general, China hopes that the SCO will eventually follow a path of building a “harmonious region of lasting peace and common prosperity”²⁵ to be developed in accordance with the concept, declared in Beijing, of a “harmonious world”.

IV

Russia, a country with considerable political and economic interests in the Central Asian republics, regards the SCO not only as “an effective instrument for ensuring stability in the region”, but also as “an effective means of coordinating the interests of the Organization's member-states, including Russia and China”²⁶.

Russian experts have thoroughly analyzed China's interests in Central Asia, singling out among them: its access to the raw materials and fuel- and energy-resources indigenous to the region; reduction of separatism and other threats—primarily in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of the PRC, and “soft” opposition to the possible growth of America's political and military presence near the PRC's north-western borders.²⁷ Certain of Beijing's policies, for instance, its readiness to grant the SCO member-countries low-interest export credits, were assessed by some experts to be an expression of China's geopolitical ambitions and its claim to leadership in Central Asia.²⁸

Beijing, for its part, occasionally complains about elements of inconsistency in Russia's policy toward the SCO. Thus, it is noted that although Moscow, in declarations at least, seems to support the dynamic development of the Organization, it, in practice, does not want the SCO to escape Russian control. Application of a consensus principle in the SCO's decision-making indicates that the process of regional cooperation is built in accordance with the position of the most conservative member states. Some Chinese experts see as equally controversial Russia's approach to SCO economic cooperation: Moscow has consistently advocated primarily for the implementation of concrete multilateral cooperation projects and opposed to the development and implementation of institutional mechanisms. In fact, Russia's specific proposals, such as the establishment of the

SCO University, the Humanitarian Cooperation Fund, the Energy Club and the creation of a common information space *inter alia*, tend only towards institution-building. At the same time, “Russian investments in concrete projects close to zero”²⁹. (In our view, such an interpretation by Chinese experts reflects their dissatisfaction with Moscow's frosty reception of Beijing's proposal of a Free Trade Area within the SCO, during the initial bilateral negotiations.)

In recent years, a trend of strengthening the relative position of China vis-a-vis that of Central Asian SCO member states has become quite obvious. For example, in 2006, the total volume of trade between Russia and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan amounted to US\$ 16.4 billion, while China's trade volume with these countries totaled only US\$ 11.9 billion (a ratio of 1.38:1). In 2008, Russian trade in the region increased to US\$ 25.8 billion, and China's trade volume to US\$ 30 billion, and the ratio thus dropped to 0.86:1 (see Table 1). It must be noted that this variation was partly due to an unprecedented level of Chinese assistance to Kyrgyzstan.

Table 1. Russian and Chinese Trade with the Central Asian SCO Member States in 2008 (US\$ million)

	Russia			China		
	Turnover	Exports	Imports	Turnover	Exports	Imports
Kazakhstan	19,678	13,299	6,379	17,550	9,819	7,731
Kyrgyzstan	1,799	1,308	491	9,333	9,212	121
Tajikistan	1,007	794	213	1,500	1,480	20
Uzbekistan	3,338	2,038	1,300	1,607	1,278	329
Total	25,822	17,439	8,383	29,990	21,789	8,202

Sources: Haiguan Tongji (Customs Statistics). Beijing. 2008. № 12, p. 3; <http://www.rusimpex.ru>

The global economic crisis has led to a decrease in trade between Russia and China and the Central Asian SCO member nations, but Russian

trade suffered to a greater degree. As a result, the volumes of trade in 2009 amounted, correspondingly, to US\$ 17.4 and 22.6 billion, and the ratio decreased to 0.77:1 (see Table 2).

Table 2. Russian and Chinese Trade with the Central Asian SCO Member States in 2009 (US\$ million)

	Russia			China		
	Turnover	Exports	Imports	Turnover	Exports	Imports
Kazakhstan	12,831	9,146	3,685	14,004	7,748	6,256
Kyrgyzstan	1,282	915	367	5,276	5,227.5	48.5
Tajikistan	786	573	213	1,402.5	185	1,217.5
Uzbekistan	2,539	1,696	843	1,910	1,560.5	349.5
Total	17,438	12,330	5,108	22,592.5	14,721	7,871.5

Sources: Haiguan Tongji (Customs Statistics). Beijing. 2009. № 12, p.3; <http://www.rusimpex.ru>

In 2010 trade between Russia and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan amounted to US\$ 20.85 billion, and in 2011 — to US\$ 26 billion. China's trade with these four countries increased to US\$ 28.5 billion in 2010 and to US\$ 34.16 billion in 2011. The ratio decreased to 0.73:1 in 2010, but slightly increased to 0.76:1 in 2011.

In our view, despite the objective interests of both China and Russia in the post-Soviet Central Asian states do not always coincide, there is no serious concern that an acute rivalry between the two powers will erupt.

Russia and China's consistent implementation of a course aimed at cooperation, rather than rivalry, will help the Organization to progress and achieve greater efficiency.

V

A comprehensive establishment and realization of SCO potential is hampered by a multitude of factors.

A serious obstacle arises from the difficult bilateral relations between practically all post-Soviet states in Central Asia and recurring ethnic tensions in the region. Although Central Asian republics' membership in the SCO contributes to an improvement in their bilateral and multilateral relations, the process is developing rather slowly, once again evidenced by clashes between the Uzbek and Kyrgyz populations which occurred in the Osh region in June 2010.

Successful cooperation within the SCO framework has also been hampered by a rather low level of economic development for some of its members, who, therefore, oppose even a modest increase in the Organization's budget.³⁰

Nevertheless, in addition to such fundamental SCO units as the Councils of the Heads of State, Heads of Government, Ministers of Foreign Affairs and National Coordinators, a significant number of specialized advisory and negotiating mechanisms have been established. They include regular meetings of the secretaries of security councils, general prosecutors, defence ministers and ministers for extraordinary situations. In our view, there is a definite danger of replacing a real intensification of multilateral interaction with a multiplication of official-bureaucratic organs.

The importance of overcoming the SCO's internal weaknesses, thereby strengthening the Organization, was highlighted by Chinese leader Hu Jintao in a conversation with Russian President Dmitry Medvedev, at the Summit of the Shanghai Cooperation Organization held in Tashkent (10—11 June 2010). Hu Jintao stated that, “the continuous deepening of solidarity and mutual trust” among the SCO member countries is essential in order to “build a solid political foundation for a stable and healthy development of the Organization and for further enhancement of regional cooperation”³¹.

Non-regional forces, notably the United States, do not directly oppose SCO activity, but a mutual wariness between the SCO and the United States persists.

After approval, in June 2010, of the Regulations on Admission of New Members, the hypothetical question of SCO expansion became reality. Although there is a temptation to enhance the geopolitical prestige of the SCO by admitting new members, it is tempered by the understanding that, practically speaking, the Organization needs to concentrate efforts

on its own consolidation, and that new members may bring additional burdens.

Current trends indicate that in the intermediate term the SCO faces several likely scenarios. The most probable is that the SCO will maintain its present membership and functions, with priority given to security issues, and with multilateral economic cooperation developing quite slowly. Apparently, the SCO's main efforts, in the coming years, may be devoted to an optimization of this scenario.

Scenarios associated with the SCO's projected expansion may give rise to a strengthening of formal/ritual aspects of the Organization's activity at the expense of increasing and consolidating practical cooperation. However, the desire to raise the Organization's international status (at least, in accordance with some formalized criteria) makes rapid SCO expansion seem very likely as is illustrated by President Dmitry Medvedev's declaration to Russian journalists on the outcome of the SCO summit in Tashkent: "I believe that the addition of several large countries to the Organization would, on the whole; benefit the Shanghai Cooperation Organization, and would strengthen its credibility"³².

Finally, the scenario of a partial reduction of the SCO is not be excluded, at least hypothetically. It appears, however, that the backbone of the SCO will continue to cooperate within the Organization's framework under any circumstances.

* * *

The Shanghai Cooperation Organization is on the threshold of a new developmental phase. In order to progress, the SCO should implement the mechanisms regarding timely reaction to all security threats, as well as the practical policies of multilateral cooperation in the economic sphere. At the same time, the task of strengthening SCO foundations in the form of long-term political stability and reliable socio-economic progress for the Organization's member states remains imperative.

Notes

¹ Declaration of the Shanghai Cooperation Organization, Shanghai, June 15, 2001.

² Problemy stanovleniya Shanhaikoi organizatsii sotrudnichestva i vzaimodeistviya Rossii i Kitaya v Tsentralnoi Asii (Problems of the Formation of the Shanghai Cooperation Organization and the Interaction of Russia and China in Central Asia) — Moscow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2005, 222 pp. — in Russian.

³ Rossia i Kitai v Shanhaikoi organizatsii sotrudnichestva (Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization) — Moscow, IFES RAS, 2006, 240 pp. — in Russian.

⁴ Shanhaikaya organizatsiya sotrudnichestva: vzaimodeistvie vo imya razvitiya (The Shanghai Cooperation Organization: Interaction for the Sake of Development) — Moscow, IFES RAS, 2006, 248 pp. — in Russian.

⁵ Vzaimodeistvie Rossii s Kitaem i drugimi partnerami po Shanhaikoi organizatsii sotrudnichestva (Russia's Interaction with China and other SCO member States) — Moscow, IFES RAS, 2008, 180 pp. — in Russian.

⁶ See: Basic Documents and Materials of the Shanghai Cooperation Organization. Moscow. IFES RAS. Express-Information. 2005. 86 pp. The collection contains the Declaration of the Formation of the SCO, the SCO Charter, the Agreement between the SCO Member-states on the Regional Counter-Terror Structure, the Shanghai Convention on Fighting Terrorism, Separatism and Extremism, etc. The SCO documents in Russian can be seen on the website of the SCO Secretariat www.sectsc.org

⁷ See: The Shanghai Cooperation Organization and the Situation in Central Asia (as reported in the scientific press of the PRC). Moscow. IFES RAS. Express-Information. 2005, 92 pp.

⁸ Luzyanin, Sergei, Rossia i Kitai v Evrasii (Russia and China in Eurasia) — Moscow, Forum, 2008, 388 pp. — in Russian.

⁹ Klimenko, Anatoly, Strategiya razvitiya Shanhaikoi organizatsii sotrudnichestva: problema obroni i bezopasnosti (SCO Development Strategy: Problems of Defence and Security) — Moscow. IFES RAS. 2009, 348 pp. — in Russian.

¹⁰ Vasiliev, Leonid. Problemi bezopasnosti v Vostochnoi Evrasii. Bor'ba s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom (Security Problems in Eastern Eurasia. Fight against Terrorism, Separatism and Extremism) — Moscow. IFES RAS. 2009, 172 pp. — in Russian.

¹¹ Exclusive Interview with the Permanent Representative of the Russian Federation at the SCO Secretariat— <http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id issue=1166 3518>

- ¹² Problemy Dal'nego Vosoka (Far Eastern Affairs), Moscow, 2006, № 4, p.9.
- ¹³ Xinhua Agency, June 8, 2010.
- ¹⁴ Zheng Yu (Zhu bian). Zhong E Mei zai Zhong Ya: hezuo yu jingzheng (1991—2007) (Cooperation and Competition: China, Russia and U.S. in Central Asia) — Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe. 2007. p. 396 (in Chinese).
- ¹⁵ Klimenko Anatoly, SCO Development Strategy: Problems of Defense and Security — Moscow, IFES RAS (In Russian), 2009. P.307—308.
- ¹⁶ Klimenko Anatoly, Op.cit., p.16.
- ¹⁷ Pan Guang, Hu Jian. 21 shiji de di yige xinxing quyue hezuo zuzhi — Dui Shanghai hezuo zuzhi de zong he yanjiu. Beijing. 2006. (The First New Regional Cooperation Organization at the 21st Century — A Comprehensive Study on Shanghai Cooperation Organization). Introduction, p. 1 (in Chinese).
- ¹⁸ Zheng Yu (Zhu bian). Zhong E Mei zai Zhong Ya: hezuo yu jingzheng (1991—2007) (Cooperation and Competition: China, Russia and U.S. in Central Asia) — Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe. 2007.,525 pp. — in Chinese.
- ¹⁹ Pan Guang, Hu Jian. Op. cit, Introduction, p. 1.
- ²⁰ Xinhua Agency, June 8, 2010.
- ²¹ Zhang Youwen, Huang Renwei (Ed.) 2009 Zhongguo Guoji diwei baogao (China's International Status Report 2009). Beijing, Renmin chubanshe, 2009, pp. 278—279 (in Chinese).
- ²² Bondarenko Anna, Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC at the beginning of the 21st century- Moscow, IFES RAS (In Russian). 2010, pp. 3—4.
- ²³ Quanquiu nengyuan da qiju (Global Energy Structure) Beijing, 2005, p. 348 (in Chinese).
- ²⁴ http://paper.people.com/rmrb/html/2010-06/12/nw/d110000renmrb_20100612_1-02.htm?div=-1
- ²⁵ Xinhua Agency, June 5, 2010.
- ²⁶ Russian Federation Foreign Policy Review, March 27, 2007.
- ²⁷ Larin Alexandr, Russia, China and the USA: Prospects of Cooperation in Central Asia. — In the collection “Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization” — Moscow, IFES RAS. 2006, pp.30—41, p. 38.
- ²⁸ Syroyezhkin Konstantin, China and the Shanghai Cooperation Organization. In: China in the 21st Century: Globalization of Security Interests. (Edited by G.I. Chufrin), Moscow., Nauka. 2007 pp. 257—287, p. 287.

²⁹ Zhang Ning, Eluosi yu Shanghai hezuo zuzhi (Russia and the SCO) — in Zheng Yu, Jiang Mingjun (editors). Pujing ba nian: Eluosi fuxing zhi lu (2000—2008) Waijiao juan. (Putin's Eight Years. Russia's Way of Revival (2000—2008). Foreign Policy Volume.). Beijing. Jingji guanli chubanshe. 468 pp. — in Chinese. Here: p. 367.

³⁰ For example, in 2005 the SCO budget was US\$.3.8 million Inputs to the budget were distributed among SCO members as follows: China and Russia — 24 % each, Kazakhstan — 21 %, Uzbekistan — 15 %, Kirgizstan — 10 %, Tajikistan — 6 % (SCO obtains new points — interview with SCO General Secretary Bolat Nurgaliev — Rossiyskaya Gazeta, Special issue «China». March 26,2007, p. A-7.

³¹ http://paper.people.com/rmrb/2010-06/11/nw.d110000renmrb_20100611_2-01.htm?div=-1

³² <http://news.kremlin.ru/news/8021>

A MULTIPOLAR WORLD AS SEEN BY RUSSIA AND CHINA AND INTERNATIONAL CHALLENGES

I

Considering unacceptable to join the Euro-Atlantic community of developed countries as a junior partner, the Russian Federation declared its adherence to the principle of multipolar world already in the first half of the 1990s. This orientation is still valid. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation endorsed by the country's President on July 12, 2008, characterized the emerging “multipolar tendency” as the “fundamental trend of modern development.” The Strategy of National Security of the Russian Federation up to the year 2020 endorsed on May 12, 2009, defines Russia as a “key subject of the multipolar international relations being formed”¹.

In China the thesis about the cessation of the existence of the bipolar world system after the disintegration of the U.S.S.R. and the world's entry into the “period of multipolar development” was first made public by Jiang Zemin in April 1992 and actively propagated throughout the 1990s. In July 1995 the Chinese leader said that “the modern world was going toward a multipolar structure and the epoch when one or two powers or groups of great powers determined world affairs and the destinies of other states had passed never to return.” In April 1997 Jiang Zemin pointed to the “accelerated development of the multipolar tendency at the global and regional levels in the political and economic spheres”².

The adherence of both Russia and China to the principle of a multipolar world can clearly be seen in communiqués and joint declarations on the results of the reciprocal visits of the two heads of state in the 1990s (September 3, 1994, April 25, 1996, April 23, 1997, November 10, 1997, No-

vember 23, 1998)³. Indicative in this respect is the title of the document of April 23, 1997: “The Russian–Chinese Joint Declaration About a Multipolar World and the Formation of a New International Order”⁴.

The emerging multipolar order was qualified by these documents as a more just and democratic, compared with the unipolar or bipolar system of international relations, ensuring equal rights to all members of the international community and contributing to the preservation of peace and stability. The right of all states to independently choose their own development path and resolve disputed issues through peaceful negotiations, dialogue and consultations “in the spirit of mutual understanding and mutual concessions” was proclaimed as the indispensable element of a multipolar structure of the world. The role of the UN was emphasized as the central one in adjusting international relations in the emerging multipolar world.

Simultaneously, the multipolar tendencies were regarded as an instrument of opposing hegemony, as a means of weakening “the ability of a superpower to control the international situation and manipulate it”⁵, that is, this trend contained a slightly veiled anti-American implication. The anti-American and anti-NATO elements of propaganda in favor of a multipolar world were especially vivid in Russia and China during the military hostilities of the U.S.A. and NATO against Yugoslavia in 1999, which were condemned by the two countries. In the view of certain Chinese political analysts, Washington decided to put Beijing in its proper place and at the same time warn Moscow, by bombing the PRC embassy in Belgrade. President Clinton apologized to Jiang Zemin and the Chinese people by calling the incident “a tragic mistake.” However, many people in China were convinced of the premeditated character of the bombing. This conviction became stronger after the clash of a Chinese fighter plane with an American reconnaissance plane near the Island of Hainan on April 1, 2001, which caused the Chinese pilot's death⁶.

In any case, the propaganda campaign of a multipolar world in China became slightly muted in the 2000s. The term itself can be seen in official documents, but without special elaboration and explanation (as, for example, in the Report of Hu Jintao to the 17th CPC congress). At the same time it was stated that the United States actively opposed the development of a multipolar tendency and used its military and economic might for bolstering up its leading position as the only superpower in the world. The aggregate potential of Western Europe, Japan, Russia and China, which

could oppose the U.S. policy, was assessed as “incomparable with American.” In this connection a conclusion was made that the pattern of the strategic forces described as “one superpower — several powers” would exist for quite some time⁷.

Changes in assessing the multipolar trend in China can be explained not only by American pressure, but also by a more sober assessment of the correlation of the world forces. After joining the World Trade Organization at the end of 2001 China began to receive big dividends from its being part of the existing system of international relations and following the standards of the functioning system, but not from trying to force its own rules of the game on it.

Hu Jintao's concept of a “harmonious world” has played an important role. A less confrontational picture of international relations accords with it to a greater degree than the one which can be formed by the active advancement of the multipolar trend. During the past few years China has emphasized that it is now a builder of and participant in the existing system of international relations, but not its destroyer.

Besides, China continues to identify itself as a developing country and it cannot but take into account the widespread view that the multipolar trend, just as the bipolar and unipolar trends, is nothing more than the “wrangling” of the great powers between themselves, which equally ignores the interests of other states⁸.

As to Russia, part of its expert community had the view that the structure of international relations, which took shape in the mid-1990s, is de facto unipolar. Indicative in this respect is the heading of one of the sections of a textbook on international relations — “The Formation of a Unipolar World (1996—2008)”⁹.

In recent years the situation began to change. New aspects have appeared in the common Russian-Chinese attitude to and interpretation of the multipolar trend. In the Joint Declaration of the PRC and the RF on major international issues of May 23, 2008, signed by D. Medvedev and Hu Jintao, and the Joint Russian-Chinese Statement on the results of the summit meeting in Moscow of June 17, 2009, the interpretation of the multipolar trend was broadened and, apart from the geopolitical sphere, it also included the cultural-civilizational area. The documents expressed support to various multilateral associations with an emphasis on the promising nature of cooperation within the Russia — India — China and especially BRIC (Brazil, Russia, India, China) formats¹⁰.

The term “multiformity,” “versatility” (“dobianzhui”), presupposing orientation in international relations to recognition of mutual interests, dialogue and cooperation, has firmly entrenched itself in the modern Chinese political parlance. It is also represented in the Concept of the foreign policy of the Russian Federation of 2008. Not being the absolute alternative to the multipolar trend, multiformity, or versatility, suggests, perhaps, the optimal final variant of its evolution, making it possible to draw not only the great powers, but a broad range of other states and international organizations, to adopting decisions on a permanent basis.

The world financial and economic crisis has introduced its own corrections. The changes in the relative positions of the leading world actors have given a fresh impetus to discussions on the subject of a multipolar world. Strengthening China is now searching optimal variants of adaptation to the de facto new position with regard to the second center of power in the world. And weakened Russia is now calling for a strategic alliance with Europe with a view to forming a full-fledged world pole¹¹.

II

Both in Russia and China attempts have repeatedly been made to give a quantitative integral assessment to the hierarchy and correlation of the strength of the main centers of power in the world. Such assessments made it possible to understand what was going on with regard to the world structure: whether it remains unipolar or becomes multipolar, and how rapidly?

The Chinese assessments of the aggregate power of states submitted by Professor Hu Angang and the Chinese Academy of contemporary international relations (CACIR) have become widely popular. Hu Angang has calculated the dynamics of changes of the aggregate power of five countries (China, India, Japan, the United States and Russia) in the period between 1980 and 1998 (see Table 1) on the basis of an analysis of their economic, labor, natural, financial, administrative, military and international resources, as well as scientific-economic potential.

CACIR has introduced the concept of “aggregate power 1” calculated for seven states on the basis of “hard factors” and “aggregate power 2” corrected in accordance with assessing such “soft factors” as political system, social situation and international influence (see Table 2).

Table 1. Aggregate power of the state

	1980	1985	1990	1995	1998	Surplus
China	4,736	5,306	5,646	7,173	7,782	3,046
India	3,376	3,615	3,735	4,008	4,365	0,989
Japan	6,037	6,337	7,317	8,535	7,749	1,712
Russia	—	—	—	3,271	2,808	—
U.S.A.	22,485	22,022	22,138	21,903	22,785	0,300

Source: Hu Angang. Zhongguo de da zhanlue (“Great Strategy of China”). Hangzhou, 2003, p. 68.

Table 2. Aggregate power of the state: CACIR assessment (for 1998)

	U.S.A.	Japan	France	Britain	Germany	Russia	China
APS 1	8,371	5,112	4,270	4,070	3,918	3,203	2,175
APS 2	6,090	3,096	3,254	2,830	2,720	1,604	1,101

Source: Hu Angang. Zhongguo de da zhanlue (“Great Strategy of China”). Hangzhou, 2003, p.68.

These assessments revealed the overwhelming superiority of the United States by the end of the 1990s over its rivals following it: twice as great revealed by CACIR and thrice as great revealed by Hu Angang. That means that by that time the world was fit to the Chinese formula “yi chao duo qiang” (“one superpower — group of big countries”).

Later on, data on the aggregate power of states were published in the PRC, at least by the sources we know. The latest assessments were dated January 2006 and published in the “Yellow Paper on International Situation,” prepared by the Academy of Social Sciences of China. According to this source, in January 2006 the United States, as before, held first place (90.65 points), largely ahead of Britain (65.04), Russia (63.03), France (62.00) and Germany (61.93). Further on were China (59.10) and Japan (57.84). India was the last in the ten countries under review (50.43)¹².

The Russian version of the world table of countries' power is presented in the “*Politicheskii atlas sovremennosti*” (“Political Atlas of Modern Time”) compiled by associates of MGIMO-University and published in

Table 3. GDP of certain countries in 2008–2009 (\$bln)

Name	2008	2009
World GP in current prices	61,221	57,237
by parity of purchasing power (PPP)	69,569	69,808
Russia		
GDP in current prices	1,660	1,229
GDP by PPP	2,263	2,109
China		
GDP in current prices	4,520	4,909
GDP by PPP	7,066	8,765
India		
GDP in current prices	1,207	1,236
GDP by PPP	3,298	3,526
U.S.A.		
GDP in current prices	14,441	14,256
GDP by PPP	14,441	14,256
Japan		
GDP in current prices	4,887	5,068
GDP by PPP	4,336	4,159
Germany		
GDP in current prices	3,673	3,352
GDP by PPP	2,918	2,806

Source: Compiled on the basis of the data of the site www.imf.org

2007. The comprehensive rating of countries by the index of the potential of international influence by 2005 was headed by the United States (10 points), followed by China way behind (3.93 points). The first ten also included Japan, Germany, France, Britain, Italy and Saudi Arabia¹³. Although Russia (2.6 points) held seventh place, nevertheless, it was included in the “nucleus” of the club of world influence,” along with China and the United States¹⁴.

Table 4. Forecast of change of the share of certain countries in the world gross product (by PPP, %)

Country	2009	2015
U.S.A.	20.45	18.28
China	12.52	16.92
Japan	6.00	5.28
India	5.06	6.12
Germany	4.02	3.44
Russia	3.05	2.97

Source: Compiled on the basis of the data of the site www.imf.org

In any case, Russian estimates, just as the Chinese ones, also qualified the United States as the only superpower in the world by the middle of the current decade. In other words, the international system several years ago was not yet multipolar in the full sense of the word: a multipolar structure was not a state reached but a prospect for a distant future.

How radical were the changes of the situation brought about by the world financial-economic crisis? Certain Chinese political analysts maintain that the crisis has caused “the most crucial changes in the international system and geopolitics since the end of the Cold war.” The main change is that the transformation of the old system “one superpower — group of big countries’ into a multipolar world is now more rapid¹⁵. More radical statements can be heard, from which it follows that “the era of unipolar American hegemony is coming to an end and may never return”¹⁶.

In our view, the post-crisis alignment of forces is not yet sufficiently clear. For one, the crisis has hardly affected the overwhelming military superiority of the United States, which accounts for more than half of all defense expenditures of the world. Judging by the data of the World Monetary Fund, it is now possible to speak more definitely of a certain general weakening of the economic positions of most leading countries of the world, including Russia, along with a simultaneous strengthening of China in this sphere (see Table 3).

The International Monetary Fund forecasts a further movement of the absolute volume of China's GDP calculated by the PPP of the national currency closer to the U.S. level (see Table 4).

China's economic dynamism brings it political dividends, too. *The Economist* magazine believes that it is precisely this factor which is responsible for the growing share of people looking at China during crisis years positively: in the United States it has reached 50 percent in 2010 as against 39 percent in 2008; in Nigeria the figure were 79 percent and 85, and even in Japan it has grown from 14 to 26 percent¹⁷. Judging by publications in the Chinese press, the country is becoming used to its new de facto status of the Number 2 power in the world hierarchy. One of the major tasks facing China now is to avoid a harsh negative reaction to “China's elevation” on the part of the Number 1 country — the United States. Indicative in this respect is China's turning to the history of the progress of the United States itself, which “has not thrown an open challenge to Britain,” but was able to develop and reach the leading position in the world by peaceful means¹⁸. China also proclaims the need to “learn from the European Union how to deal with the Number 2 position in the world”¹⁹.

The definite worsening of the economic position of Russia in the conditions of crisis is fraught with the weakening of its international political status. In this connection mention should be made of the calls to expel Russia from the BRIC group, which appear in the press from time to time²⁰. Thus, greater attention to economic development of the country and its genuine modernization become a must for the preservation of Russia's place as one of the great powers and an important criterion of substantiation of its claims to the role of an independent pole in a multipolar world.

III

The importance of the economic factor notwithstanding, it is not the only criterion of the “great power” status, and it is not a firm guarantee of a country's real ability to play the role of an independent pole of world politics. The classical theories of international relations define “polarity” as “distribution of military, economic and other capabilities to wage war” among members of a system of states. When such capabilities are concentrated in the hands of just one dominant country, a system acquires a unipolar structure... When several more or less equal countries have these capabilities, a system acquires a multipolar structure²¹. In actual fact, however, one or another country could acquire the great power status as a

result of its general recognition as such by other members of the international community, but not due to its acquiring any other criteria of this status. Political analysts, historians and experts on security problems include, by consensus, the United States, the People's Republic of China, Germany, Britain, France, Japan and Russia in the great powers club²². The Chinese journal *Modern International Relations* once in three months publishes a quantitative assessment of the level of China's relations with other powers, including India. It can be noted that all great powers have an impressive set of indices of "hard strength" (the nuclear and defense potential, volume of GDP and foreign trade, population, territory, natural resources) and a number of elements of "soft strength," although they are quite different. Among the latter there are cultural and civilizatory originality, cultural-religious and linguistic influence, and the quality of life and political institutions. Sometimes, the "soft strength" concept also includes a certain generalized "brand" of a country, that is, its typical perception by the world. We should also note that the great power status is not something given once and for all, it can be lost and regained, as was the case of Germany and Japan in the 20th century.

If one is to proceed from the criteria suggested by B.N. Kuzyk and his colleagues²³, post-Soviet Russia, despite the fact that it is now considerably smaller than the U.S.S.R., retained the great power status as a Permanent member of the UN Security Council, and also due to size of its territory, the volume of natural resources, defense potential, and various cultural-religious and scientific-educational factors. By its demographic parameters Russia is at the lower limit permissible for a great power (2 to 5 % of the world population). The same can be said of its economy. Its status is high by the level of its influence on the world in the sphere of mining and exporting hydrocarbons and manufacturing certain types of military hardware and equipment for nuclear power plants. As to the range of products of the processing industry and engineering, Russia can hardly be included in the group of regional powers. Russia presents a contradictory picture by such criteria as the level of management and the quality of life.

A subjective factor, namely, Russia's desire to remain a great power in the foreseeable future, plays a considerable role in preserving its positions in the international community. Its adherence to the imperial tradition to have its own sphere of influence or, at least, to have a "zone of noticeable presence of Russian interests" is also observed. On the other hand, many

people in Russia sincerely believe that it is only the great power status or an independent pole with all its attributes that can ensure the security and territorial integrity of the country. On the contrary, if Russia becomes a "normal" or "ordinary" state, it will not survive.

At the same time, one should not overlook serious political weak points of Russia. The main ones have objectively been reflected in the *Legatum Prosperity Index* calculated by British experts for 104 countries. In 2009, Russia held 69th place in it (China — 75th) mainly due to such components as personal security — 99th place (China — 65th), personal freedoms (88th and 91st places respectively), and democratic institutions (85th and 100th places respectively)²⁴.

In some cases Russia's drawbacks prove to be a kind of additional advantages. For instance, vast territory, usually regarded as a "plus," requires considerable efforts to retain sovereignty over it, given its sparse population. The multinational composition of the country's population ensuring the cultural-civilizatory uniqueness of Russia complicates state management and renders difficult to ensure internal stability.

The absence of clear-cut development prospects lowers Russia's claims to the status of an independent pole. A poll carried out among the expert community of Russia in 2005 by the journal *Politicheskii klass* (Political Class) showed that many of those polled believed that by 2050 Russia would lose part of its territory, or even disintegrate.

Perhaps, the main weak point of Russia as a great power is the predominantly negative attitude to it in the world. Due to historical heritage and specific features of development during the past two decades Russia is perceived, first and foremost, as a state often using harsh methods, hearing only its own voice and disregarding views of other members of the international community.

It is indicative that in the Global Peace Index Russia regularly holds very low positions: in 2007 — 118th place out of 121, in 2008 — 131st place out of 140, and in 2009 — 136th place out of 144. At the same time China, which has exerted great efforts for establishing a policy of good-neighborliness toward adjacent countries, is assessed as "moderately peaceful," whereas Russia holds "a very low place." China took 74th place in the rating of 2009. For comparison's sake: Japan holds 7th place, Germany 16th, France 30th, Britain 35, the U.S.A. 83rd, and India 122nd²⁵.

Russia's attempts to improve the situation with its own international "brand" by positioning itself as an "energy superpower," gave an opposite result because some of its partners' expressed the desire to reduce their dependence on the import of Russian hydrocarbons. As a consequence, the multipolar trend propagated by Russia is often interpreted, especially in Europe, as something archaic, resembling the policy of strength and confrontation of the great powers in the 19th century.

China is close to the status of superpower not only due to its great population, vast territory and political influence, but also due to the parameters of its economy: it accounts for over half of the world output of steel, cement and a wide range of household electronic goods. Its positions in the scientific-educational sphere are also strengthening. China has set itself the task to become one of the leading innovative states from a "world factory." The country's relative resource weakness, which Beijing is now trying to overcome by economic expansion in the world²⁶, may diminish due to serious shifts in the economic structure, effective energy saving, and the change of the type of economic growth from extensive to intensive. Although militarily China has considerably strengthened during the past two decades, but in the volume of defense expenditures it lags behind the United States almost tenfold²⁷. Despite the evident increase of China's cultural influence during the years of reforms, the Chinese leaders regard it still inadequate. One of the "Reports on China's Modernization," published by a group of experts of the leading research centers of the PRC since 2001, is devoted to the modernization of culture. It placed China, by degree of its cultural influence, at 7th place in the world (in 1990 it held 11th place), following the United States, Germany, Britain, France, Italy and Spain, and China's share on the world market of culture, which is dominated by the U.S.A. (43 %) is characterized as negligible. In this connection a task has been set to contribute to the globalization of Chinese culture through the activities of the "Institutes of Confucius," which will serve the growing prestige of China²⁸.

Among the main weak points of China as a claimant to the role of a world pole are the unfinished process of the country's unification ("Taiwan problem"), demographic pressure, existence on the country's outskirts of big regions with non-Han population (Tibet, Xinjiang), and specific features of its political system. China possesses a potential of further growth, however, its realization requires prolonged versatile efforts.

The perception of and attitude to China in the world are contradictory. The positive image of "reforming China" after the 1989 events has been replaced by the negative brand of an authoritarian regime with the unsatisfactory level of political freedoms and human rights for several years. At present, a more or less positive brand of "developing China" is closely intertwined with a more negative image of "expanding China."

Realizing basic weak factors of their respective countries in the sphere of "hard" and especially "soft power" certain Russian and Chinese experts put forward from time to time the "compensation" thesis about a special moral character of Russia and China and their alleged moral superiority over western countries. However, we should note that the realities of life do not confirm this thesis. Thus, by the Corruption Perceptions Index calculated by the Transparency International organization (it has its representative in Russia), Russia held 146th place out of 180 countries in 2009, and China — 79th place, which is considerably worse than other great powers, except India (84th place). Germany — 14th place, Japan and Britain — 17th place, U.S.A. — 19th place, and France — 24th place²⁹. This rating can be continued: widespread prostitution, suppression of dissidents, enormous gap in income levels, etc., etc.

If Russia and China wish to bolster up their global status, they should, first of all, exert consistent and serious efforts with a view to overcoming their internal weaknesses.

IV

In protecting and strengthening their status of independent poles of a multipolar world Russia and China are faced not only with internal, but also numerous external challenges.

Among technological challenges mention should be made of the high degree of dependence of Russia and China on western technologies, which will persist for at least the next 10 to 15 years. In an ordinary situation this is not a critically dangerous factor and can even orientate Moscow and Beijing to stable economic cooperation with the producers of advanced technologies. However, this circumstance deals a painful blow at the great power ambition and status, and in an event of exacerbation of relations with the West, it is fraught with serious negative consequences.

Another technological challenge is the development of low carbon energy-saving technologies, including in the context of the strategy aimed at fighting the global warming. This can deprive Russia of its main natural comparative advantage — possession of large deposits of oil and gas. The introduction of this technology threatens China with a considerable lowering of economic growth rates, at the same time giving it a possibility to reduce its demand for foreign resources.

The list of cultural-civilizational challenges is rather long. The main ones, in our view, is the continuing onslaught of “global Hollywood” threatening with the marginalization of Russian and Chinese cultures, the dominating position of the English language in the world, and the growing activity of supporters of radical Islam. We should note that these challenges objectively prompt Russia and China to closer cooperation in their neutralization.

But both Moscow and Beijing talk the most frequently of the international-political challenge of the West, which obstructs the strengthening of the positions of Russia and China in the world.

The opposition to the elevation of China and revival of Russia can partly be explained by the classical fear of having a strong rival and the still existing heritage of the previous ideological confrontation. However, there is another aspect of the problem, when disagreement is caused not by the power of Russia and China as such, but the character of its use. The West demands that Russia and China as the global subjects of international relations carry on “responsible policy,” which is complemented by the well-tested strategy of “involvement,” creates an objective foundation for mutual adaptation of these countries and the western world, and broader cooperation between them on the basis of the existing world standards and rules. Naturally, in this case, too, they should protect their own interests, but this should be done by Russia and China with certain self-restriction in their global policy.

As is known, China has agreed with its self-identification as a “responsible global power,” realizing full well that this imposes additional obligations on it in both foreign and domestic policy.

Russia, in putting forward the tasks of radical modernization, expresses the desire to broader mutual understanding and cooperation with the United States and Europe and speaks more frequently of conducting a “responsible policy.” The long-term consolidation of such trends will give greater chances to form a non-confrontation model of a multipolar world.

As to the concrete format of such world, there can be various scenarios, proceeding from the current situation (they are not mutually excluding, but could be realized stage by stage and one after another).

Variant 1. Preservation of the U.S. domination with due account of its military might, key positions in world finances and possible restoration of economic positions. In our view, such situation can be preserved until not later than 2020. The relative positions of the United States as a superpower will become weaker.

Variant 2. A bipolar world. Recreation of countries' bipolar system is hardly probable. Even with the solid strengthening of China it can rely on a “one-and-a-half-polar world” in a foreseeable future, at the most. Something like a group bipolar structure (West—non-West, U.S.A.—Europe—Japan vs BRIC, etc.) may emerge.

Variant 3. Minimal multipolar structure, that is, the formation of three centers of force. Main candidates: U.S.A., China and Europe, the remaining countries, including Russia, will stay at some distance.

Variant 4. Natural multipolar structure, including the U.S.A., China, Russia, India, Japan, Brazil and the European Union.

Variant 5. Extended multipolar structure, including the “Group-20”, or somewhat narrower.

In our view, the variant of “natural multipolar structure” is closer to the optimal one. Incidentally, it is quite in line with the Joint Statement on the results of the Russian-Chinese summit meeting of November 23, 1998 — “Russian — Chinese Relations on the Threshold of the 21st Century,” which said, among other things, that “the 21st century should not and cannot become exclusively 'American,' 'European,' or 'Asian-Pacific' century... It should and can become a period of coexistence and mutual enrichment of the cultures and traditions of various states and regions”³⁰.

Let it be!

Notes

¹ Documents are on the site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation www.mid.ru

² Cited by Hu Shuxiang. *Diplomacy of China and International Development Strategy*. Beijing, 2009 (in Chinese).

³ See: Collection of Russian — Chinese Treaties. 1949—1999. — M., Terra-Sport. 1999, pp. 103—104.

⁴ Ibid., pp. 382—384

⁵ Hu Shuxiang. Op.cit., p. 107.

⁶ Heller, Peter. Oracle bones: a journey between China's past and present. — New York, HarperCollins Publishers, 2006, pp. 21, 295—300.

⁷ Hu Shuxiang. Op.cit., p. 107.

⁸ Wang Yizhou. Short Story of “Multipolar System” — In the book: Wang Yizhou. Global Politics and China's Foreign-policy Course. Beijing. Shijie zhishi chubanshe. 2003, pp. 206—207 (in Chinese).

⁹ See: Bogaturov, A.D., Averkov, A.V. Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy (1945—2008) (History of International Relations (1945—2008). M., MGIMO-University, 2009.

¹⁰ See: Far Eastern Affairs. Moscow, 2008, No. 4, pp. 10—13; 2009, No. 4, pp. 3—10.

¹¹ Karaganov, S.A., Yurgens, I.Y. Rossiya vs Evropa: protivostoyaniye ili soyuz? (Russia vs Europe: Confrontation or Alliance?) M., 2010, pp. 9—11.

¹² These data are contained in the electronic encyclopedia Wikipedia in the article Comprehensive National Power.

¹³ Politicheskii atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh system sovremennykh gosudarstv (Political Atlas of Our Time: Multidimensional Statistical Analysis of Political Systems of Modern States). Moscow. MGIMO-University, 2007. Methods of calculating the index is described in detail. Military expenditure (0.85), shares of world export (0.80), world gross product (0.77) and world population (0.48) are taken as the basic criteria. The indices of the quality of life, institutional foundations of democracy and statehood, and the rating of the level of external and internal threats are taken as additional criteria.

¹⁴ Ibid., p. 186.

¹⁵ Report on the International Status of China — 2009. Beijing, 2009, p.16 (in Chinese).

¹⁶ Yuan Peng. China's Strategic Choices — Contemporary International Relations. Beijing, Jan/Feb. 2010, p. 21.

¹⁷ The Economist, May 8th, 2010, p. 29.

¹⁸ 2009 Zhunguo guoji diwei baogao, p. 15.

¹⁹ Huang Ying. Summary of Symposium on the First Anniversary of the World Financial Crisis. — Contemporary International Relations. Beijing, Nov/Dec. 2009, p. 121.

²⁰ See, for example: Nuriel Rubini. Chetyre minus odin (Four Minus One) — Vedomosti. Moscow, 23.10.2009.

²¹ Encyclopaedia of International Relations and Global Politics (edited by Martin Griffiths). — London — New York. Routledge, 2009, p. 651.

²² Ibid., p. 351.

²³ See: Kuzyk B.N., Ageyev A.I. Dobrodeyev O.V., Kuroyedov B.V., Myasoyedov B.A. Rossiya v prostranstve i vremeni (istoriya budushchego). (Russia in Space and Time (history of the future). — Moscow. Institute of Economic Strategies. 2004. By the degree of influence on the world and the self-sufficiency level the authors single out four groups of states: superpowers, great powers, regional powers, small and medium countries. An expert quantitative scale on each of the nine parameters is introduced: management (in a broad sense of the word it is understood as the ability to effectively control and regulate the processes going on in a country), territory, natural resources, population, economy, culture and religion, science and education, army, foreign policy.

²⁴ Legatum prosperity index — <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>

²⁵ <http://www.visionofhumanity.org/gpi/results/rankings/2009/>. The global index of peaceableness has been evolved by the organization Vision of Humanity. It is calculated by 23 indices grouped as internal and external conflicts of a country in the 2002—2007 period, relations with neighboring countries, public security, militarization of society.

²⁶ The strategy of exporting capital, working deposits of natural resources and searching sales markets abroad is characterized in China as “entry in the outer world”. The Chinese leadership proclaims the need for “mastering the outer areas for the economic development of the country.” The meaning of this is China's need for economic expansion in the world. In May 2010 the book entitled China: Global Expansion by a Hong Kong author was on sale at the Changi airport in Singapore.

²⁷ The official military budget of the PRC for 2010 was planned in the volume of 78 billion dollars, as against 708 billion dollars in the United States and 41.7 billion dollars in Russia. — Vremya novosti. Moscow. 05.03.2010.

²⁸ How to improve China's soft power? — People's Daily Online, 12.03.2010.

²⁹ http://transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009.

³⁰ Sbornik rossiysko-kitayskikh dogovorov (Collection of Russian-Chinese Treaties. 1949—1999. — M., Terra-Sport, 1999, p. 454.

CERTAIN SPECIFIC FEATURES OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN 2009—2011

In recent years the foreign-policy course of the People's Republic of China, while retaining such long-term basic characteristics as independence and declared orientation to ensuring favorable conditions for the country's peaceful development, has, nevertheless, undergone quite a few noticeable changes.

Revelation and comprehension of the essence of these changes, their reasons and consequences have been taking place in China itself, in the West and in Russia. These processes are interpreted quite differently in different countries. Some actions of Beijing have been met positively by the world community, for instance, China's self-identification as a responsible country. Other innovations, their potential significance notwithstanding, have not caused any noticeable reaction, as was the case with the idea to transfer the foreign-policy support of the country from developing states to the “newly developed powers” (xinxing daguo) represented primarily by the BRICS format (Brazil—Russia—India—China—South Africa), which has widely been discussed in the PRC expert circles.

At the same time, the growing vigor of China's activity in the international arena, especially in upholding its interests, attracted greater attention, primarily in the West, and gave grounds for concluding that Beijing “is becoming 'less biding and hiding' and that China's “diplomacy of smiles has come to an end”¹.

By the end of 2010 the view that “China is becoming more nationalistic and more assertive toward many neighbors in Asia, the U.S.A. and the European Union”² has become prevalent in the United States and popular enough in many other countries³. In this situation Beijing has stepped up considerably its propaganda of the purely peaceful character of its rising and invariable policy of good-neighborliness without renouncing its

claims, however, to a greater role in the world arena than it was in the pre-crisis period.

We shall now examine more closely the evolution of the PRC foreign-policy course in 2009—2011.

The primary reason for changes in China's foreign policy was the growth of its absolute and relative economic might, which became especially evident in the conditions of the world financial and economic crisis of 2008—2009. Even during the pre-crisis period China succeeded in markedly reducing its lag behind the leading economies of the world. In 2002 China's GDP comprised 13.9 percent of the American GDP and 37 percent of that of Japan (calculated in \$ in accordance with the current exchange rate), whereas in 2008 the figures were 27.2 % and 78.6 %, respectively. The country's share in the world output of the processing industries grew from 5.1 percent in 1995 to 11.4 percent in 2007⁴. In the crisis period and the first post-crisis years China retained high economic growth rates (9.2 % in 2009; 10.4 % in 2010, and 9.2 % in 2011) and a high development rate of foreign trade (except in 2009). This allowed it to outstrip Japan and take second place in the world by the annual volume of the GDP, second place in the foreign trade volume and import, having outstripped Germany, and first place in the volume of export. Inasmuch as the economic growth rates of the United States were considerably lower than those of the PRC, the gap in the annual volume of the GDP between the two countries became considerably narrower again. According to forecasts, the economies of the two countries in their quantitative indices will become equal by 2018⁵. In the share of the output of the world manufacturing industries China was ahead of the United States already in 2010 (19.8 % and 19.4 %, respectively)⁶.

The turning of China into a world workshop has not only ensured its high growth rates, but also predetermined the greater dependence of its economy on the functioning of the world economy, be it the import of oil, iron ore, high-tech components for industrial assembly of a wide range of engineering and electronic commodities, or the stable extensive export of ready-made goods throughout the world.

The world financial and economic crisis with growing protectionism characteristic of it, demanded that China should firmly and consistently protect its interests in the world economy.

In this connection the need for the development of the deep-sea navy (including the building of an aircraft carrier) capable to protect the most important routes of cargo transportation began to be discussed in the country.

The PRC expert community has formulated the concept of “development interests,” which should de facto take all parameters and factors of the modern Chinese economy beyond the narrow framework of national borders.

The assessment of the general concept of China's state interests has become broader. In July 2009, in the course of the Chinese-American strategic and economic dialogue, Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, formulated “China's vital interests” at the official level for the first time. They include: defense of the basic system and security of the state; state sovereignty and territorial integrity; stable socio-economic development. The representative of the PRC Foreign Ministry Qin Gang defined the radical interests of China in a general form at a news conference on July 13, 2009 as follows: state sovereignty, security, territorial integrity and protection of development interests⁷.

This all-embracing formulation of the vital interests of the PRC showed the country's transformation from a regional into a global international player. The new global status of China was objectively bolstered up by its relatively successful coping with the world economic crisis and greater contribution to the world economic growth⁸.

The country's transfer to a new quality has been more fully realized by its leadership. On the one hand, the world community began to demand more insistently that China be included in tackling such global problems as fighting the climate changes. On the other hand, China's presence as a heavyweight at numerous summit meetings with an anti-crisis agenda, primarily the leaders of “G-20,” on equal terms has given it, for the first time, an opportunity to take part in the so-called global governance and shown that from now on it can really influence the “rules of the game” in the international arena. The successful holding of the summer Olympics of 2008 in Beijing and the World Expo 2010 in Shanghai has increased China's self-confidence.

It is indicative that certain Chinese experts give pride of place to this self-confidence inherent in a great power among the new specific features of the PRC foreign policy in the post-Olympic period. The Assistant Rec-

tor of the International Relations Academy at the People's University of China, Professor Chen Yue, emphasizes that “China began calmly, confidently and with dignity declare its strategic ideas, preferences and aims, without deviation or desire to hide them, and without concern about the reaction of the outer world”⁹.

The first successful claim of the PRC to a more active role in world affairs concerned the improvement of its positions in the leading international currency-financial bodies. The share of China's votes at the World Bank was increased from 2.47 % to 4.42 %, and at the International Monetary Fund — from 3.65 % to 6.07 %. In both cases China reached the third position, after the United States and Japan¹⁰. Another important indication of Beijing's growing activity was its claim to include in the world's financial and economic agenda the question of the internationalization of the yuan and its role of one of the world's reserve currencies in the foreseeable future. Although this idea has so far been realized in the form of the greater use of the yuan in the PRC calculations with its trade partners, nevertheless, it evoked broad response and bolstered up China's claims to play a more important role in managing the world economy. Striving to consolidate its status as a responsible global power, China has increased its contribution to the UN budget from 2.667 % in 2009 to 3.189 % in 2010, and the share of its contribution to the peacekeeping operations from 3.144 % to 3.939 % (in all, to \$300 million). Apart from that, from the end of 2008 China has dispatched its ships to the shore of Somalia several times to take part in patrolling the area of the operations of sea pirates, having increased security of passage for three thousands vessels¹¹.

At the same time China had no clearcut program of further actions in many directions. Its transfer to the “league of the rich and strong” has come about too quickly even for the PRC itself, let alone the rest of the world. There was the growing requirement for renovating China's self-identification and reappraising the country's place in the world and the strategy of its relations with various groups of states. These circumstances have determined the emergence of the elements of a searching character in China's foreign policy of 2009—2010, which could also be explained by the dynamic changes of the international situation as a whole and concrete incidents and actions directly involving China.

In particular, a proposal put forward by the Shanghai political analyst Yang Jiemian is worthy of mention to the effect that the main pillar of

China in its movement to the status of a global power should be a group of “newly rising states,” namely the BRIC, but not all developing countries as a whole, as it was believed previously. Yang Jiemian believed that this group, whose emergence made the international situation more balanced, could serve China as a strategic support in many aspects, including in politics, economy and power production, and also in the reform of the international currency-financial system and the formation of an international mechanism to oppose non-traditional threats to security¹². This idea (which emerged, in our view, as an alternative to the proposal of certain American political analysts to form a “big two” consisting of the U.S.A. and the PRC) has not been supported. The official view prevailed that China would remain in the group of the developing countries, more exact, the biggest of them, for quite some time¹³. At the same time the Chinese expert community has confirmed the idea of renouncing a unified approach to the given group of countries and transferring to a more precise and differentiated policy taking into account the specific features of each of them. As Professor Ye Zicheng of Peking University believes, it is precisely such new approach that is in line with China's interests and makes it possible to turn relations with developing countries into a major element of its foreign-policy strategy¹⁴.

An important factor, which made a profound influence on the specific features of the foreign-policy course of the PRC in recent years, has been growing **nationalism** in the country which accompanied China's successes and the strengthening of its positions in the world.

It is rather difficult to draw a dividing line between the natural feelings of patriotism, pride for one's country and nationalism. Perhaps, because of this some political analysts in the PRC have formal grounds to interpret Chinese nationalism of recent years as rational, that is, “open, soft..., and not aimed at containing other states, peaceful, but not hegemonistic”¹⁵. In our view, however, this characteristic clearly idealizes real nationalism in today's China.

First, the range of those preaching it is quite broad and includes adherents to radical views — from “Leftist” elements to part of the military circle¹⁶.

Secondly, their influence on society, which was insignificant some ten years ago, has increased considerably in connection with the growing role of the Internet. For example, the books by the outright nationalist Wang

Xiaodong could be seen on the shelves of Chinese bookshops as early as in 2000—2001, but very few people knew his name then, but today, thanks to publications in networks, he is known throughout China and even abroad¹⁷. Accordingly, the circles responsible for taking decisions cannot ignore nationalistic views and sentiments in society and have to take them into consideration¹⁸.

Thirdly, paradoxical as it may seem at first glance, official forecasts and orientations themselves aimed at the further strengthening of China's might and positions in the world are, among other things, the sustenance of present-day Chinese nationalism.

In this context two recent works by Chinese authors could be compared: “China Has No Alternative but...” by Yuan Kun¹⁹, and “China in 2030 — Moving to Universal Prosperity” prepared by a group of research associates at the Qinghua University headed by the well-known scientist Hu Angang²⁰.

The former work was written from the nationalistic, even Messianic, positions and was aimed at proving that China had already the basis for becoming a “first-class power,” and would inevitably turn into a superpower “bringing civilization and prosperity from the East.” The only thing which China lacks for becoming a leading power of the world is self-confidence and courage. Yuan Kun lavishly uses eye-catching metaphors and comparisons to bolster up his main idea. Indicative in this respect are the titles of the chapters of his book: “If China Sneezes, the Entire World Will Catch Flu,” “If Once China Imposes Sanctions on America...,” “The Sale of American Bonds is New Nuclear Weapon of China,” etc.

Research associates at the Qinghua University, close to official mainstream, do not brag, but their main forecast boils down to stating that in 2030 China will concentrate almost one-third of the world's GDP, surpassing the United States in this index by 2.2 times, that is, just as Yuan Kun's work, it actually orients the country's development to reaching a superpower status.

A feeling arises that the authors of these long-term forecasts seem to ignore the existence of other countries on the planet, do not think that they may have their own interests and aims differing from those of China, and place in the center their own “right to develop.” In this context it is natural that from 2009 China began to be assessed in the West as a “nation oriented only to its own interests and striving for a boundless increase of its

comprehensive might”²¹. In our view, such characteristic is too excessive, however, one should admit that an increase of nationalistic sentiments in the Chinese society contributed to a definite hardening of China's foreign policy in 2009—2010. At a local level, readiness for a resolute rebuff to all opponents on one's own initiative, without any direct orders from the central authorities, has become a widespread practice at the time.

A conviction has become ever stronger in society that China has outgrown the bounds of Deng Xiaoping's behests of twenty years ago and that it should “hide its possibilities no more” and switch over to the most energetic actions in the international arena, especially in protecting its own interests.

It was in this vein that **China's behavior continued in some conflict situations in 2009—2011**, which had noticeable international repercussions.

August 2008 was the “starting point.” It was marked by two important events. First, China's success at the Summer Olympic Games in Beijing, which considerably raised the country's self-esteem. Secondly, the Russian-Georgian military conflict which followed Tbilisi's attempts to restore its control over South Ossetia by force. The fact that the United States did not render effective support to its Georgian ally was assessed by Beijing as an unambiguous sign of the weakening of its might.

One of the first practical events demonstrating Beijing's readiness to act more harshly than before was the incident with the American vessel of acoustic reconnaissance “Impeccable”, 75 miles to the south of Hainan. On March 9, 2009, the Chinese side, using five vessels of different departmental affiliation tried to obstruct the sailing of this American ship in the PRC economic zone. Such routine reconnaissance activity of U.S. ships has not been obstructed previously.

One of the reasons for the incident was different interpretation by China and the U.S.A. of some premises of the UN Convention on the Law of the Sea. The Chinese side supposes that the Convention's ban on reconnaissance activity in territorial waters should also include the exclusive economic zone. The American side protects the principle of complete freedom of navigation and reconnaissance activity in this zone. The United States filed a protest, characterizing the actions of the Chinese vessels against the American ship as a violation of the principle of international law to observe the rights and security of all users of the sea. In its turn, the Chinese side rejected this protest as “untenable”²².

At the same time one cannot fail to notice a direct connection between the time of the incident and the coming to power of the new administration headed by Barack Obama in the United States. Logically speaking, the Chinese leadership was not at all interested in any aggravation of relations with the new U.S. administration during the period between a visit of the U.S. Secretary of State Hillary Clinton to Beijing (February 20—22) and the first meeting of Hu Jintao with Barack Obama planned for April 1, 2009, at the G20 summit in London. This was why certain American political analysts characterized the incident with the “Impeccable” as a purely local initiative not coordinated with the Center, which was, nevertheless, “a sign of the aggressive behavior of China, especially in the South China Sea”²³.

In turn, Chinese analysts tied this incident to the desire of the military circles in the United States to remind Barack Obama of China's stronger positions in the sea and render more difficult a “strategic rapprochement” with Beijing planned by the new U.S. President²⁴.

Similar view, but with placing responsibility on Chinese seamen, was expressed by M. Chase from the military naval college in Newport. He recalled that the incident on March 9 was not an isolated episode: prior to it, on March 4 and 5, Chinese vessels obstructed the sailing of another American reconnaissance vessel — “Victorious” — some 200 kilometers from the shore in the Yellow Sea²⁵.

Formally, the incident with the “Impeccable” was settled quickly — either after interference of the central Chinese leadership, or after Obama's approval to send a missile destroyer to protect the reconnaissance vessel during its sailing in the region.

However, this episode did influence in a certain manner the attitude of both sides toward each other's policies in East Asia.

Serious changes occurred in Beijing's policy toward the Democratic People's Republic of Korea in 2009—2010.

By 2009 China became annoyed with Pyongyang's efforts to retard the resumption of the six-party negotiations on the denuclearization of the Korean Peninsula, in which Beijing wished to play a leading part. The journal *Shijie Zhishi* (“Knowledge about the World”) published under the aegis of China's Foreign Ministry wrote that thanks to a “shrewd conduct” in dealing with the Bush administration North Korean diplomacy gained everything it wished during the six years of six-party negotiations: exploded

a nuclear device, declared the DPRK a nuclear country, and apart from that, received a considerable assistance in the form of oil and food products... "Meanwhile, America has lost time and money without getting anything in return"²⁶.

Pyongyang's test of a carrier rocket which allegedly put a communication satellite on to a near-earth orbit on April 5, 2009, was assessed by the UN Security Council as a violation of its resolution No. 1718 of October 14, 2006 (it demanded that the DPRK refrain from new nuclear tests or launchings of ballistic missiles). A statement of the President of the Security Council demanded that Pyongyang should not launch ballistic missiles in the future. The North Korean side rejected it and announced its withdrawal from the six-party negotiations, as well as its decision to restore the nuclear objects which had been previously put out of functioning²⁷.

China had to define its position on the DPRK urgently, both with regard to its concrete actions and in long-term strategic plans. Serious discussion unfolded in the official and expert circles on this problem, which was also reflected in the mass media. The most critical attitude toward the DPRK was expressed in Cai Jian's article published in *Shijie Zhishi* on May 1, 2009²⁸. It clearly stated that "China does not wish North Korea to turn into a state possessing nuclear weapon," inasmuch as this would bring serious harm to the vital interests of the PRC, by creating considerable restrictions of, or even a threat to, their implementation. The DPRK attempts to create nuclear weapon were denounced as "extremely adventurous actions."

Besides, the article contained a transparent hint on a possibility of lowering the level of Beijing's relations with Pyongyang for the sake of improving China's relations with the United States. First, it was noted that "of all problems of the Korean Peninsula the greatest coincidence of China's and the U.S.A.'s positions was in the matter of its denuclearization." Secondly, it was stated that "in the long-term context, the problem of the nuclear DPRK was not a conflict problem in the relations between it and the United States. This was a problem of the correlation of China's global strategy and the strategy of the U.S.A. in the Asia-Pacific Region." In this connection, Cai Jian concluded, a balance between the Chinese-North Korean and Chinese-American relations merits special attention.

The second underground nuclear explosion carried out by Pyongyang on May 25, 2009 (the first was in October 2006) exceeded the limits of patience of Beijing, which joined the resolution of the UN Security Council No. 1874 of June 12, 2009, denouncing this act of the DPRK. On June 3 the nuclear problem of Korea was discussed over the phone by the leaders of the PRC and the U.S.A. during the period of preparation of this resolution²⁹.

In the view of Bonny Glaser, an American expert from the Washington Center for Strategic and International Studies, the unusually sharp reaction of Beijing to the nuclear test of the DPRK could be explained by the fact that previously China believed that Pyongyang's nuclear program was used by it as a means of exchange for normalizing relations with the United States, however, after May 25 it became clear that the real aim of Pyongyang was gaining a nuclear status³⁰.

In June-July 2009 an impression was created, especially in the United States, that China was as close as it had never been to join "the united front" of total pressure on the DPRK consisting of the United States, Japan and the Republic of Korea. However, this did not happen. China did not want to be drawn in the game of others with unpredictable consequences and gradually revived its special relations with the DPRK, considering them more effective for preserving the status quo on the Korean Peninsula. The 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the PRC and the DPRK and the proclamation of 2009 the "Year of China-DPRK Friendship" were good pretexts for this.

In September 2009 Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, visited Pyongyang as the special representative of Hu Jintao. A month later Wen Jiabao, the State Council Chairman, came to Pyongyang to confirm Beijing's course aimed at preserving traditional friendship and cooperation with the DPRK.

The tone of publications about the DPRK in the Chinese press, including *Shijie Zhishi*, has changed sharply. Now it was emphasized that domestic stability is a prerequisite for a solution of the nuclear problem of the DPRK through a dialogue and that it corresponds to the interests of all neighboring countries which are called upon "not to bring pressure to bear on Pyongyang." It was noted that it is necessary to see the errors of not only the North Korean, but also the American side³¹.

This noticeable change of its position was explained in China by its striving to help Pyongyang to put an end to international isolation, ensure stability on the Korean Peninsula, and return the DPRK to “the road of a dialogue for solving the nuclear problem.” The softening of Beijing's position on the DPRK was received by part of the world public opinion critically, as admitted by Chinese political analysts themselves³².

Soon this criticism became heavier. The sharp aggravation of the inter-Korean relations in 2010 provoked by the blowing up of the South Korean corvette “Cheonan” and the bombardment of Yeonpyeong Island under the jurisdiction of Seoul laid bare the principally different approach of China and the West to the DPRK and the ways to resolve the situation on the Korean Peninsula. Guided by its own interests, China was against laying the blame for the incident solely on Pyongyang, stepped up political contacts with it and increased economic assistance to the DPRK. In this connection American political analysts accused Beijing of weakening its interaction with the West in resolving the problems of the Korean Peninsula³³.

China's relations with Japan have also exacerbated, although they positively developed after resignation of Koizumi's government: an exchange of visits by the two countries' leaders has taken place, Chinese-Japanese strategic and economic dialogues have developed, and bilateral contacts in the defense sphere have become more active³⁴. However, the detention of a Chinese fishing vessel on September 8, 2010 by the Japanese side and the arrest of its captain for “unlawful fishing” in the vicinity of the disputed Diaoyudao (Senkaku) Island caused an unusually strong reaction of Beijing. China immediately announced postponement of negotiations on an increase of the number of flights between the two countries and a stop to the exchange of visits of official persons at the level of provincial administration and higher. The question of a release of the Chinese captain was only resolved after China's Premier Wen Jiabao who was in New York at the time demanded it on September 21 and threatened the Japanese side with serious consequences. One of them was China's cancellation of its export of rare-earth elements to Japan necessary for the production of a wide range of electronic commodities.

Chinese political analysts believe that the harsh behavior of both sides shows the growing competition between China and Japan for ensuring their safety in the seas and for obtaining marine resources. The strengthen-

ing of the American-Japanese alliance, which considerably worsened the general security situation in the region, was an especially unpleasant consequence of the incident for China³⁵.

In 2009–2010 disputes between China and a number of Southeast Asian countries, above all the Philippines, Vietnam, and partly Malaysia, on the problem of sovereignty over the islands and the delimitation of the shelf and water area in the South China Sea markedly exacerbated.

After the endorsement of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea by the PRC, Philippines and Vietnam in 2002, which envisaged the orientation of the countries concerned to resolving disputed problems by peaceful negotiations and their obligation to refrain from threats and hostile acts, passions around this complex problem have died down for some time.

However, the situation remained calm for only a short time. In view of the moratorium on applications for sections of the shelf around the island coming to an end, which was envisaged by the UN Convention on the Law of the Sea of 1982, Vietnam and the Philippines stepped up their activities aimed at sealing the status quo of their sovereignty over the islands under their control. The situation has become more complex after the results of geological prospecting work have revealed a considerable potential of oil extraction in the area of the South China Sea.

On February 2, 2009, the House of Representatives of the Philippine parliament passed a Bill on Defining the Archipelagic Baselines of the Philippine Archipelago, in accordance with which the group of islands of Nansha (Spratly) Archipelago, which Manila called “Kalayaan Archipelago”, was within the bounds of the main sea border of the Philippines. On March 10 the law was endorsed by the Philippine President. On May 6 Vietnam and Malaysia submitted their joint draft project to the UN on delimitation of the shelf in the South China Sea outside the boundaries of the 200-mile exclusive economic zone.

The permanent representative of the PRC to the UN submitted to the Secretary-General Ban Ki-moon a note demanding to refrain from examining the draft project of Vietnam and Malaysia³⁶. According to certain experts, a well-known Chinese map with a U-shaped contour of the sea border of China in the South China Sea, which claimed 80 percent of the sea area as a possession of China was presented to the UN commission³⁷. On

May 8 Vietnam again submitted its former draft project, this time individually. An exchange of protests between Beijing and Hanoi followed suit.

Oil on the flames was poured by the U.S. Secretary of State Hillary Clinton, when she announced the “U.S. return to Asia” at a meeting of the Asian Regional Forum on the island of Phuket in Thailand on July 22. The exacerbation of the conflict in the South China Sea has created favorable opportunities for the United States’ interference in the situation under the pretext of “protecting the freedom of navigation.” Besides, the United States suggested that the ASEAN countries, which claimed and which did not claim any islands in the South China Sea, but simply feared the growing might of China, broaden their ties with Washington, especially in the military sphere, as an insurance against risks. “Hedging” on the basis of opposition to China, which was regarded as hypothetical several years ago, became a reality in the region of the South China Sea in 2009.

In 2010 the situation became still more dangerous due to widespread rumors about the inclusion of the problem of sovereignty over the islands of the South China Sea in the list of “China’s vital interests.”

Certain foreign experts speak about this as of a *fait accompli*³⁸. But this is not so. The question has widely been discussed in the PRC at the “Strong State” (Qiangguo lungtan) Internet forum, with over 90 percent of those taking part speaking in favor of such inclusion. However, this was not officially declared. Nevertheless, as quite a few Chinese political analysts stated, “rumors about the inclusion of the question about the South Sea in the list of our vital interests have dealt a blow at the image of China as a responsible power”³⁹.

Perhaps, just this confrontation in the South China Sea, as compared to other conflicts, has increased doubts of part of the world community concerning the desire of stronger China to continue to adhere to the policy of good-neighborliness. On the whole, greater vigor in 2009–2010 has brought few dividends to Beijing. Moreover, the international situation around China has become more complex.

Critically analyzing this period of the PRC foreign policy, certain Chinese political analysts have come to the conclusion that the overestimation of the country’s might, the aggressive style of behavior in international relations and the growth of nationalistic sentiments lead to “greater misunderstanding in the perception of China by the outer world, negatively in-

fluence the effectiveness of its foreign policy and inflict harm on its state interests”⁴⁰.

From the end of 2010 the Chinese leadership began to make considerable **corrections to its foreign-policy course**, which were supposed to show the invariable adherence of Beijing to the course aimed at peaceful development, good-neighborliness, mutual benefit, and solution of any disputed problems through a dialogue.

One of the first signals of this was an article written by Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, placed on the site of China’s Foreign Ministry on December 6, 2010, and later published in the mass media, including foreign ones. Dai Bingguo tried to assure the potentially great audience of readers that the PRC had no secret ambition, secret agenda or intentions to achieve hegemony, but adheres to the path of peaceful development “for the next one hundred and even thousand years.” Dai Bingguo called on the world community to welcome China’s peaceful development, but not fear it, help and support it, but not attempt to undermine and contain the efforts of the PRC.

At the same time the world community was asked “to understand and respect the legitimate interests and cares of China in the course of its peaceful development.” It was specially emphasized that a development path could not be chosen which would harm national interests. The latter include the preservation of the existing political system (the CPC leadership and the socialist path of development), sovereignty, territorial integrity, national unity and protection of the basic guarantees of stable economic development⁴¹.

The main ideas of Dai Bingguo’s article were included and developed in the White Paper of the PRC State Council “Peaceful Development of China” dated September 6, 2011. A special section of the White Paper characterizing China’s foreign policy proclaims as its aims a contribution to the construction of a harmonious world; independent course based on the five principles of peaceful coexistence; assistance to new approach to ensuring security based on mutual trust, mutual benefit, equality and coordination; proper international responsibility; orientation to regional cooperation and good-neighborliness. Just as in Dai Bingguo’s article, the concluding section of the document expressed the hope that the world community would believe in the sincerity of the Chinese people and their

determination to go forward along the peaceful development road and will contribute to this course instead of obstructing it⁴².

Many publications have appeared in the Chinese mass media claiming that Deng Xiaoping's foreign-policy behests calling on China to display caution in international affairs are a long-term orientation for the country, but not a forced tactical ruse, which should be renounced in due time. As the well-known Chinese diplomat Wu Jianmin, the former PRC Ambassador to France, emphasized, Deng Xiaoping's key principle "not to boast of one's talents" was aimed at preserving possibilities for China to develop and cooperate with other countries.

Wu Jianmin criticized those who advocated transfer to more offensive methods in Chinese foreign policy, especially in resolving disputes with foreign countries. "These persons," Wu emphasized, "have forgotten that the epoch has changed and he who provokes war will lose sympathy and will find himself in a passive position and isolation"⁴³. The rapidly changing international situation, as noted by the President of the Chinese People's Diplomacy Association Yang Wenchang, demands that China should be "thoroughly observant," and only then will it be able to reveal the real tendencies of the epoch⁴⁴.

Articles written by high-ranking diplomats explaining the present-day foreign-policy course of the country are now published more frequently in the PRC.

From the end of 2010 groups of authoritative retired Chinese diplomats were being sent to foreign countries for talks and discussions with experts and officials in the United States, Canada, Russia, Kazakhstan, India, France, and elsewhere to explain China's policy. Certain corrections have now been made in practical policy.

A long-term course has been taken to draw a worthy, favorable image of China, reflecting its peaceableness, responsibility to the world community and adherence to general development⁴⁵. The implementation of this task is seen, above all, in greater attractiveness of Chinese culture abroad and the strengthening of China's international cultural influence. Meanwhile, certain world experts see the weakest spot of Chinese "soft power" not in the cultural sphere, but in political institutions and diplomacy (as they are perceived in the world)⁴⁶. In this context it is natural that the next step of the PRC, following its enthusiasm about the concept of "soft

power" during a preceding period, will be a thorough approach to the concept of "smart power"⁴⁷.

The corrected **foreign-policy course of the PRC retains its global character**. As before, it pays special attention to Africa, which comes out as a "shop window" of the effectiveness of Chinese assistance, and also as a source of oil, mineral raw material resources, agricultural lands, and also in connection with the Arab Spring, which directly touched at the minimum on the economic interests of Beijing. The global assessment of China's international activity should also include its growing activity in the Arctic regions (the first monographs on the subject have already been published in the PRC) and in Antarctica, although by assessments of western political analysts, in this region China is still a medium power having desires and aspirations of a great power⁴⁸.

Despite regular contacts of high PRC officials with the functionaries of the European Union and its member countries, there is a feeling that Beijing's activity in the European direction has become somewhat lower. This could be explained by China's wait-and-see position in the conditions of the still continuing situation of the European debt crisis. A certain role is also played by the fact that the European Union, while looking for China's effective assistance in solving its financial problems, evades satisfaction of the counterclaims to recognize the PRC as a market economy and lift an embargo on selling military hardware and technology to it.

At the same time in the regional directions of Beijing's foreign policy **pride of place is given to the states adjacent to China** and the subregions of East, Southeast and South Asia. It is this belt that remains the principal zone of the realization of the PRC state interests in the international arena. It is precisely there that frictions and misunderstanding are concentrated caused by Beijing's vigorous actions in 2009—2010. As the Chinese mass media stated in early 2012, "China should improve relations, above all, with its neighbors"⁴⁹.

Some improvement of relations with Japan was seen in the first half of 2012. A visit of the new Prime Minister of Japan, Yoshihiko Noda, to the PRC has taken place, agreement has been reached on using national currencies in mutual trade and innovative deals, and efforts have been resumed in the development of integration in the China-Japan-Republic of Korea "triangle." The President of the Republic of Korea Lee Myung-bak has also visited the PRC, having put an end to a certain cooling of political

relations between the two countries due to their differences in assessing the reasons for tension on the Korean Peninsula.

The political and economic support of China contributed to the preservation of stability in the DPRK after the sudden death of Kim Jong Il. Beijing exerts great efforts to resume the six-party negotiations on resolving the nuclear problem of the Korean Peninsula.

Steps have been taken to improve relations with India, which have been marked with hidden tension in 2009—2010, due to mutual suspicions caused by the uncompromising attitude of both to resolving the border problem⁵⁰. In September 2011 the first round of the Chinese-Indian strategic economic dialogue took place in Beijing. And on January 17, 2012, a bilateral intergovernmental agreement was signed in New Delhi on creating a consultative coordination mechanism on border territories. It is aimed at strengthening cooperation between China and India to ensure peace and tranquillity on border territories of the two countries.

The situation in the South China Sea has developed somewhat differently. China continued to increase pressure there up to the middle of 2011. On May 26, three Chinese vessels blocked the sailing of the ship “Binmin 02” belonging to the Vietnamese government oil and gas company, which “carried on seismic prospecting work on the continental shelf and in the exclusive economic zone of Vietnam.” The underwater cable of the Vietnamese vessel was cut off by a special device⁵¹. However, inasmuch as neither Beijing nor Hanoi was interested in increasing tension and worsening bilateral relations, the two sides reached a compromise and signed an Agreement on Basic Principles for Resolving Maritime Issues Between the PRC and the SRV during a visit of the leader of the Vietnamese Communist Party Nguyen Phu Trong to China in October 2011. Under the agreement China and Vietnam pledged to guarantee peace and stability in the South China Sea until the final solution of disputed problems and not to undertake actions capable to aggravate the situation⁵².

China's dispute with the Philippines took a different turn. At the end of August 2011, during a visit of the Philippine President Benigno Aquino to the PRC, the two sides exchanged views on the conflict in the South China Sea, but did not come to drawing their positions closer together. They only agreed on that the conflict should not influence “a broader picture of friendship and cooperation between the two countries”⁵³. However, soon the active participation of the Philippines in military exercises with

the United States, Manila's call on the ASEAN countries to set up a united front to oppose China, and its insistent defining of the western part of the water area of the South China Sea as the “Western Philippino Sea” strongly annoyed Beijing. Calls were heard there “to punish the Philippines” in order “to discourage certain nations in their desire to join the United States in containing China”⁵⁴.

In the heat of the disputes with the Philippines and on the eve of the East Asia Summit, whose agenda was supposed to include discussion of the situation in the South China Sea on the insistence of the United States, the PRC Foreign Ministry has published a White Paper on the results of China-ASEAN cooperation in 1991—2011. The main aim of the document was to show a broad picture and favorable development of bilateral cooperation in the most diverse spheres during the preceding two decades and convince the regional states of China's desire always to be “their good friend, good neighbor and good partner”⁵⁵. And the leading Chinese mass media expressed the hope that “most ASEAN countries would not fall into the trap of disputes about the South China Sea, which should be resolved through bilateral dialogues of the countries concerned”⁵⁶.

By early 2012 tension in the zone of the South China Sea has subsided. On January 14, 2012, a conference between China and ASEAN countries was held in Beijing on the implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea in the context of the tenth anniversary of its adoption. The countries involved expressed the desire “to promote business cooperation” and “ensure peace and stability” in the region⁵⁷.

Naturally, disputes about the South China Sea have somewhat died down but not stopped. Taking into account serious difficulties connected with China's maximalist position and the absence of sufficient support of it by the international community, Chinese experts began to evolve reserve variants. One of them boiled down to concentrating attention around the sovereignty of Xisha and Nansha (Paracel and Spratly) islands, making concession on the question of control over the sea itself⁵⁸. On February 29, 2012, the official spokesman of the PRC Foreign Ministry Hong Lei stated that “no country, China included, demands the establishment of its sovereignty over the entire South China Sea.”

True, calls of a more radical character can be heard in China, too — “not to put the course of the country's revival under threat by inadequate

behavior in the South China Sea.” In the view of Colonel Qiao Liang, China's potential gains from complete control over the South China Sea are incomparably smaller than the gains for the policy of modernization already received from cooperation with the outer world. On the whole, he maintains, “China's rise requires strategic wisdom and strategic patience”⁵⁹.

In China's bilateral relations with individual countries, the priority character of its **relations with the United States** has become more pronounced. One of the aims of the present corrections to Beijing's foreign-policy course is to lower the anti-Chinese spirit of Washington's policy, especially its declared strategy of “return to Asia,” thereby improving the general foreign medium of the PRC development.

As reported by the well-known American political analyst and scholar of China D. Shambaugh, at the annual meeting of the China's Association of International Relations in Lanzhou in 2010, pride of place was given to the recommendation “not to enter into confrontation with America”⁶⁰.

The correlation of forces of the two countries is now assessed in more modest terms. The head of the Planning Department of the PRC Foreign Ministry, Le Yucheng stated that “not a single country will be able to become an equal rival for the United States within the next 20 to 30 years”⁶¹.

The optimal for China variant of its relations with the U.S.A. was reflected in the Joint China-U.S. Statement signed on January 19, 2011, during an official visit of Hu Jintao to the United States. The premise that “the U.S.A. ... welcomes strong, prosperous and successful China playing a still greater role in world affairs” is of principle importance for the positive development of bilateral relations. “China welcomes the United States as an Asia-Pacific nation contributing to peace, stability and prosperity of the region”. The adherence of both China and the United States to promotion of partnership based on mutual respect and mutual benefit was also declared⁶².

From that moment on there has been a certain bifurcation in China's approach to the United States: at the official level a very cautious position prevails, the relations with Washington are always described as “mainly good,” and “sound.” At the same time, the expert community frequently gives rather harsh assessments of the U.S. policy, especially its “returning to Asia” and joining the Trans-Pacific Partnership.

It was only at the end of 2011-beginning of 2012 that the official and expert assessments became closer, perhaps, on the eve of a visit of Xi Jinping to the United States, which took place in February 2012. Thus, the director of the Institute of the U.S.A. at the Chinese Academy of Contemporary International Relations Yuan Peng admitted at an annual conference on the results of China's foreign policy in 2011 that the shifting of the strategic center of gravity of the U.S. global policy in the Asia-Pacific Region “was not fully determined by China and directed against it”⁶³. American experts hold similar view, reiterating that the growing importance of Asia and the APR for the national interests of the United States has invariably been emphasized by the last four U.S. presidents, beginning with G. Bush, Sr., and that this course has not been a result of China's rise⁶⁴.

In any case, however, the process of mutual adaptation and search for a format of relations suitable for both the PRC and the U.S.A. in the foreseeable future has not yet been completed.

The relations with **Russia** are still of primary importance for China from the point of view of ensuring national security, inasmuch as strategic partnership and equal interaction sealed by the bilateral Treaty on Good-neighborliness, Friendship and Cooperation of 2001 serves as a guarantee from any attempts to encircle the PRC along the border perimeter. Speaking in Munich at the conference on security problems on February 4, 2012, the Foreign Minister of the Russian Federation S. Lavrov stated: “We will not take part in any construction schemes aimed at containing China, which is our good neighbor and strategic partner”⁶⁵.

The veto imposed twice by China and Russia when the unilateral, unbalanced draft resolutions on Syria were discussed in the UN Security Council testifies to similarity of the attitude of Beijing and Moscow to certain specific features of present-day international relations.

In 2011 bilateral trade grew dynamically and its volume reached, according to Chinese customs statistics, \$79.25 billion, and according to Russian custom statistics — \$83.5 billion.

Of course, the considerable growth of China's role in world politics and economy puts new problems and tasks before Russia — both in bilateral cooperation and in interaction in different formats and in different spheres in the international arena. However, given the further development and broadening of equal partnership and strategic interaction, all these problems can be tackled successfully. The main factor here is grow-

ing mutual trust and the creation of a stably positive image of the partner country among the population, expert community, business and political elites of China and Russia.

* * *

Discussions concerning the new aspects of China's foreign policy and its possible evolution continue in that country itself and in the rest of the world. The 18th Congress of the ruling Communist Party of China have confirmed the intention of the PRC to adhere further to a peaceful road of development, as well as the desire "to take more active participation in world affairs and to play a role of a responsible power".

Notes

¹ A Special Report on China's Place in the World. "Less Biding and Hiding: China is Becoming More Nationalistic and More Assertive"; The Danger of Rising China: China and America are Bound to Be Rivals, but They Do Not Have to Be Antagonists," *The Economist*, 2010, Dec. 2.

² D. Shambaugh, "Coping with a Conflicted China," *The Washington Quarterly*, 2011, Vol. 34, No. 1, Winter, p. 7

³ See for example: Th. Christensen, "The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy," *Foreign Affairs*, 2011, March-April; N. Bisley, "Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region," *Global Asia*, Seoul, 2011, Vol. 6, No. 4, Winter.

⁴ Mao Zhonggen, Hong Tao, "From a Producing Country to a Consuming Country: Present State, Mechanism and Policy," *Xinhua Wenzhai*, Beijing, 2011, No. 19, p. 54 (*in Chinese*).

⁵ *The Economist*, London, 2011, Dec. 31. With reference to Pew Research Center.

⁶ Mao Zhonggen, Hong Tao, op. cit., p. 53.

⁷ "The Historic Breakthrough; China Determined its Vital State Interests for the First Time," *Shijie Zhishi*, Beijing, 2011, No. 19, p. 20 (*in Chinese*).

⁸ Calculations based on the IMF data make it possible to evaluate the contribution of the GDP growth in China to the increment of the world GDP (in \$, in current prices) for the years 2009–2011 at 19.7 %.

⁹ Chen Yue, "New Reference Points and Specific Features of Chinese Foreign Policy at Present," *Zhongguo Waijiao*, Beijing, 2011, No. 10, p. 4. The article was first published in the magazine *Jilin daxue shehui kexue xuebao*, Changchun, 2011, No. 3, pp. 25–29 (*in Chinese*).

¹⁰ *Liaowang*, Beijing, 2011, No. 37, p. 27.

¹¹ Chen Yue, op. cit., p. 4.

¹² Yang Jiemian, "Thinking about the "Four Groups" and Present Specificities of Restructuring World Forces," *Shijie Jingji Yu Zhengzhi*, Beijing, 2010, No. 3, pp. 4, 11–12 (*in Chinese*).

¹³ "China Will, as Before, Remain a Developing State for a Comparatively Long Time," *Qiushi*, Beijing, 2010, No. 12, pp. 42–44 (*in Chinese*).

¹⁴ See: Ye Zicheng, "Foreign Policy of China in 2011: The Year of Trials for the Country's Diplomacy," China at the Wheel of History — The Macroanalysis of Present-Day International and Domestic Situation. Annual Report for 2010–2011. Qin Chaoyin (Ed.-in-Chief). Beijing: Zhongguo fazhan chubanshe, 2011, pp. 109–111 (*in Chinese*).

¹⁵ Chen Yue, op. cit., p. 5.

¹⁶ See: Ya. Berger, "Evolutsiya geopoliticheskikh vzglyadov v Kitaye [Evolution of Geopolitical Views in China]," *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, No. 4, pp. 23–37; D. Shambaugh, "Coping with a Conflicted China," *The Washington Quarterly*, 2011, Winter, pp. 7–27.

¹⁷ Wang Xiaodong's views are described in A. Gabuyev's article *Kitayskiye natsionalisty: shtrikhi k intellektual'nomu portretu Van Syaoduna* [Chinese Nationalists: Touches to the Intellectual Portrait of Wang Xiaodong], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, No. 3, pp. 78–95.

¹⁸ As L. Jakobson noted in her work *New Foreign Policy Actors in China*, in many interviews of Western scholars with the PRC experts and officials the "netizens", that is people who voice their opinions or take part in the Internet discussions, were characterized as "a new pressure group that exerts indirect but still more noticeable influence on the formulation of foreign policy" (L. Jakobson, D. Knox, *New Foreign Policy Actors in China*, SIPRI Policy Paper: Stockholm, 2010. No. 26, September, p. 44). L. Jakobson has represented SIPRI in Beijing for a number of years.

¹⁹ Yuan Kun, *China Has No Alternative but...* Beijing, Zhongyang bianze chubanshe, 2010 (*in Chinese*).

²⁰ Hu Angang, Yan Yilung, Wei Xing, *China 2030 — to Universal Prosperity*, Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2011, p. 30 (*in Chinese*).

²¹ D. Shambaugh, "Coping with a Conflicted China," p. 24.

- ²² [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23)).
- ²³ E. McVadon, "The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea," *China Security*, Washington, 2009, Vol. 5, No. 2, pp. 3–17. Quotation — p. 7.
- ²⁴ 2010 *Zhongguo guoji diwei baogao* [Report on China's International Status 2010], Beijing, Renmin chubanshe, 2010, p. 261 (in Chinese).
- ²⁵ M. Chase, "Chinese Suspicion and U.S. Intentions," *Survival*, Washington, 2011, Vol. 53, No. 3, June-July, pp. 133–150.
- ²⁶ Zhang Liangui, "The Korean Peninsula: 'On the Brink of War?'" *Shijie Zhishi*, Beijing, 2009, No. 5, pp. 14–23. Quotation — p. 23 (in Chinese).
- ²⁷ 2010 *Zhongguo guoji diwei baogao*, p. 277.
- ²⁸ Cai Jian, "The New Exacerbation of Nuclear Crisis in North Korea. How China Should Oppose It," *Shijie zhishi*, Beijing, 2009, No. 9, pp. 27–29 (in Chinese).
- ²⁹ 2010 *Zhongguo guoji diwei baogao*, pp. 277, 281.
- ³⁰ B. Glaser, "China's Policy in the Wake of the Second DPRK Nuclear Test," *China Security*, 2009, Vol. 5, No. 2, pp. 39–40.
- ³¹ Yu Shaohua, "The Nuclear Problem of the DPRK: Looking for the Outcome," *Shijie zhishi*, 2009, No. 18, pp. 30–31 (in Chinese).
- ³² 2010 *Zhongguo guoji diwei baogao*, p. 283.
- ³³ The specific list of claims to China's policy toward the DPRK in 2010 is contained in T. Christensen's article "The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy" (*Foreign Affairs*, 2011, March-April. For the Russian version of events see: A. Zhebin, "Koreiskiy poluostrov: u opasnoy cherty [The Korean Peninsula: At a Dangerous Line]," *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2011, No. 1, pp. 123–134.
- ³⁴ 2010 *Zhongguo guoji diwei baogao*, pp. 268–272.
- ³⁵ 2011 *Zhongguo guoji diwei baogao* [Report on China's International Status 2011], Beijing, Renmin chubanshe, 2011, pp. 231–236 (in Chinese).
- ³⁶ *Zhongguo guoji diwei baogao*, 2010, pp. 287–289.
- ³⁷ See: Ya. Leksyutina, "Obostreniye napryazhyonnosti v Yuzhno-Kitayskom more: vzhlyad iz YuVA, KNR i SSHA [Exacerbation of Tension in the South China Sea: Views from SEA, the PRC and the U.S.A.]," *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2011, No. 5, p. 34.
- ³⁸ Nick Bisley refers to a Chinese official person who said in a private conversation with Hillary Clinton in March 2010 that from now on China would regard its rights in the South China Sea as a "vital interest," that is, a strategic priority of the highest order (N. Bisley, *op. cit.*).

- ³⁹ Ye Zicheng, *op. cit.*, p. 97. In the PRC the South China Sea is called the "South Sea."
- ⁴⁰ *Ibid.*, pp. 118–119.
- ⁴¹ Dai Bingguo, "We Must Stick to the Path of Peaceful Development," *Foreign Affairs Journal*, Chinese People's Institute of Foreign Affairs, Beijing, 2011, Spring, pp. 1–16.
- ⁴² "Peaceful Development of China. Information Office of the PRC State Council. September 2011," *Beijing Review*, 2011, No. 37, September 15 (in Chinese).
- ⁴³ Wu Jianmin, "The Next Ten Years of International Situation," *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 9, pp. 3–5 (in Chinese).
- ⁴⁴ Yang Wenchang, "Diplomatic Words of Wisdom," *China Daily*, 2011, October 29.
- ⁴⁵ Yang Jiechi Tells about China's Foreign Policy in 2011. To Conquer Challenges, Protect the Interests of the State. — URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html>, 02.01.2012 (in Chinese).
- ⁴⁶ See: G. Holyk, "Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia," *Political Science Quarterly*, New York, 2011, Vol. 126, No. 2, pp. 223–254.
- ⁴⁷ The concept of "smart power" was put forward by Suzanne Nossel in 2004 in the *Foreign Affairs* journal.
- ⁴⁸ A. Brady, "China's Rise in Antarctica?" *Asian Survey*, Berkeley, 2010, Vol. 50, No. 4, July-August, pp. 759–785. Here — p. 781.
- ⁴⁹ New specific features of China's diplomacy with neighboring countries and regions: expansion of cooperation and "cooling" of burning questions. — URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>
- ⁵⁰ During a visit of the Prime Minister of India M. Singh to China in 2008 the two sides for the first time exchanged their projects of a possible framework agreement, including territorial concessions as a road to gradual solution to the border dispute. However, they did not contain anything new, "the parties proved unable to free themselves from mutual suspicions" (Jacob Jabin, "The Sino-Indian Boundary Dispute: Sub-National Units as Ice-breakers," *Eurasia Border Review*, Slavic Research Center at Hokkaido University, 2011, Vol. 2, No. 1, Summer, pp. 35–45. Here — pp. 37–38.
- ⁵¹ "China Violates Sovereignty," *Viet Nam News*, Hanoi, 2011, May 30.
- ⁵² The China-Vietnam Joint Statement: China and Vietnam declared their intention to resolve all maritime disputes in a proper manner. — URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>.

⁵³ “Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011,” *Beijing Review*, 2011, September 22.

⁵⁴ “Philippines Walking a Very Fine Line. Editorial,” *Global Times*, Beijing, 2011, November 17.

⁵⁵ “China-ASEAN Cooperation: 1991—2011,” *China Daily*, 2011, November 17.

⁵⁶ Liu Weidong, “East Asia Summit Agenda,” *China Daily*, 2011, November 16.

⁵⁷ <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.

⁵⁸ This proposal put forward as a “Norwegian idea” was contained in a report by Li Gang, an associate of the Institute of World Development at the Development Research Center of the PRC State Council, “China in the Process of Dealing with Challenges Connected with the Disputes over the South Sea,” World Development Working Paper Series, Beijing, 2011, August (*in Chinese*). Along with this, the idea to “stick to the islands, but agree to concessions on the use of the sea area,” was also voiced by Huang Guifang, a Chinese participant in the conference on problems of cooperation of the RF and the PRC in BRICS and APR (Moscow, December 1—2, 2011).

⁵⁹ See: *Fenhuang zhoukan*, Shenzheng, 2011, No. 30, pp. 68—71. The Weekly *Fenguang* (Phoenix) is considered to belong to Hong Kong capital and published in Shenzheng (in Chinese).

⁶⁰ D. Shambaugh, *op. cit.*, pp. 19—20.

⁶¹ Le Yucheng, “Certain Views and Reflections on International Situation and China's Diplomacy,” *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 5, pp. 3—8 (*in Chinese*).

⁶² <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19US-China-joint-statement>.

⁶³ Chinese experts: next year will be crucial for Chinese-American relations, and it will demand a proper reaction from both sides. — URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>.

⁶⁴ R. Cossa, B. Glosserman, “Return to Asia: It's Not (All) About China”, *PacNet*, 2012, No. 7, January 30. Pacific Forum CSIS, Honolulu. — URL: www.pacforum.org

⁶⁵ <http://www.mid.ru>, 2012, February 4.

ABSTRACT

The monograph by Vladimir Portyakov is devoted to a comprehensive analysis of China's emergence as a responsible global power. The project traces the origin and base for China's embracing such status and major spheres of its practical realization.

Scientific novelty of the study lies in, firstly, its pioneer nature, which has no analogues in Russian and foreign sinology. Although the topic of global responsibility of the country is being developed actively enough in China, these studies still lack generalized and especially self-critical research on the issue. Secondly, the project managed to find out the original methodology that could be applied to the other countries that claim to be great powers carrying global responsibility. This fully applies to the Russian Federation.

The process of China's embracing the status of a responsible global power had been accompanied by a significant upgrade of the foreign policy tools. Beijing, being interested in improving external environment for economic growth, had laid emphasis on the consistent implementation of the policy of partnership and good neighborliness. The study also addresses how China realized its status of a responsible power at the United Nations.

The study as well touched the topic of China's adaptation to the rules of the WTO, Beijing's actions during the world economic crisis and its policy of national currency exchange rate. Here the monograph stressed the need for China to move from the pre-crisis model of its global responsibility in the world economy to the post-crisis model. The latter involves shifting the center of gravity more to the intensive factors of development and the introduction of reasonable self-restraint in the annual GDP growth rate and in the scope of commodity expansion in world market.

The PRC and the international community differ in the vision of the country's responsibility in domestic policy. China does not shy away from

improving its political institutions and protecting human rights, but progress here is not of a linear nature.

In the sphere of climate change Chinese diplomacy sees its task in achieving optimal balance between its right to ensure a dynamic long-term development and the implementation of country's commitments to combat global warming as one of the world leading emitters of greenhouse gases.

Finally study attempts to trace the interrelation between China's and Russia's approaches to the concept of a multi-polar world and their status as great powers. Moscow and Beijing's commitment to the principle of global responsibility may contribute to a non-confrontational model of a multi-polar world, and thus improve the external conditions for the implementation of key national interests of Russia and China. Wider application of the principle of global responsibility in Russian policy may also improve Russia's image abroad.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Становление Китая как ответственной глобальной державы: хронология и концептуальное оформление	6
Глава 2. Внутривосточные измерения глобальной ответственности Китая	22
Глава 3. Мирозастественные аспекты обретения Китаем статуса глобальной державы	34
Глава 4. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики: партнерство, добрососедство, позиционирование в Организации Объединенных Наций	41
Глава 5. Экономическая дипломатия КНР	68
Глава 6. Китай и Россия в Шанхайской организации сотрудничества	77
Глава 7. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы	94
Глава 8. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009—2011 гг.	112
Заключение	140
Приложение. Английские версии ряда глав монографии:	
The Formation of China as a Responsible Global Power	142
Foreign-policy Instruments of the People's Republic of China (Partnership, Good-Neighborliness, Positioning in the UN)	156
Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization	180
A Multipolar World as Seen by Russia and China and International Challenges	196
Certain Specific Features of China's Foreign Policy in 2009—2011	212

Научное издание

Портяков Владимир Яковлевич

**Становление Китая
как ответственной глобальной державы**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.02.2013
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 15,0. Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 6

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
г. Москва, Нахимовский пр., 32